

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»

Кафедра политологии и правоведения

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ
(к 100-летию окончания Первой мировой войны)**

Материалы Круглого стола с международным участием

Луганск, 5 декабря 2018 г.

Луганск
2019

УДК 323:327.5-047.44 (06)

ББК 66.4(0), 302 Я43

II 50

Рецензенты:

- Яковенко А.В.** – профессор кафедры социологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», доктор социологических наук, профессор
- Проценко А.В.** – доцент кафедры политологии и международных отношений ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», кандидат политических наук
- Бодрухин В.Н.** – профессор кафедры истории Отечества ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», доктор исторических наук, профессор

II 50 **Политические итоги международных конфликтов** (к 100-летию окончания Первой мировой войны) : Материалы круглого стола с международным участием, Луганск, 5 декабря 2018 года / под ред. : О.Г. Михайловской. – Луганск : Книта, 2019. – 216 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых и молодых исследователей в разных отраслях общественных наук, посвященные теоретическим вопросам политических конфликтов.

Адресуется ученым-политологам, историкам, международникам, государственным и политическим деятелям, преподавателям общественных наук, а также всем, кто интересуется политическими аспектами международных отношений.

За содержание представленной информации ответственность несут авторы.

УДК 323:327.5-047.44 (06)

ББК 66.4(0), 302 Я43

*Печатается по решению научной комиссии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 10 от 18 июня 2019 г.)*

Коллектив авторов, 2019
© ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ
имени Тараса Шевченко», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	6
РАЗДЕЛ I. УРОКИ МИРОВЫХ ВОЙН	8
ШЕЛЮТО В.М. БОРЬБА ИДЕОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XX ВЕКА.....	8
ЧЕШЕНОВА Т.В. БОРЬБА РОССИИ СО СНАРЯДНЫМ ГОЛОДОМ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПУТЕМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА ПОСРЕДСТВОМ СТРОИТЕЛЬСТВА СОБСТВЕННЫХ ХИМИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВ (НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА).....	23
КАРПУНОВ В.И. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	32
КОРОЛЁВА Г.И. ВЛИЯНИЕ ИТОГОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	36
КРЫСЕНКО Д.С. РАСПАД АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИТОГОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	46
ПИСАНЬИ Д.М. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ».....	52
ТАТОЛИ Т.В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ БОЛГАРИИ.....	60
КУЧЕР К.В. ОБРАЗОВАНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ.....	65
МИНДЮКОВА А.В. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	77
БЕРЕЖНОЙ Э.А. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА.....	80

БУНЕЕВ В.Д. ВОЙНА ЗА ГЕГЕМОНИЮ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ 1914–1918 гг. АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗ ПАРИЖА НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ.....	85
ОЛЕЙНИК В.А. РЕВОЛЮЦИЯ В РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ АЛЬЯНСОВ.....	91
ТРЕГУБ В.А. СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И «СТРАТЕГИЯ ХАУСА».....	100
РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМА РАЗРЕШИМОСТИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	106
ОНОПКО О.В. УКРАИНСКАЯ СТРАТЕГИЯ НА АЗОВЕ КАК ВЫЗОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	106
АНПИЛОГОВА Т.Ю. ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СОЗНАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ЭПИЦЕНТРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	110
ГАВРЫШ О.В. ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОКОЛЕНИЯ «ДЕТЕЙ ВОЙНЫ»).....	113
КЛИПАКОВ Н.В. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ.....	117
ЛАДЫГА Л.И., СКЛЯНКО В.В. РОЛЬ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА В НЕДОПУЩЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ).....	124
ЛАДЫГА Л.И., СОБИНА М.С. УКРАИНСКАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА.....	128
МИХАЙЛОВСКАЯ О.Г. АСИММЕТРИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.....	141
ТАТАРИНОВ И.Е. К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ	

СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...	148
ГАЛИНСКИЙ Я.О. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ОСТРОВ ПРИДНЕСТРОВЬЕ.....	155
КАНДАУРОВ Б.И. ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ.....	161
КЕРЕЧАНИНА Д.А. «МЯГКАЯ СИЛА» КАК АЛЬТЕРНАТИВА ВООРУЖЕННЫМ СРЕДСТВАМ БОРЬБЫ ЗА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ.....	166
КОВАЛЬ О.В., ЛАДЫГА А.И. ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТИЯ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ ОБЩЕСТВА.....	169
МИХАЙЛОВСКАЯ О.Г., КУПРИЯНОВА В.А. РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ.....	173
ЛЕВЧЕНКО А.В., МИХАЙЛОВСКАЯ О.Г. ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	178
ИОРГАНСКИЙ Е.А. ИРАНО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ.....	183
КРОВЕЛЬЩИКОВ С.С. ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	192
ТКАЧЕНКО М.Ф. КОНФЛИКТ НА ДОНБАССЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ.	199
ЯКОВЕНКО В.А., МИХАЙЛОВСКАЯ О.Г. ФОРМАТ МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ.....	203
<i>Сведения об авторах.....</i>	212

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

За последние пять тысячелетий люди не воевали только 215 лет. Всё остальное время они уничтожали друг друга. С 3600 года до н.э. по настоящее время свыше 15 тысяч войн унесло около 3,5 млрд. человеческих жизней. Только за 80 лет XX века в мире произошло 154 войны, стоившие человечеству свыше 100 млн. жизней.

Страшными итогами величайших трагедий человечества, стали Первая мировая – Участвовали в войне 35 государств, 10 млн. убитых и скончавшихся от ран и 20 млн. раненых из числа 74 млн. мобилизованных в вооружённые силы, да плюс к этому 10 млн. человек, умерших от эпидемий (знаменитая «испанка») и голода. Государства понесли колоссальные материальные потери.

Во Вторую мировую войну погибло уже порядка 40 млн. человек.

Почему же люди постоянно воюют друг с другом? Причина войн в социальных условиях или в сущности человека – его агрессивности, завистливости, жадности? Или война это биологическая саморегуляция численности населения планеты?

Недавно в передаче «Что делать?» эксперты размышляли о возможности новой мировой войны. Одни считают, что мы уже находимся на первой стадии глобальной войны, третья мировая война уже идёт.

Другие полагают, что современная война не обязательно будет ядерная. Сейчас будет другая война, возможно, даже невидимая, без применения огнестрельного и ядерного оружия. Информационные и кибервойны могут привести к не меньшим нарушениям в экономике противника.

Раньше цель войны была проста – победить армию противника и оккупировать территорию.

Сейчас цели войны другие – переориентировать элиту противника на свою систему ценностей. Вполне достаточно подчинить правящую страной элиту, чтобы она делала то, что хотят. Такова цель экономических санкций. Но от этого война

не делается менее безопасной для страны, против которой она направлена.

Человечество, если оно хочет продлить свое существование, должно делать выводы из собственных ошибок, в том числе извлекать уроки из прошедших войн. Особенно важны уроки мировых войн. Это и определяет цель данного сборника.

Редакционная коллегия

РАЗДЕЛ 1. УРОКИ МИРОВЫХ ВОЙН

УДК [329.15+329.18]:316.75 «3633»

БОРЬБА ИДЕОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XX ВЕКА

Шелото В.М.
(г. Луганск)

Почти весь XX век прошёл под знаменем мощной и бескомпромиссной идеологической борьбы. Войны, в развязывании которых идеологические причины играют важную роль, являются наиболее кровавыми и ожесточёнными в истории человечества. Первая мировая война 1914–1918 годов непосредственно не была связана с борьбой идеологий. Однако «незаконченность» этой войны, нерешённость или неадекватное решение множества экономических, социально-политических, национально-государственных проблем способствовало формированию в европейских странах политических режимов, во главу угла существования которых была поставлена социально-классовая или националистическая идеология. Эти политические режимы начали между собой вести интенсивную идеологическую борьбу, что неизменно привело к новой войне, в которой борьба коммунистической и фашистской идеологий имела ключевое значение. Если Первая мировая война была, в первую очередь, войной за передел мира, за источники сырья и рынки сбыта, то во Второй мировой войне столкновение идеологий способствовало наибольшей остроте геополитического противостояния СССР и держав «оси». В этой войне не могло произойти братания солдат на фронте, как это имело место в заключительной фазе «империалистической» войны. Регулирующая европейские и мировые политические процессы между двумя мировыми войнами Версальско-Вашингтонская система, оформившаяся после поражения Германии и Австро-Венгрии в 1918 году, устанавливала не

столько мир, сколько длительное перемирие между враждующими блоками государств. Она не могла предотвратить множество локальных войн, охвативших Европу и мир в конце 30-х годов XX века.

Создание «идеократических» режимов в странах Европы было бы невозможно без многочисленных правых и левых движений, стержнем которых явилась конкретная идеология. К концу 30-х годов лишь немногие государства Европы оставались на позициях буржуазной демократии. «Идеократические» режимы, такие как коммунистический режим в СССР, санационный – в Польше, фашистский – в Италии, нацистский – в Германии, франкистский – в Испании, а также политические режимы монархического и клерикального характера, тесно связанные с идеологиями крайне правого толка, охватили собой почти весь европейский континент. В период между двумя мировыми войнами все режимы правого толка вместе с либерально-буржуазными правительствами Европы пребывали в постоянном идеологическом противостоянии с СССР. Между государствами с разной идеологией в этот период разворачивалась масштабная геополитическая борьба, являющаяся важнейшей конструкцией всего исторического процесса XX столетия. Идеологическая борьба продолжалась и в новой исторической ситуации, наступившей после окончания Второй мировой войны. Она приняла несколько иную модификацию, суть которой заключалась в противостоянии коммунистического Востока и либерально-буржуазного Запада. Идеологии этого времени существенно трансформировались по сравнению с довоенной ситуацией, однако формы идеологического противостояния мало изменились. Именно в первой половине XX столетия политическая идеология получила такое развитие, что в отдельных государствах Европы смогла вытеснить религию из сознания людей в значительной степени.

Западная цивилизация, которая была основана на индивидуализме, гедонизме и секуляризме, и раньше противостояла православному Востоку, идеология которого основывалась на коллективизме, культе мученичества и

религиозности. Применительно к Советскому Союзу, образовавшемуся в результате воссоединения территорий бывшей Российской империи, эти основания увязываются не столько с традиционной православной религиозностью восточнославянских народов, сколько с превращённой формой религиозности, свойственной идеологическому проекту коммунизма. Именно благодаря идеологии коммунизма удалось объединить в новую сверхдержаву различные по вероисповеданию народы на качественно иной основе, что являлось адекватным ответом на вызов Запада. Характер этой «новой религиозности» или «квазирелигиозности» подробно описан в известной работе Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Давая характеристику такой «религиозности», Н.А. Бердяев подчёркивает глубинное духовное противоречие коммунистического проекта: «Правда и ложь так перемешаны в коммунизме именно потому, что коммунизм есть не только социальный феномен, но и феномен духовный... Именно религиозный характер коммунизма, именно религия коммунизма и делает его антирелигиозным и антихристианским. Коммунистическое общество и государство претендуют быть тоталитарными. Но это и есть основная ложь. Тоталитарным может быть лишь царство Божье, царство кесаря всегда частично» [1, с. 125–126].

В отличие от Российской империи и СССР в основе идеологии западного общества, начиная с эпохи Реформации и особенно Просвещения, лежали такие ценности как свобода, частная собственность, права человека, мировоззренческий плюрализм, многопартийность. По своей сути эти ценности отвращали человека от поисков всеобщей моральной истины и утверждали атомарное, юридическое по своему характеру, мировоззрение конкретного человека. Такое мировоззрение носит изначально кризисный характер, поскольку основывается на субъективизме, скептицизме и релятивизме по отношению к истине как таковой. Поэтому, начиная со времён Реформации, западное общество в религиозном смысле погружено в перманентный ценностный кризис. Одним из проявлений такого кризисного сознания и является стремление к фундаментальной

замене религии политической идеологией, ярко проявившееся еще в период Великой французской революции конца XVIII века.

Идеология, по сравнению с религией, не является устойчивой системой. Она пребывает в состоянии постоянной трансформации, которая может способствовать как её эволюции, так и деградации. Европейская социал-демократия в конце XIX–начале XX века, а во второй половине XX века и т.н. «еврокоммунизм», или «социализм с человеческим лицом», отвергли основанную на классовой борьбе марксистскую идеологию и утопический порыв к преобразованию общества на основе социальной справедливости. Тем самым данные идеологии фактически утратили свой революционный дух. В результате этого в 80-е годы XX века левые партии в странах Европы либо трансформировались в партии либерально-буржуазного толка, либо вовсе сошли с политической сцены.

Идеологическое стремление к преобразованию общества на справедливых началах исчезает вследствие замены революционных ценностей теми эрзацами, которые связаны с повседневным существованием конкретного индивидуума. Именно из таких индивидуумов рождается новое общество, качественно противоположное революционному почину начала XX века. Это – «общество потребления», в котором потребности бытового характера явно доминируют над идеологическими ценностями. Ещё в период НЭПа В.В. Маяковский предупреждал: «Страшнее Врангеля обывательский быт. Скорее головы канарейкам сверните – чтоб коммунизм канарейками не был побит!» [2, с. 75]. В этом плане пролетарские революционеры XX века основывали свою деятельность на преобразовании индивидуальных потребностей человека в духе аскетизма: «Была бы страна родная, и нету других забот». Революционная позиция выражалась в том, что в будущем коммунистическом обществе не должно быть не только бедных, но и богатых. Согласно представлениям революционеров XX столетия, также как и религиозных реформаторов эпохи феодализма, человек не должен быть заиклен исключительно на потребностях материального характера. Главными его

интересами должны стать интересы духовного порядка. В отношении к расслоению общества на основе неравномерного распределения материальных благ устроители «Нового мира» были солидарны с Платоном, утверждающим, что бедность и богатство являются главными врагами идеального государства. «Мирской аскетизм» у протестантов, формирование «разумных потребностей» у коммунистов является важнейшим показателем того, что политическая идеология находится на подъёме. Наоборот, когда ценностным критерием выступает чисто материальная выгода, не соотносённая с этикой и духовностью, происходит быстрая деградация идеологии.

В условиях каждой исторической эпохи идеологии должны бороться друг с другом за выживание. Побеждает та из них, которая даёт наиболее адекватные ответы на вызовы времени. Любая развивающаяся идеология имеет экспансионистский характер. Она стремится к расширению числа её адептов. То государство, которое не желает согласиться со своим принижённым положением в существующем мире, обречено на идеологическое противостояние с другими государствами. Оно либо борется за своё выживание, либо разрушается и сходит с исторической сцены. Поэтому роль идеологии в ситуации геополитического противостояния существенно возрастает. Именно в ходе войны, «осаждённой крепости» нужен символ веры. Поскольку в XX веке религия вследствие архаичного характера данного мировоззрения, ориентированности его на вечность, иррациональности зачастую не может дать «символ веры» рационалистически мыслящему человеку, возникает потребность в идеологии, способной держать удар со стороны сильного противника. Так, для осуществления политики реванша и пересмотра итогов Первой мировой войны Германии потребовался нацизм, для успешного противостояния буржуазному окружению и строительству «Нового мира» Советскому Союзу нужен был «символ веры» в коммунизм, для противостояния Израилю враждебно к нему настроенному арабскому миру потребовалась идеология сионизма.

Исключительно опасной тенденцией, которая возникла в ходе перестройки в СССР и распада этого государства в 1991 году, является вытеснение из современного политического спектра левых движений и идеологий. В настоящее время политическая инициатива переходит к правым силам, которые всегда являлись надёжным инструментом олигархии. Ещё в 30-е годы XX века Г. Димитров определял фашизм как диктатуру реакционной финансовой буржуазии. Часто правая идеология является выражением той или иной формы «политического эгоизма» – расизма, радикального национализма, экстремизма. Она обращена к традиции, к мифу, к прошлому, к иерархичному общественному строю. Левая идеология, наоборот, стремится к глобальному устройению общества на началах социальной справедливости. Поэт революции В.В. Маяковский мечтает о том, чтобы в будущем обществе «без России, без Латвий жить единым человеческим общезжитием» [3, с. 164].

Крайне правая идеология основывается на принципиальном неравенстве людей. Свою модель глобализма предлагает фашистская идеология, которая утверждала власть над миром одной нации: «Германия превыше всего». Примером её реализации является «новый порядок», созданный фашистской Германией на территории оккупированных стран. В своём радикальном варианте этот принцип «Нового порядка» был начертан на воротах концлагеря Освенцим «Каждому – своё». Нынешний глобализм, основанный на существовании однополярного мира, носит также «правый» характер и строится на превосходстве западной цивилизации.

Анализ политических идеологий XX века свидетельствует о том, что, несмотря на отрицание религии, их мировоззренческие основы, тем не менее, базируются на устойчивых «догматах», которые принимаются без доказательства и составляют сердцевину упомянутых идеологий. Религия в большинстве идеологий конца XIX–XX века занимает сравнительно незначительное место, а иногда даже отрицается как ложная форма мировоззрения. Так, например, согласно К. Марксу: «Религия – это вздох угнетённой

твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [4, с. 415]. Впервые религию с опиумом сравнил «enfant terrible» французского Просвещения маркиз де Сад в 1797 году в своём романе «Жюльетта», а затем такое же сравнение повторил националистически настроенный немецкий романтик Новалис. Оказавший косвенное воздействие на формирование фашистской идеологии Ф. Ницше позиционировал себя как противник христианства. Согласно утверждению немецкого философа: «Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно ещё помочь в этом...» [5, с. 633]. Ф. Ницше подчёркивает, что: «Христианство взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников, оно создало идеал из противоречия инстинктов поддержания сильной жизни; оно внесло порчу в самый разум духовно-сильных натур, так как оно научило их чувствовать высшие духовные ценности как греховные, ведущие к заблуждению, как искушения» [5, с. 634–635].

Таким образом, политические идеологии XX века содержат в той или иной мере элементы атеистического мировоззрения. Вплоть до эпохи Просвещения атеизм был маргинальным явлением по отношению к магистральной линии философии. Однако в конце XIX–начале XX веков он превращается в одну из важнейших конструкций различных политических идеологий, в том числе либерализма, анархизма, социализма, коммунизма, фашизма. По своей сути, атеизм является разновидностью идеологии, а не философии. Он может носить как рациональный, научный характер, так и быть иррациональным, содержа в себе тенденции богоборчества. В XX веке атеизм является важным средством «мифологизации» и «мистификации» политических отношений и процессов. Он оказывает серьёзное воздействие не только на политические учения левого толка, объявляющие «войну небу», но и на крайне правые. Однако, как подчёркивает Ж. Желев: «Антирелигиозная борьба нацистской партии... не может прийти до последовательного атеизма, ибо ни одно фашистское государство не может искоренить веру вообще. Борясь против

одной религии – христианской, оно насаждает другую – идеологию фашистской партии» [6, с. 101]. Борьба с религией в фашистском государстве сводится в первую очередь к борьбе с религиозной моралью. Освобождение гитлеровским режимом немецких солдат от «химеры совести» является тому наглядным примером. Что касается идеологии либерализма, то эта идеология использует религию прагматически. Надпись «В Бога мы верим» на американских долларах является символом такого прагматизма. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» [7] М. Вебер дал всестороннюю характеристику воздействия протестантизма на процесс формирования либеральной идеологии Запада. Идеология либерализма, в значительной степени, восходит к кальвинистским представлениям о божественном предопределении. Согласно этим представлениям, успех и материальное процветание буржуа является наглядным свидетельством того, что он находится под покровительством божества.

Каждая из политических идеологий обращается к определённому модусу времени, который является для неё определяющим.

Либеральная идеология «боготворит» «священное право» частной собственности, деньги, рынок. Она привязана к моменту «вечного» настоящего. Эта идеология зиждется на европоцентризме. Её адепты воспевают «бремя белого человека» – носителя ценностей. Её критерий – успех, выражающийся в определённой сумме денег или материальных благ. Она провозглашает свободу как исключительно важную ценность для состоятельных в финансовом плане людей. История становления западной демократии раскрывает её подлинное лицо, в котором подчёркнуто превосходство хозяев жизни над всеми остальными, «виннеров» над «лузерами», «волков» над «овцами». Согласно известной мысли автора «Капитала», в мире не существует такого преступления, на которое не пошёл бы капиталист, если оно сулит ему сверхприбыль. Однако свои негативные черты эти идеологии тщательно камуфлируют представлениями о праве как

всеобщем регуляторе общественных отношений, о свободе и демократии как главных ценностях.

Фашистская и национал-социалистская идеологии, являвшиеся государственными идеологиями Италии, Германии и ряда других европейских стран в 20-х – первой половине 40-х годов XX века, рассматривали себя как альтернативу западной демократии. В то же время, они являлись её непосредственным порождением, своего рода «болезнью» европейского человечества. Данные идеологии защищали ценности «западного» мира наиболее радикальными средствами. Выработанные исключительно европейскими нациями, опоздавшими к территориальному разделу мира, они содержат, по словам Ф. Ницше, «верность земле», а не небу, на которое ещё в какой-то мере уповают «прекраснодушные» либералы. Идеологии фашизма и нацизма обращены к героическому прошлому, к древним языческим богам, «которые велют ковать железо». Стержневой идеей этой идеологии является превосходство одной нации и расы над другими. Сращивание партии и государства в Германии и Италии, после захвата власти фашистами способствует тому, что: «Идеология фашистской партии, строящей государство по своему образу и подобию, передаётся государству и таким образом становится государственной идеологией... А узаконенная монополия фашизма в идеологии неизбежно перерастает в воинствующий фанатизм и мракобесие» [6, с. 96].

Как и соответствующая политическая партия, коммунистическая идеология формировалась в качестве идеологии «нового типа». Основные мифологемы данной идеологии направлены в сторону будущего, которое, по словам Н.Г. Чернышевского, «светло и прекрасно». В этом «светлом будущем», как подчёркивает программа КПСС, должен «осуществиться великий принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям». Концепция истории, сформулированная коммунистами, исходя из указанной мифологемы, глубоко эсхатологична и имеет определённые параллели в хилиастических учениях. Она является одним из вариантов обоснования грядущего «конца истории» и перехода

в транзисторию. В 20-е–30-е годы XX века коммунистическая идеология оценивалась значительной частью западной интеллигенции позитивно как передовая идеология человечества, как идеология прогресса. Несмотря на резкую неприязнь к этой идеологии правящего класса капиталистических стран многие из властителей умов Запада того времени симпатизировали построению нового общества в СССР. И лишь немногие из выдающихся деятелей западной культуры начала XX века симпатизировали фашистской и нацистской идеологиям.

Коммунизм является идеологией индустриального общества. Эта идеология отмирает при переходе к постиндустриальному этапу. Постиндустриальное общество носит постмодернистский характер, где происходит размывание классовой структуры общества и утверждает себя «культура утраченных различий» [8]. Коммунистическая идеология в СССР, однозначно оценивая направленность исторического процесса в сторону победы коммунизма, не могла приспособиться к качественно изменившимся условиям постиндустриальной эпохи. В Китае коммунистическая идеология сохранилась вследствие того, что общество нашло адекватный ответ на брошенный временем вызов и смогло сравнительно быстро перейти на рельсы рыночного социализма с китайской спецификой, что означало синтез коммунистической идеологии и традиционного для Китая конфуцианства.

В отличие от других идеологий, коммунистическая идеология стремилась к наукообразию. В плане научного анализа общества она первоначально достигла немалых успехов. Ярким примером этого является «Капитал» К. Маркса, «Империализм как высшая и последняя стадия капитализма» В.И. Ленина и другие работы идеологов данного движения. Однако с конца 60-х–начала 70-х годов XX века данная идеология всё меньше и меньше справляется со стоящими перед ней задачами. Давая характеристику силам социального прогресса человечества, коммунистическая идеология не выстраивает чёткой и ясной модели будущего общества.

Характеристика развитого социализма является всего лишь попыткой выдать желаемое за действительное. В 70-е годы XX века идея коммунизма постепенно утрачивает не только свою революционность, но и свою привлекательность для левых течений на Западе и национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. Формирующееся «общество потребления» уже не воспринимает фундаментальные идеи преобразования мира, прописанные в коммунистической идеологии. Оно требует конкретных результатов «здесь и сейчас», направленных, в первую очередь, на улучшение материального положения конкретного человека. Учение о «развитом социализме» не может адекватно не только разрешить, но и научно описать возникшие во второй половине XX века противоречия и постепенно себя изживает.

В условиях биполярного мира борьба идеологий являлась своего рода сублимацией накопленной агрессии между двумя противоположными системами – капитализма и социализма. Понимая всю опасность вооружённого столкновения в ядерный век, геополитические противники во второй половине XX столетия делают акцент именно на идеологической борьбе. Идеологическое противостояние является главной формой противостояния в период «холодной войны». Распад Советского Союза был во много связан с кризисом идеологий, что характерно для эпохи постмодерна. В этих условиях более гибкая идеология «свободного мира» одержала победу.

В XXI веке совершенно очевидно сохранение отдельных элементов идеологической борьбы в ходе противостояния России и Запада. Это, например, отождествление коммунистической и фашистской идеологий, предпринимаемое как в международных документах, так и в национальном законодательстве отдельных стран. К числу таких международных документов относится резолюция «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», входящая в текст Вильнюсской декларации XVIII ежегодной сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2009 (29 июня–3 июля 2009 г.). В данной резолюции тенденция отождествления

сталинизма и нацизма просматривается наиболее явно и всеобъемлюще [9]. Во исполнение подобных резолюций ЕС, имеющих рекомендательный характер, вносятся различные изменения в национальные законодательства восточноевропейских стран. Так, в 2015 году Верховной Радой Украины был принят закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» [10]. Согласно данному закону, предусматривается юридическая ответственность за использование коммунистической символики; происходит переименование населённых пунктов, а также ликвидация памятников и других артефактов, которые были связаны с идеологией коммунизма и советским периодом истории.

Когда существовал Советский Союз, с которым велась «холодная война», никто из влиятельных политиков Запада, несмотря на неприязнь к коммунистической идеологии, не озвучивал подобные суждения. Ведь относительно фашизма есть соответствующие документы Нюрнбергского процесса. Он осуждён юридически. Если сравнить указанные У. Эко в эссе «Вечный фашизм» признаки фашизма с характерными чертами коммунизма, то наберётся сравнительно небольшое число сходных черт между двумя идеологиями, в частности, формирование образа врага, вождизм, популизм, неприятие критики, использование «новояза» [11, с. 67–80]. История не терпит сослагательного наклонения и интерпретируется всегда с точки зрения победителя. И немецкий фашизм был побеждён благодаря СССР. Когда немецкого писателя Л. Фейхтвангера спросили о том, почему он написал столь хвалебную книгу о Москве 1937 года, когда сталинские репрессии находились в самом разгаре, он ответил, что готов был сотрудничать с любой силой, которая сможет одолеть фашизм. Такой силой на тот период истории являлся именно Советский Союз. Победа над фашизмом, в известном смысле, являлась и торжеством коммунистической идеологии.

После развала СССР само слово «фашизм» зачастую стало употребляться в принципиально ином контексте. Так,

противники либеральных реформ в России 90-х годов XX века, в частности, защитники Верховного Совета во время печально известных событий 1993 года, именовались «красно-коричневыми», что способствовало их полной дискредитации.

В настоящее время происходит не только политическая, но и юридическая реабилитация различных крайне правых антикоммунистических движений, в частности ОУН-УПА в Украине, пересматривается отношение к «традиционалистским» формам фашизма, таким как монархо-фашизм и клерикальный фашизм в странах Восточной Европы. Характерное для современной западной политики отождествление коммунизма с фашизмом имеет целью оправдать те европейские государства, ныне состоящие в Евросоюзе, которые либо приняли в своё время фашистскую идеологию в том или ином варианте, либо, пособничая фашизму, своей двурушнической политикой дали «зелёную улицу» захватчикам в период Второй мировой войны.

Приравнивание коммунизма к фашизму способствует существенному пересмотру места и роли советского народа, а значит, и России, в осуществлении Великой Победы во Второй мировой войне – главном событии XX столетия, способствует ревизии послевоенного устройства Европы и мира и предоставляет возможности для раздувания милитаристскими кругами новых геополитических конфликтов. Ведь сложившаяся после Второй мировой войны система международных отношений была напрямую связана с Советским Союзом и господствовавшей в нём коммунистической идеологией.

В настоящее время никто из ведущих политиков не говорит о существовании истинной идеологии. То или иное мнение зачастую закрепляется с помощью информационной агрессии и разрушения прежних мировоззренческих установок, ведущих к дезориентации человека в окружающем мире. Одним из таких приёмов и является стремление западных стран информационно ударить по современной России, являющейся правопреемницей СССР. Отождествление идеологий коммунизма и фашизма является одним из таких информационных ударов. Несмотря на то, что Российская

Федерация отказалась от коммунистической идеологии, болезненный информационный удар наносится по ней именно сейчас, чтобы лишить её подлинной истории. К тому же, такое отождествление приводит к частичной реабилитации фашизма. В ситуации, когда движение левых сил на европейском континенте фактически сведено на нет, неофашистские и крайне правые силы всё более активно заявляют о себе в новом столетии.

На смену прежним идеологиям приходят идеологические образования постмодернистского типа. В силу этого идеологическое противостояние в современном мире приобретает «гибридный» характер. В XXI веке уже не существует чётких и последовательных идеологических систем. Зачастую идеологические позиции противоборствующих сторон строятся на заведомой фальсификации исторического процесса, подмене понятий, замене реальных событий виртуальной реальностью, информационных атаках.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
2. Маяковский В.В. О дряни / Владимир Маяковский // Полное собрание сочинений в 13-тт. – М. : ГИХЛ, 1955 – 1961. – Т. 2. – 1956. – С. 73–75.
3. Маяковский В.В. Товарищу Нетте–пароходу и человеку / Владимир Маяковский // Полное собрание сочинений в 13-тт. – М. : ГИХЛ, 1955 – 1961. – Т. 7. – 1957. – С. 162–164.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50-и тт., 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955–1974. – Т. 1. – 1961. – С. 414–429.
5. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Фридрих Ницше Сочинения: в 2 т. – М. : Мысль, 1997. – (Философское наследие. Т. 126). – Т. 2. – 1997. – С. 631–692 с.

6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер Избранные произведения ; [пер с нем.] – М. : Прогресс, 1990. – С. 61–272.
7. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное Государство / Желю Желев; [пер. с болг.]. – М. : Новости, 1991. – 336 с.
8. Якимович А.К. Культура утраченных различий или об итогах XX столетия / А.К. Якимович // Знание – сила. – 1992. – Май–июль. – С. 120–129.
9. Резолюция «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» // Вильнюсская декларация Парламентской Ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. – Вильнюс, 29 июня – 3 июля 2009 года. – С. 53–56.
10. Закон України Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2015. – № 26, ст. 219) (Із змінами, внесеними згідно із Законом № 595-VIII від 14.07.2015, ВВР, 2015, № 37–38, ст. 366)
11. Эко У. Вечный фашизм: [пер. с ит. Е. Костюкович] / Умберто Эко / Эко У. Пять эссе на темы этики.– СПб, 2003. – С. 49–80.

**БОРЬБА РОССИИ СО СНАРЯДНЫМ ГОЛОДОМ В
ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПУТЕМ
ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНОСТРАННОГО
КАПИТАЛА ПОСРЕДСТВОМ СТРОИТЕЛЬСТВА
СОБСТВЕННЫХ ХИМИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВ
(НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА)**

**Чшенова Т.В.
(г. Новороссийск)**

Современники называли Первую мировую войну – Великой, и она действительно была таковой по количеству вовлеченных в нее стран, масштабам боевых действий, огромному количеству убитых и еще большему числу искалеченных в ходе боевых действий. Первая мировая являлась своего рода полигоном для испытания новых видов вооружения, никогда не применявшихся прежде и имеющих чудовищную поражающую силу. Нарастание военно-технологического потенциала ведущими странами Европы способствовало выдвиганию идеи о том, что с развитием боевого и технического оснащения продолжительность войны неизбежно должна сокращаться. Главное артиллерийское управление, базируясь на идее сокращенных сроков ведения войны, в 1910 г. установило нормы расходования и заготовило мобилизационные запасы снарядов, но не рассматривало вопрос об их пополнении в ходе войны. Потребности в вооружении и боеприпасах определялись из опыта прежних войн, и прежде всего русско-японской 1904–1905 гг. Когда эти нормы были выполнены, военное производство было практически законсервировано. Итоги первых месяцев войны обнаружили огромные материальные потребности действующих армий и затяжной характер войны.

Интенсивность артиллерийского огня всех воюющих армий приняла невиданные размеры. Так, уже в ноябре 1914 года, после нескольких крупных сражений русская армия

полностью израсходовала свои мобилизационные запасы. Начался так называемый «снарядный голод» [8]. Главная причина недостаточного производства снарядов заключалась в недостатке взрывчатых веществ, необходимых для оснащения снарядных корпусов. Причиной являлась не только малая производительность казенных заводов взрывчатых веществ, но и чрезвычайно слабо развитая промышленность по производству сырья для взрывчатых веществ, не способная обеспечить даже то, небольшое производство взрывчатых веществ, которое существовало [11].

Кровавыми жертвами расплачивались русские солдаты и офицеры за экономическую отсталость и слабость военной машины [12]. Правительство было вынуждено заказывать вооружение и боеприпасы за границей. 30% винтовок, 23% орудий, 20% снарядов поступили из-за рубежа. Но и заграничные заказы не могли восполнить слабость собственной промышленной базы России и обеспечить потребности армии. Перед экономикой государства встали совершенно новые, чрезвычайно сложные задачи. Возникла необходимость приспособления для военных целей значительной части основных отраслей промышленности, а также создания новых отраслей производства [2].

Военная мощь любой страны в значительной степени зависит от орудий массового поражения, имеющегося на вооружении этой страны, а следовательно, и от количества и качества содержащихся в боеприпасах взрывчатых веществ – химических соединений или смесей, способных к быстрым химическим реакциям, порождающим взрывы и ударную волну огромной разрушительной силы. От мощности взрывчатых веществ в артиллерийских снарядах, минах, торпедах, ракетах порой зависит исход всего сражения, что неоднократно подтверждали военные события XX века [1]. Одним из последних достижений в военном вооружении перед первой мировой войной стали фугасные снаряды, способствовавшие росту эффективности артиллерии, которая была решающим фактором в Первой мировой войне.

В 1916 г. Россия достигла своего максимального уровня

выпуска порохов (14,9 тыс. т) и взрывчатых веществ (12,3 тыс. т), однако это не обеспечивало потребности русской армии, и 2/3 этой продукции продолжали ввозить из Франции, Англии, Японии. Выявилась абсолютная неспособность царского правительства решить проблему обеспечения армии порохами и взрывчатыми веществами, спрос на которые удовлетворялся соответственно лишь на 10,8% и на 6,6% [13]. Причин этому было несколько. Химическая промышленность в России накануне войны была развита слабо и находилась в сильной зависимости от поставок иностранного сырья. Производство продуктов органической химии только начало складываться. Те немногие заводы, которые существовали в России, работали на импортном, преимущественно германском, сырье – бензоле и толуоле [15].

Большинство частных заводов, изготавливавших продукты органической химии (в то время основными на российском рынке были анилин и его производные, использующиеся для производства красок), находились в договорных отношениях с синдикатом иностранных производителей. Из-за очень высоких таможенных пошлин на готовые химические продукты и очень низких на химическое сырье иностранцам было выгодней ввозить в Россию сырой бензол и доводить его здесь до готовности либо ввозить под видом сырого бензола 50%, или почти готовый, загрязненный небольшим количеством легко отделяемых примесей. В результате германские коксобензолные полуфабрикаты обходились в два раза дешевле отечественных. Таким образом, производство взрывчатых веществ, которыми снаряжались боевые снаряды для русской армии, фактически находилось в полной зависимости от поставок германского сырья. Но с началом войны оно поступать перестало. В итоге отечественные заводы взрывчатых веществ оказались в ситуации, когда они «даже на ту небольшую производительность, которую они имели, были лишены главного исходного продукта – толуола, запасы которого в стране были весьма ничтожны, а выработка его в стране была не налажена» [5].

Что касается производства взрывчатых веществ, во время

Первой мировой войны самым массовым бризантным из них был тротил (тринитротолуол). Широкое распространение тротила объясняется его малой чувствительностью к механическим воздействиям. Основным сырьем для получения тротила является толуол. Толуол в промышленности выделяют из каменноугольной смолы и из продуктов термической переработки нефтяных фракций, используя два промышленных способа – коксование угля и пиролиз нефти [3]. Второй способ выделения толуола – процесс пиролиза нефти – был крайне неэкономичным и требовал большого расхода керосина, поэтому русская химическая промышленность отдавала предпочтение первому способу, т.е. получению его в качестве побочного продукта при коксовании угля. Для этого необходимо было снабдить коксовые печи рекуперационными (улавливающими) установками.

Однако русские владельцы металлургических заводов и рудников сами коксовых печей не строили и переработкой угля в кокс не занимались. Строительством коксовых печей и устройством заводов побочных продуктов занимались несколько иностранных, главным образом немецких, фирм. Но они не сооружали установки по улавливанию бензола, поскольку защищали интересы немецких экспортёров.

Накануне Первой мировой войны строительством коксовых заводов в России в Донецком бассейне занимались шесть иностранных фирм. Из них две фирмы («Эванс Коппе», «Оливье Пьетт») были бельгийские, три («Генрих Копперс», «Дюссельдорф» и «Коллин») – немецкие и одна («Карбонизация») – французская. Эти фирмы оговаривали с владельцами рудников свое исключительное право на постройку при печах бензольных заводов. Поскольку эти заводы, как правило, не строились, российской коксобензольной промышленности, по сути дела, не существовало, в лучшем случае она находилась в зачаточном состоянии. Так, для сравнения в 1911 г. в Германии производилось 1 058 375 пудов коксобензольных продуктов, в то время как в России – 3813 пудов [16]. Но дело не только в засилии иностранных промышленников. Еще одним определяющим фактором было

отсутствие на российском рынке в мирное время спроса на бензол и другие ароматические углеводороды.

В Западной Европе улавливание аммиака и тяжелых смол было введено в практику в 80-е гг. XIX в., а улавливание ароматических углеводородов – в первые годы XX в. В России же, несмотря на то, что производство кокса в начале XX в. неуклонно увеличивалось и в 1914 г. достигло 277 млн. пудов, что соответствовало уровню развитых промышленных стран, рекуперация побочных продуктов не получила распространения [16]. Коксовые печи в Донецком бассейне сооружались в основном без всяких рекуперационных приспособлений, и только в начале 1900-х гг. французским обществом «Карбонизация» был построен в Щербиновке первый завод с улавливанием побочных продуктов. Этот завод вырабатывал аммиачную воду для Донецкого содового завода и нашатырный спирт. Там же были сделаны попытки улавливания бензола и других легких углеводородов, но коммерческим спросом эти продукты не пользовались, и их производство было прекращено. После этого неудачного опыта коксовые заводы Донецкого бассейна не спешили сооружать у себя рекуперационные установки. В итоге за первое десятилетие было построено только два завода с улавливанием побочных продуктов, а к началу войны насчитывалось двенадцать коксовых заводов, имевших рекуперационное оборудование. Как только обнаружилось отсутствие сырья для производства взрывчатых веществ, перед Военным ведомством встала задача найти основного поставщика бензола и толуола в условиях войны. Предстояло выяснить, можно ли производить в России достаточно сырья или необходимо закупать его за границей. Для выяснения возможностей отечественной коксобензольной промышленности в Донецкий бассейн в июле-августе 1914 г. от Главного артиллерийского управления (ГАУ) была направлена комиссия генерал-майора А.В. Сапожникова. Выводы этой комиссии свидетельствовали, что производство бензола и толуола в России в необходимой мере и в сжатые сроки наладить невозможно [14].

Потребность во взрывчатых веществах дошла до 258 тыс.

пудов в месяц, т.е. полученные из-за границы в течение года 722 585 пудов взрывчатых веществ тяжелого положения не исправляли. Уже в конце 1914 г. Артиллерийским ведомством решено было снова пересмотреть вопрос об организации производства бензола и толуола внутри страны. Налаживание производства необходимых химических продуктов в России – единственная реальная возможность обеспечить свою армию боеприпасами. Е.В. Трофимова, ссылаясь на архивные материалы, пишет, что начальник ГАУ Д.Д. Кузьмин-Караваев «выступил с предложением организовать новую комиссию в Донецкий бассейн» [14]. Вторая комиссия под председательством генерал-майора В.Н. Ипатьева доказала в итоге «реальную возможность быстрого создания коксобензольного производства на юге России в Донецком бассейне» [14].

Согласно выводам комиссии, «представлялась интересной возможность расширения добычи толуола при условии немедленной постройки ряда дополнительных сооружений при существующих коксовальных фабриках, имеющих печи рекуперационного типа, но без полного оборудования улавливающих сооружений» [5]. Что же касается получения из сырого бензола чистого бензола, толуола и ксилолов, комиссия сочла наиболее экономически выгодным и эффективным построить один большой ректификационный завод, который бы располагался в центре коксопроизводящего района. Наиболее подходящим местом для его строительства комиссия сочла Макеевку, в силу наличия источников энергии и близости металлургического и машиностроительного производств.

Уже 7 января 1915 г. в ГАУ, стараниями В.Н. Ипатьева, был представлен проект контракта с бельгийским подданным Оливье Пьеттом на производство сырого бензола для Охтенского завода взрывчатых веществ, то есть для военного ведомства. Фирма «Оливье Пьетт» владела коксовым заводом на станции Макеевка, при руднике общества Русский горный и металлургический Унион. Этот завод располагал 110 печами. Была заключена договоренность о сооружении на заводе установки по улавливанию сырого бензола, а также о постройке

ректификационного завода для получения толуола, способного переработать 400 000 пудов сырого бензола в месяц [11]. В это же время шли работы по постройке казенного бензолового завода в Кадиевке. Там располагался самый крупный в Донбассе Кадиевский коксовый завод (240 печей), принадлежащий Южно-Русскому Днепровскому металлургическому обществу. В начале переговоров общество соглашалось на постройку на собственные средства бензолового завода при Кадиевских коксовых печах, но поскольку завод был им арендован у немецкой фирмы «Копперс», то Военному министерству следовало сначала реквизировать германскую собственность, а эту меру правительство старалось не применять. К тому же, в январе 1915 г. на заседании правления Южноднепровского общества выяснилось, что существует контракт, по которому право использовать все побочные продукты коксования на 10 лет принадлежит той же фирме «Копперс». Поэтому общество отказалось от постройки бензолового завода, но предложило безвозмездно уступить казне на три года участок земли под этот завод. В.Н. Ипатьеву стоило больших усилий убедить военное ведомство в необходимости немедленно начать постройку казенного бензолового завода. Важнейшее значение постройки казенного бензолового завода В.Н. Ипатьев видел в том, что она «пробила брешь в инертности частных каменноугольных промышленников, которые убедились в решимости Военного Ведомства организовать у нас в широком масштабе отечественное производство бензола и толуола, необходимых стране не только в военное, но и мирное время» [5]. В итоге одно за другим начали поступать предложения от частных предпринимателей, и с осени 1915 г. почти все владельцы коксовых печей стали сотрудничать с комиссией, а с конца 1915 г. была начата постройка около 20 частных бензольных заводов.

К концу 1915 г. первый организационный период развития отечественной коксобензольной промышленности в основном закончился. С февраля по декабрь 1915 г. число заводов, производящих сырой бензол, возросло с трех до восьми, и производство его за это время увеличилось с 15 624 до

58 000 пудов в месяц [5].

Начиная с 1916 г. снабжение взрывчатыми веществами для снаряжения боевых снарядов значительно улучшилось. Если и ощущался некоторый недостаток, он не шел ни в какое сравнение с дефицитом 1915 г. Кризис взрывчатых веществ был преодолен, можно сказать с уверенностью, исключительно благодаря работе Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, возглавляемой В.Н. Ипатьевым. В годы Первой мировой войны химическая промышленность России по темпам своего роста опережала все другие отрасли промышленности. Начиная с 1915 по 1917 г. в России было построено 15 новых больших химических заводов, из них 13 – на юге России. Особенно серьезный сдвиг произошел в отечественной коксобензольной индустрии. По данным Военного ведомства, выработка на юге России сырого бензола выросла с 30,9 тыс. пудов в 1913 г. до 418,2 тыс. пудов в 1916 г., то есть почти в 14 раз. Одновременно выпуск толуола и ксилола вырос более чем в 10 раз и достиг 469 191 пуда [9].

Как показала последующая история, создание независимого от иностранных поставщиков производства указанных продуктов сыграло немалую роль в развитии промышленности Советского Союза в период подготовки его к следующей войне.

Литература

1. Гаврилов Д.В. Производство порохов и взрывчатых веществ в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны / Д.В. Гаврилов // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 1(46). – С. 52.
2. Ефремов В.Я. Экономические аспекты состояния тыла русской армии в ходе первой мировой войны / В.Я. Ефремов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3(2).
3. Збарский В.П. Толуол и его нитропроизводные / В.П. Збарский, В.Ф. Жилин. – М., 2000. – С. 24–26.

4. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. / А.А. Игнатъев. – М., 1989. – С. 193.
5. Ипатъев В.Н. Химический комитет при Главном артиллеристском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности / В.Н. Ипатъев, Л.Ф. Фокин. – Пг., 1921. – С. 13.
6. История первой мировой войны. 1914–1918. В 2 т. – Т. 1. – М., 1975. – С. 5.
7. История тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII-XX вв.): в 4 кн. – Кн. 1. / В.М. Арутюнян, М.А. Вилинов, В.В. Высоцкий и др. – СПб. : ВАТТ, 2000. – С. 371.
8. Лазар И.В. Кризис вооружения и производство взрывчатых веществ в начале Первой мировой войны / И.В. Лазар // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. – 2008. – Т. 2007. – С. 82–102.
9. Лельчук В.С. Создание химической промышленности СССР / В.С. Лельчук. – М., 1964. – С. 28–29.
10. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в Мировую войну / А.А. Маниковский. – М. : Л., 1937. – Т. 2. – С. 253.
11. РГВИА. Ф. 962. Оп.2 Д. 128. Своды сведений, собранных Верховной Следственной комиссией в 1915-1917 гг., о деятельности казенных артиллерийских заводов; о снабжении армии снарядами, полевой артиллерией, порохом, взрывчатыми веществами, ружьями, пулеметами патронами. Опубликовано: Военная промышленность России в начале XX века (1900-1917): Документы и материалы. – М., 2004. – С. 691–792.
12. Сенин А.С. Организация снабжения русской армии вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс] / А.С. Сенин // Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. – URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/>
13. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А.Л. Сидоров. – М., 1975. – С. 20.

14. Трофимова Е.В. Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны / Е.В. Трофимова. – М., 2002. – С. 51–55.
15. Урибес Э. Коксобензолная промышленность России в годы Первой мировой войны / Э. Урибес // Исторические записки. – М., 1961. – Т. 69. – С. 47.
16. Фокин Л.Ф. Обзор химической промышленности в России / Л.Ф.Фокин. – Пг.,1921. – Вып. 1. – С. 61.

УДК 323.22

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

**Карпунов В.Н.
(г. Луганск)**

Конфликт – явление не новое для человеческого сообщества и получил свое развитие с древнейших времен. Как социальное явление конфликты чрезвычайно разнообразны. Среди них можно выделить экономические, национальные, религиозные, в том числе и политические. Все они изучаются и исследуются разными науками.

С учетом конфликтности современного мира сегодня перед мировым сообществом стоит задача познания сущности и причин возникновения конфликтов, разработки путей и средств их предотвращения, регулирования и разрешения [1]. Для этого представляется целесообразным исследование научных разработок теории конфликтов, что и определяет актуальность данной статьи.

В разработке общей теории конфликтов особое место принадлежит учению Р. Дарендорфа, который разработал и обосновал теорию конфликтной модели общества. По его мнению, конфликт общества зависит от характера власти, преобладающей на конкретном историческом этапе [2].

Р. Дарендорф рассматривал конфликт как ситуацию, в которой имеет место несоответствие между правами социальных групп и доступом к социальным, в том числе материальным, благам и возможностям реализовать эти права, т.е. наличием реального доступа к этим благам. Исходя из этого, он использовал термин «конфликт» как для определения соперничества, конкуренции, споров и намерений, так и для открытых столкновений [3].

После Второй мировой войны в Великобритании сложилась общая теория конфликтов, одним из разработчиков которой был К. Боулдинг и которая предназначалась для каждого отдельного случая. По К. Боулдингу, конфликт – это осознанное и созревшее противоречие и столкновение интересов. В соответствии с уровнем организации сторон конфликты формально рассматривались на уровне индивидуума, группы и организации.

Этим же качеством отличалась теория конфликтов А. Раппопорта, получившая название «социальной физики». Тем не менее, она позволила систематизировать многообразные конфликты и свести их к трем типам: «война», «игра» и «спор». Эти типы конфликтов отличаются разной степенью напряженности, разными средствами и возможностями для их урегулирования.

Д. Аптер добавил к этой классификации еще и «повод» конфликта. Согласно добавлению Д. Аптера, конфликты типа «война» возникают по поводу ценностей, типа «игра» – по поводу интересов, типа «спор» – по поводу предпочтений.

Д. Аптер считал, что главный вопрос теории конфликтов состоит в том, как трансформировать ценностный конфликт в конфликт интересов, т.е. в конкуренцию или даже в кооперацию [4].

В современных условиях пути и методы решения этого теоретического вопроса исключительно важны для практики. Именно поэтому в науке особое внимание уделяется так называемому дисциплинарному подходу, разработанному американскими учеными и направленному на практическое разрешение конфликтов.

Его основной идеей выступает непризнание любых пределов и границ знаний, он предполагает целостное понимание феномена социального конфликта. В каждом отдельном случае конфликта этот подход помогает определить, каким должен быть допустимый уровень анализа, единица анализа и какие социальные науки в совокупности наиболее подходят для его адекватного понимания и решения [5, с. 8].

Один из сторонников данного подхода Дж. Бертон считает, что только те организационные усилия, которые полностью удовлетворяют основные человеческие потребности, могут принести подлинное завершение конфликта, то есть такое его разрешение, которое во всем объеме затрагивает предмет спора и устанавливает новые, самодостаточные отношения между противниками [6, с. 353].

Не вызывает сомнений вывод о том, что противодействие конфликтам как и выбор средств относительно их предотвращения не может ограничиваться вышеизложенным материалом.

Важно учесть то, что в разрешении конфликтов главными принципами должны быть не амбиции ученых, политических деятелей, а удовлетворение интересов государства, интересов народа.

Особое внимание следует обратить на разрешение политических конфликтов, которые с формированием и развитием государственных отношений, структуризацией органов государственной власти в XX веке стали предметом научного политического анализа. И эта задача не теряет актуальности и сегодня. Ведь именно политические конфликты несут в себе риски и угрозы стабильности общества и государства и, вместе с тем, являются неотъемлемым атрибутом процесса развития.

Конфликт, который возникает на почве политических отношений, предусматривает мобилизацию наибольшей численности со стороны всех конфликтующих сил, в него включены большие социальные группы, десятки тысяч или миллионы людей. Соответственно его последствия ощутимы во всех основных сферах общества [5, с. 8].

Именно с учетом этого для нашей республики важным является разработка программы действий, которая была бы направлена на предотвращение именно политических конфликтов и включала бы в себя теоретические наработки разрешения конфликтов, возможные и разнообразные средства и методы для предотвращения возникновения и нейтрализации конфликтных ситуаций.

Литература

1. Слободянюк А.О. Політичний конфлікт як спосіб подолання сучасних проблем в Україні [Електронний ресурс] / А.О. Слободянюк // Матеріали XLVI науково-технічної конференції підрозділів ВНТУ, Вінниця, 22–24 березня 2017 р. – Електрон. текст. дані. – 2017. – Режим доступа: <https://conferences.vntu.edu.ua>.
2. Теория конфликта Р. Дарендорфа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psy.wikireading.ru>
3. Теория социального конфликта Ральфа Дарендорфа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bibliofond.ru/>
4. Теории конфликтов. Общая теория конфликтов К. Боулдинга, А. Раппопорта, Д. Аптера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://studref.com>
5. Криволапчук В.О. Політичний конфлікт, як об'єкт політичних і правових досліджень / В.О. Криволапчук // Південноукраїнський правничий часопис : щоквартал. наук. журн. – 1997. – 2009. – № 3. – С. 6–9.
6. Бертон Дж. Конфликт и коммуникации: Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганова. – М. : Гардарика. – 2002. – 400 с.

ВЛИЯНИЕ ИТОГОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**Королёва Г.И.
(г. Луганск)**

XX век – это век прогресса, великих научных открытий и новых политических систем, но в тоже время это век, когда впервые в мировой истории большая часть человечества участвовала в двух глобальных войнах. Важнейшим событием начала XX века стала Первая мировая война, масштаб и людские потери которой превзошли все предшествующие войны. Война стала не только чрезвычайно кровопролитным, но и значительным по своим последствиям событием в мировой истории. Она продолжалась 4 года и 3 месяца, участие в ней приняли 33 страны из 59, которые обладали в то время государственным суверенитетом. Население воюющих стран составило свыше 1,5 млрд. человек, то есть около 87% всех жителей Земли, под ружьё было поставлено в общей сложности 73,5 млн. человек. Более 10 млн. было убито и 20 млн. ранено. Жертвы среди мирного населения, пострадавшего от эпидемий, отсутствия средств для существования, голода и различных других бедствий военного времени, также исчислялись десятками миллионов [1]. Вследствие того, что итоги войны фактически заложили основы международных отношений ведущих стран мира в XX веке и оказывают значительное влияние на современное состояние мировой политической арены борьбы в начале XXI века, даже через 100 лет с момента окончания этого сложного политического явления анализ Первой мировой войны имеет высокую степень актуальности.

В данной статье мы поставили цель провести системный анализ влияния первого глобального конфликта в истории человечества на современные международные отношения. Значительный интерес представляет ряд трансформаций международных отношений, которые создали новый мировой

порядок, в общих контурах существующий до настоящего времени. Кроме того, в круг интересов исследования входит изучение причин различного восприятия Первой мировой войны в групповой исторической памяти россиян и массовом сознании западноевропейского общества.

В советский период Первая мировая война традиционно находилась в тени аналогичного конфликта – Второй мировой войны, которая изменила реальный характер и объективную динамику исторического процесса в глобальном измерении. В массовом сознании советских людей Первая мировая война воспринималась как своеобразный пролог к Российской революции 1917 г., которая привела к разрушению империи и кардинально изменила российскую действительность [2]. Традиционно главным военным конфликтом XX века советский народ считал Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.), которая была составной частью Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Начало пересмотра предшествующей оценки войны произошло только в постсоветскую эпоху, когда профессиональные историки попытались ликвидировать существенные пробелы в комплексном исследовании этого важнейшего события начала XX века. Однако до настоящего времени общественные стереотипы, связанные с феноменом Первой мировой войны, не претерпели существенных изменений.

Возрождению определенного интереса к данному этапу российской истории способствовал 100-летний юбилей Первой мировой войны и целенаправленная пропагандистская деятельность государственных институтов, стремящихся к последовательному формированию новых маркеров социальной памяти. Доказательством этого является визит президента Российской Федерации В. Путина во Францию в юбилейный год завершения этого глобального конфликта в 2018 году. О возобновлении интереса к Первой мировой войне также свидетельствует проведение 19–20 июля 2014 года Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ) социологического профильного опроса, в котором приняло участие 1600 человек в 130 населенных пунктах

42 регионов России (статистическая погрешность не превышала 3,4%). Результаты опроса показали низкий уровень осведомленности россиян об истории Первой мировой войны, а также отсутствие в общественном сознании четкого представления о реальных причинах этого глобального противостояния (58% респондентов). Среди версий причин начала этого конфликта наиболее популярными были Сараевское убийство эрцгерцога Франца Фердинанда (15%), борьба ведущих европейских держав за сферы влияния (14%), агрессивные устремления Германии (5%) и даже антироссийские настроения в Европе (1%). Следует выделить интересное обстоятельство, связанное с трудностью оценки большинством респондентов (49%) решения российского императора Николая II о военной поддержке братского славянского государства Сербии, которое стало своеобразным катализатором дальнейшего развития политических и военных событий. Только треть опрошенных правильно определили главного виновника военного конфликта – Германию (29%), а о роли Австро-Венгрии знали только 13%. При этом некоторые респонденты указали на аналогичную роль Великобритании, США и Франции, в единичных случаях упоминали также США, Японию и Турцию. Только 12% участников опроса вспомнили о сторонах конфликта – военно-политических блоках Антанте и Тройственном союзе. Большинство респондентов не имели представлений о дате и итогах завершения «войны 1914 года» [3].

Итак, объективные результаты опроса иллюстрируют общественное мировоззрение, в котором четко проявляется фрагментарность знаний о данном историческом противоборстве. В значительной степени это обусловлено актуализацией для россиян таких более важных тем в истории, как сталинская индустриализация и коллективизация, а также политические репрессии конца 1920–1930-х годов, хрущевская «оттепель» во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов, брежневский «застой» в 1970-х – начале 1980-х годов и горбачевская «перестройка» в 1985 – 1991-е годы.

Принципиально иная картина характерна для группового менталитета европейцев, которые воспринимают Первую мировую войну как ключевое событие современности. Именно в честь этой войны в столице Франции в Париже была установлена Триумфальная арка, во многих городах государств Западной Европы сооружены памятники «Могила неизвестного солдата», а также утвердился обычай зажжения «вечного огня» в честь погибших на фронтах этой войны солдат. Практически во всех странах активно функционируют музеи, посвященные событиям Первой мировой войны, один из самых крупных музеев для увековечивания памяти построен в Австрии. Фактически можно констатировать, что главной идеей, которая присутствует в общественном сознании европейцев, стала идея: «Это война, которая создала наш мир» и стала переломным моментом во всемирной истории.

Причинами столь полярного восприятия событий данного глобального конфликта являются различность её итогов для стран-участниц. Главной причиной нежелания россиян вспоминать эту войну является тот факт, что Россия не только вышла из войны побежденной, но вследствие участия страны в Первой мировой войне произошло саморазрушение государственности. Россия досрочно вышла из войны, заключив 3 марта 1918 года Брест-Литовский сепаратный мирный договор с Германией и Австро-Венгрией. При этом она понесла значительные территориальные, материальные и имиджевые потери, так как лишилась Прибалтики, Финляндии, Польши, Украины и др. На определенном этапе на мировой арене страна стала восприниматься как слабое государство. Война вызвала революцию, а революция вызвала поражение в войне. Образовался замкнутый круг, из которого российскому руководству сложно было найти выход. Вместе с тем, российская революция 1917 года дала толчок к подъему мирового революционного движения и поставила под угрозу существование капитализма как общественной системы в целом.

В Западной Европе, когда отгремели последние выстрелы, торжественно о заключение перемирия на фронте было

объявлено 11 ноября 1918 года. Ликующие толпы вышли на улицы, но в руководстве стран-победителей царил тревога. Предстоял новый передел мира, так как все государства-победители претендовали на свою долю. Итоги Первой мировой войны подвела Парижская конференция, открывшаяся 18 января 1919 года. Закончилась конференция подписанием Версальского мирного договора, который лег в основу системы международных отношений. Но новый передел мира в пользу стран-победительниц не разрешил всех коренных противоречий эпохи империализма.

Следует отметить, что по итогам Первой мировой войны ни одна из противоборствующих сторон – страны Антанты и Тройственного союза – практически не получила политических дивидендов. В процесс распада государственности вступила не только Россия. Среди стран Запада официально войну проиграли Германия и Австро-Венгрия, что привело к распаду этих империй. Победителями в этой мировой схватке вышли все страны блока Антанты, кроме Российской империи. Но формальный статус страны-победительницы для Франции обернулся «пирровой победой». В результате колоссального ущерба, нанесенного Франции войной, она потеряла статус «великой державы», который удерживала в континентальной Европе весь XIX век. Параллельно колоссальные изменения произошли в Великобритании, так как Первая мировая война инициировала начало распада этой мировой колониальной империи, а все её доминионы впервые выступили на мировой арене как независимые государства. В США, которые вступили в войну только в апреле 1917 года, президент Гардинг провозгласил лозунг «Америка должна вернуться домой», а конгресс даже отказался ратифицировать Версальский мирный договор.

Почему столь очевидно неоднозначные результаты Первой мировой войны в общественном сознании воспринимаются более важным событием, чем Вторая мировая война? Грандиозный конфликт начала XX века разрушил 100-летний период мирного существования в условиях Венского миропорядка, возникшего в XIX веке после наполеоновских

войн, которые европейцы воспринимали как последнюю «большую войну». В рамках этого Венского миропорядка весьма ограниченная группа великих государств – Англия, Франция, Пруссия (Германская империя), Австрия и Россия – имели священное право править миром и проводить экспансию и аннексию малых государств.

Первая мировая война началась вследствие самораспада баланса сил в странах Европы. Великие державы распались на 2 блока: Франко-Русский союз, который был переформатирован в блок Антанты, и союз Центральных держав, в котором наблюдался ярко выраженный прусский центр силы. Точкой распада Венского порядка стал Балканский кризис, где интересы полярных сил приобрели характер антагонистических противоречий. Можно ли обрушение Венской цивилизации в начале XX века рассматривать в качестве исторической аналогии завершения Ялтинско-Потсдамского миропорядка в конце XX века? «Холодная война», которая стала результатом Второй мировой войны, не стала чем-то беспрецедентным, так как мир остался фактически в рамках одного порядка. Из-за отсутствия на этом этапе механизма эскалации Вторая мировая война не привела к Третьей мировой войне. Равновесие сил между странами Запада и СССР не нарушил даже конфликт из-за контроля над ФРГ и ГДР. Только в начале XXI века появилась вероятная точка противостояния, которой, по всей видимости, являются Сирия на ближнем Востоке и Украина в Юго-Восточной Европе. Анализ данной ситуации позволяет проследить возникновение механизма эскалации противоборствующих сторон на современном этапе мировой политики.

Первая мировая война прошла 2 периода, которые мы оцениваем не по результатам конкретных военных кампаний, а по их политическим последствиям.

1-й период (1914–1916 гг.) – это этап классической войны 2-х великих европейских коалиций, когда ни одна из сторон не смогла одержать очевидную военную победу. На 2-м этапе войны (1916–1918 гг.) произошел целый ряд исторических трансформаций, которые привели к возникновению нового

порядка международных отношений. Именно в условиях этого порядка мир продолжает жить и сегодня. Все последующие изменения в контурах отношений между государствами после Второй мировой войны лишь дополнили общую картину мировой цивилизации XX – начала XXI века [4].

Первой кардинальной трансформацией стал распад нескольких великих империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской и Британской империй. Если на протяжении XVII – XIX веков процесс создания империй имел четкую позитивную коннотацию, то после Первой мировой войны сам смысл существования империй впервые приобрел деструктивный дискурс.

Второй трансформацией стало провозглашение идеи права наций на самоопределение, высказанной практически одновременно президентом США Вудро Вильсоном и Председателем Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР В. Лениным. Этот новый тезис предусматривал право каждого народа (нации) на создание собственного национального государства.

Качественная трансформация международных отношений имела четкие геополитические контуры и векторы изменений. Первым направлением изменений была Восточная Европа. После распада ряда империй на карте появились такие новые государства, как Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Австрия, Венгрия, Чехословакия и Румыния, предпринята также была попытка создать новое государство Украина.

Вторым регионом, где произошла модификация, стали страны Ближнего Востока. После распада Османской империи в этом регионе возникли Сирия, Ирак, Турция, Саудовская Аравия и ряд других государств. Следует отметить, что население ближневосточных государств не воспринимает их как выстраданные национальные государства, так как фактически их границы произвольно были нанесены на карту дипломатами стран-победительниц в Первой мировой войне – Франции и Англии. Именно в результате навязывания народам этих стран нового формата колониальной зависимости в виде мандата Лиги наций на управление ими, в данном районе земного шара в

течение XX века и вплоть до начала XXI века наблюдается целая серия малых войн. Для поддержания своего владычества на Ближнем Востоке Британия способствовала созданию независимых государств – Египта и Саудовской Аравии, которые на долгий период стали проводниками её политики в регионе.

Третьим регионом трансформации стало возникновение целой серии англо-саксонских государств – Австралии, Новой Зеландии, Канады, Южно-Африканского союза, Ирландии и др. Англия согласилась на предоставление своим бывшим доминионам статуса самостоятельных государств, так как была заинтересована во вступлении их в Лигу наций, чтобы обеспечить поддержку своей политике со стороны союзников.

Важным следствием Первой мировой войны было возникновение нового идеологического ландшафта мира. Качественно новой мировоззренческой идеей стало построение мирового порядка как антагониста традиционного монархизма. Подтверждением этого является отсутствие в послевоенном мире широкого движения, выступающего за реставрацию свергнутых монархических режимов. Политические силы в Австрии не предприняли ни одной серьезной попытки восстановить династию Габсбургов, в Германии – династию Гогенцоллернов, а «белое движение» в России не пыталось восстановить династию Романовых. В это время либеральная Англия превратилась в самую консервативную монархию.

Кроме того, в общественном сознании появились новые массовые идеологи. В СССР утвердилась в радикальном варианте левая коммунистическая идея, в континентальной Европе реализовалась социал-демократическая идеология, в Германии зародилась идеология национал-социализма, в Италии – идея корпоративного государства, которая нашла выражение в идеологии фашизма, а в милитаристской Японии – идея совместного процветания нации.

Первая мировая война породила идеологию глобального мира, которая пришла на смену представлению о локальном региональном мире. Возникшая идея глобального управления мира организационно оформилась в Лиге наций.

Недолговечность Версальско-Вашингтонской системы обусловило 3 фактора. Во-первых, исключение из этой системы таких крупных государств, как СССР и Германия; во-вторых, легитимность организации поставила под сомнение безуспешность дипломатических переговоров о разоружении; в-третьих, в Лиге наций отсутствовал механизм наказания страны или блока государств за осуществление агрессии. Эти уроки человечество учло при создании в 1945 году Организации Объединенных Наций (ООН).

Первая мировая война способствовала утверждению идеи пацифизма, которая осудила применение силы в международных отношениях. Ужасы войны впервые привели к тому, что пацифизм вместо движения одиночек приобрел масштаб мощного процесса. Этому способствовала прагматичная оценка стоимости войны, которую в индустриальную эпоху окупить стало достаточно сложно. Именно поэтому в 1920-е годы возникла идея отказа от суверенного права государства на войну, которую ярко демонстрирует пакт Бриана-Келлога. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики получил название по именам инициаторов – министра иностранных дел Франции Аристида Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога. Пакт был подписан 27 августа 1928 года представителями 15 государств. Заключение договора означало первый шаг на пути создания системы коллективной безопасности в Европе. Позже, после Второй мировой войны, Устав ООН зафиксировал ограничение страны/стран на войну, которым оставят право только на ведение оборонительной войны.

Первая мировая война породила кризис системы баланса сил, поэтому основополагающей идеей послевоенного времени стала попытка воссоздания этого баланса. Если в рамках Венской системы баланс сил существовал только на уровне Европы, то в условиях Версальско-Вашингтонского и, особенно, Ялтинско-Потсдамского миропорядка в систему постепенно были включены страны мира, в том числе СССР, Япония и США. Впервые после Первой мировой войны мир прекратил

быть евроцентристским. Произошло возвышение Японии, США и Китая, а Европа стала только одним из регионов мира.

Определенный интерес вызывает удивительная преобладание России во внешней политике с конца XIX и до начала XX века. В 1870-е годы императорская Россия начинала с союзнических отношений с Германией, направленных против Англии и Франции. Но в XX веке в обстановке обострения соревнования англо-французской и германской систем российский царь Николай II предпочел первую, что привело к вступлению в Первую мировую войну на стороне Британии и Франции. Точно также в 1920-е годы поступил руководитель СССР И. Сталин, который начинал с партнерских отношений с Германией, а завершил страшным противостоянием с этой страной во Второй мировой войне. Это привело к краху германского и господству англо-саксонского проекта. Но Британия и Франция не смогли сохранить роль глобального центра силы, который переместился к объединенному англо-саксонскому миру, где эти страны стали играть роль младших партнеров [5]. В конце XX – начале XXI вв. привилегированные отношения Российской Федерации с Германией, особенно ярко представленные в период правления канцлера Гельмута Коля, закончилась введением санкционной политики Германии против России в 2014 году и размещением войск в Центральной Европе.

Таким образом, анализ влияния итогов Первой мировой войны на современные международные отношения показывает, что именно эта война породила новый мировой порядок и создала новую политическую карту мира. После Второй мировой войны геополитическая карта мира изменилась незначительно и локально. В контексте вышесказанного мы считаем, что Вторая мировая война явилась порождением Первой мировой войны, а не была самостоятельной, отдельно взятой войной. По-сути, это был один крупный военно-политический конфликт, в котором можно выделить две активные фазы: 1914–1918 годы и 1939–1945 годы.

Литература

1. Российско-германские отношения – вчера, сегодня, завтра / Международная конференция, проведенная Институтом Европы РАН (Центр германских исследований) совместно с Фондом им. Розы Люксембург (Германия) Москва, 26 апреля 2002 г. // Современная Европа. – 2002. – № 3. – С. 25–64.
2. Посухова О. Первая мировая война и современное российское общество: социологический взгляд [Электронный ресурс] / О. Посухова. – Режим доступа: kavkazoved.info/news/2015/02/06/
3. Результаты социологического исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) 19–20 июля 2014 г. [Электронный ресурс] : – Режим доступа: <http://wciom.ru/index>.
4. Фененко А. Как итоги Первой мировой войны влияют на мировую политику сто лет спустя? / А. Фененко. – Видеолекция, 21 марта 2018 г. [Электронный ресурс] : – Режим доступа: russiancouncilvideo
5. Там же.

УДК 327.2/32«1914-1918»

РАСПАД АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИТОГОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Крысенко Д.С.
(г. Луганск)

Одним из аспектов завершения Первой мировой войны, помимо изменения конфигурации политических границ в Европе, была эволюция парадигмы политического развития – как внутригосударственного, так и мирового. Одним из «испытательных полигонов», на котором происходила

отработка соответствующих механизмов, была Австро-Венгерская империя. У её распада было много «пророков», и она считалась анахронизмом задолго до того, как потерпела крах юридически. К началу XX в. этот конгломерат народов и территорий, не имевший ни единого имени, ни общего языка, казался в ряду государств Европы исключением. Идеология, под знамёнами которой была создана Австро-Венгрия, давно утратила свою убедительность.

По расчётам высших руководителей Австро-Венгрии, их государство должно было идеально вписаться в новый мировой порядок в качестве одного из наиболее влиятельных игроков на политической сцене Европы. Накануне Первой мировой войны официальная государственная пропаганда монархии подкрепляла свои внешнеполитические притязания почти исключительно традиционными правами династии Габсбургов. Предполагалось, что граждане должны уважать эти права, до тех пор, пока династия обеспечивает их благосостояние. Однако такая концепция не согласовывалась ни с одной из набравших популярность идей, рассматривавших государства в качестве продукта национального исторического процесса. Эпоха буржуазных революций и торжество идей народного суверенитета подорвали традиционную (феодальную) точку зрения, рассматривавшую государства как часть Божьего проекта, заменив его концепцией естественного договора и такими категориями, как «воля нации», «дух времени» и «прогресс». После завершения Первой мировой войны, идея Вильсона о самоопределении наций, послужившая основой для Парижского мирного соглашения 1919 г., как и основание СССР, выступила практической реализацией указанного подхода.

Осенью 1918 г. дезинтеграционные процессы в Австро-Венгерской империи обрели необратимый характер. В обеих столицах – Вене и Будапеште – оппозиционные левые и либеральные политики выступили с поддержкой действовавших национальных движений. Данные левые и леволиберальные проантантовские партии выступили против монархии как формы правления, называя себя интернационалистами, а не

патриотами. Когда стало очевидно, что союзные державы выиграют Первую мировую войну, националистические движения, ранее призывавшие к большей степени автономии для областей империи, начали требовать для них полной независимости [1, с. 25–29]. Император стремительно терял власть, поскольку его государство распадалось.

По мнению исследователей, «гибель режима Габсбургов была предрешена, когда 20 октября Вильсон ответил на записку, присланную двумя с половиной неделями ранее». Президент США В. Вильсон отклонил вопрос о дальнейшем существовании дуалистической монархии как о предмете переговоров. В качестве одного из своих «четырнадцать пунктов» он потребовал, чтобы народы Австро-Венгрии получили «самую широкую возможность для автономного развития» [2, с. 171–178]. В ответ император Карл I согласился вновь созвать парламент и разрешить создание конфедерации с самоуправлением для каждой национальной группы. Однако лидеры этих национальных групп отвергли идею императора, поскольку теперь были полны решимости достичь независимости.

14 октября 1918 г. министр иностранных дел барон И. Буриан фон Раеч попросил о перемирии, основанном на «четырнадцать пунктах». Пытаясь спасти ситуацию, через два дня император Карл I издал прокламацию («Императорский манифест от 16 октября 1918 г.»), которая должна была значительно изменить структуру австрийской части монархии. При этом польским регионам Галиции и Лодомерии была предоставлена возможность выхода из состава империи. Остальная часть Цислейтании была преобразована в федеративный союз, состоящий из четырех частей – немецкой, чешской, южнославянской и украинской. Каждая из них должна была управляться национальным советом, который мог вести переговоры о политическом будущем с Веной. При этом, перемены не касались венгерской части империи, где местная элита всё ещё верила в возможность сохранения «Святого Царство Святого Стефана».

Четыре дня спустя, 18 октября, госсекретарь США Р. Лансинг ответил, что союзники теперь привержены делу чехов, словаков и южных славян. Поэтому, сказал Р. Лансинг, автономии для национальностей (десятый из «четырнадцати пунктов» В. Вильсона) уже недостаточно, и Вашингтон больше не может опираться на «четырнадцать пунктов» [3, с. 288]. Фактически, 14 октября чехословацкое временное правительство присоединилось к Антанте. Южные славяне в обеих частях монархии высказались за объединение с Сербией в большое южнославянское государство на основе Декларации Корфу 1917 г., подписанной членами Югославского комитета, а хорваты с начала октября стали игнорировать распоряжения Будапешта.

По сути, записка Р. Лансинга была свидетельством смерти Австро-Венгрии, поскольку национальные советы уже начали действовать как временные правительства независимых стран. Через четыре дня после начала итальянского наступления при Витторио-Венето, 28 октября чешские политики приняли командование в Праге, к ним присоединились словаки. 29 октября славяне в обеих частях того, что оставалось от Австро-Венгрии, провозгласили создание Государства словенцев, хорватов и сербов. Они также заявили, что их конечным намерением было объединение с Сербией и Черногорией в большое южнославянское государство. В тот же день чехи и словаки официально объявили о создании Чехословакии как независимого государства.

В Венгрии 31 октября власть захватил наиболее заметный противник продолжения союза с Австрией – граф М. Каройи. Примечательно, что император Карл I был вынужден назначить его своим венгерским премьер-министром. При этом, одним из первых распоряжений М. Каройи было аннулирование компромиссного соглашения, что означало официальный роспуск австро-венгерского государства.

К концу октября в составе королевства Габсбургов оставались лишь его германские дунайская и альпийская провинции, жители которых, впрочем, также оспаривали авторитет Карла I. Последний имперский австрийский премьер-

министр Г. Ламмаш пришел к выводу, что Карл I оказался в тупиковой ситуации, и убедил его в необходимости сложения с себя полномочий. 11 ноября Карл I издал заявление, в котором признал право австрийского народа определять форму своего государства. Кроме того, Карл I отказался от права участвовать в австрийских государственных делах, отстранив Г. Ламмаша и его правительство от должности и освободив чиновников австрийской половины империи от их клятвы верности Короне. Два дня спустя он издал аналогичное заявление для Венгрии. Тем не менее, он не отрекся от престола, сохранив на него права в случае, если граждане новосозданных государств пригласили бы его в качестве главы.

Впрочем, отказ Карла I отречься от престола в конечном итоге не имел значения: на следующий день после того, как он объявил о своем выходе из австрийской политики, Германо-Австрийский национальный совет провозгласил республику Германская Австрия. М. Каройи последовал его примеру 16 ноября, провозгласив Венгерскую Демократическую Республику.

Сен-Жерменский и Трианонский договоры урегулировали новые границы Австрии и Венгрии, оставив обе страны небольшими государствами, не имеющими выхода к морю. Союзники небезосновательно полагали, что национальные меньшинства захотят покинуть Австрию и Венгрию, потому позволили им аннексировать значительные районы немецко- и венгриязычных территорий. В результате, Австрийская Республика потеряла примерно 60% территории бывшей Австрийской империи. Она также должна была отказаться от своих планов по объединению с Германией. Восстановленное Королевство Венгрия, сменившее республиканское правительство в 1920 г., потеряло примерно 72% своей довоенной территории [4, с. 302].

Подводя итог, отметим, что решения наций бывшей Австро-Венгрии и победителей Первой мировой войны имели весьма неоднозначные политические и экономические последствия. Прежний быстрый экономический рост Дуалистической монархии прекратился, поскольку новые

границы стали барьерами на пути хозяйственных отношений. Все ранее известные отрасли промышленности, а также поддерживавшая их инфраструктура были созданы для удовлетворения потребностей обширного пространства. В результате, для преобразования своей экономики, новосозданные страны были вынуждены пойти на значительные жертвы. Система договоров вызвала и политические осложнения, поскольку в результате указанных экономических проблем усилились экстремистские движения; по причине отсутствия баланса сил в Центральной Европе ощутимым был политический вакуум, что стало, в итоге, одной из причин Второй мировой войны.

Литература

1. Айрапетов А.Г. О национализме в полиэтничных государствах / А.Г. Айрапетов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2001. – № 4. – С. 25–29.
2. Матвеев Г.Ф. Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны / Г.Ф. Матвеев // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2014. – № 1. – С. 171–178.
3. Трайнин И.П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распад / И.П. Трайнин. – М. : АН СССР, 1987. – 307 с.
4. Шарый А. Австро-Венгрия. Судьба империи / А. Шарый, Я. Шимов. – М. : Колибри, 2017. – 445 с.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ
«ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ»**

**Писанный Д.М.
(г. Луганск)**

*Когда мы были на войне, когда
мы были на войне,
Там каждый думал о своей
любимой, то ли о жене...*

Мы живем в динамичном, стремительно меняющемся мире, где все взаимосвязано и взаимообусловлено. Характер нашей постиндустриальной глобализационной эпохи отражается на научной методологии. Так, все явственнее проступает тенденция отхода от узкодисциплинарных изысканий в пользу различных полидисциплинарных исследований (междисциплинарные, метадисциплинарные, мультидисциплинарные и, наконец, трансдисциплинарные разработки). Такая смена методологических акцентов, безусловно, затрагивает изучение феноменов, имеющих переломное значение для человечества. Одним из таких событий была Первая мировая война.

Хорошо известное выражение «Когда работают пушки, музы молчат» является весьма спорным. Испокон веков интеллигенция отвечала на критические вызовы и угрозы своему социуму повышением творческой активности. Первая мировая не стала исключением. Вот почему художественная литература послевоенного периода (особенно творчество ветеранов и участников войны) уже много десятилетий является очень важным подспорьем для научных изысканий историков и политологов.

Первоисточниками для нашего исследования послужили произведения мастеров художественного слова – двух западных

и одного отечественного писателя [3, с. 9–11]. В историографии же данной проблемы существуют определенные пробелы, несмотря на значительный рост интереса к самым различным аспектам военной тематики в связи со 100-летними юбилеями начала (2014 г.) и окончания (2018 г.) Первой мировой войны. Так, значительный массив фактического материала в новой интерпретации можно почерпнуть из монографии под редакцией Л.С. Белоусова и А.С. Маныкина [7]. Важные теоретические обобщения и историографические обзоры размещены в сборнике, выпущенном под эгидой ИНИОН РАН [8]. Месту Первой мировой в памяти современного поколения наших обывателей посвящена публицистическая статья И. Максимова [5]. Что касается символизма Великой войны, то числовому аспекту этой проблемы посвящен очерк А. Добровольского [4]. Статья Д.Е. Цыкалова затрагивает такой жанр военной пропаганды, как карикатура [12].

Наиболее близки к теме нашего исследования работы К.Н. Антоновой, И.А. Бисько и Т. Дэвидсона [1; 2; 6]. Эти специалисты участвовали в Международной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (2014 г., Санкт-Петербург). Тезисы их докладов размещены в сборнике материалов означенной конференции. В этих изысканиях поднят большой пласт художественной литературы, но проанализирована она с филологических, а не исторических, позиций.

Цель настоящей статьи – выделить основные социально-политические символы художественных образов «потерянного поколения» (на материалах 4-х шедевров 3-х классиков этой эпохи), а также проследить «посыл» этих символов к современникам и потомкам.

Люди искусства – соль Земли, а власть предрешающие – сильные мира сего. Естественно, правитель может одним жестом либо возвысить, либо уничтожить любого художника. Это обстоятельство уже много веков, подобно Дамоклову мечу, довлеет над корифеями слова. Но истинные мастера способны донести свою боль, а также моральные назидания (основанные

на подлинных ценностях) до читателя даже сквозь «толщу льда» правительственной цензуры.

Добиваться успеха в этом нелегком деле им помогают правильно подобранные символы, сопровождающие художественные образы. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Эрнест Хемингуэй (1899–1954) попал на войну в 1918 г. добровольцем по линии Красного Креста. Был участником боевых действий на Итальянском фронте, награжден итальянской серебряной медалью за отвагу. Война сделала из неопытного юноши зрелого человека, и он отдал ей дань в своем творчестве.

В романе «Прощай, оружие!» перед читателями предстает проблема «боевой подруги», т. е. женщины, с которой военный служащий ищет «утешения» в свободное от сражений время. Боец может быть женат или помолвлен, а потому не воспринимает завязавшиеся на передовой интимные отношения в какой-то перспективе. Доктор Ринальди отмечает, что «девочки (т.е. жрицы любви – *Д.П.*)... есть, но медсестры лучше» [11, с. 18]. Но не таков главный герой. У него самые серьезные намерения в отношении медсестры Кэтрин Баркли. Поднимается в романе и проблема веры и религиозности. Доц. К.В. Деревянко как-то отметил: «Чем ближе к передовой, тем меньше атеистов». Солдат согласен верить во что угодно, лишь бы это помогло ему выжить. Так, Кэтрин дарит возлюбленному медальон с изображением Св. Антония. Развивает тему драматический момент венчания возлюбленных в военном госпитале. Эта традиция восходит ко временам Св. Валентина. И хотя «мирской» закон не приветствует подобную практику, для небесных сил это абсолютно не важно.

Образ «красивой, героической войны» втоптали в окопную грязь именно на полях сражений Первой мировой. Когда лейтенанта спрашивают об обстоятельствах ранения, он сконфуженно отвечает друзьям: «Я подорвался, когда ел сыр (он делил скромную трапезу со своими бойцами, когда начался артобстрел – *Д.П.*)» [11, с. 85]. Возлюбленная героя так же обескуражено говорит о смерти жениха: «Я думала, что у него

будет сабельная рана или пуля в груди, но... его разорвало на куски» [11, с. 72].

Для «богов войны» (так называют артиллеристов – Д.П.) нет ничего святого. Так, во время очередного обстрела несколько снарядов падают на кладбище, срывая могильные холмы и снося кресты. Как тут не вспомнить А. Розенбаума, который спустя 60 лет в песне «Черный тюльпан» написал: «Если нарваться, то парни второй раз умрут!». И вообще каждый образ несет политическую смысловую нагрузку: мародеры и беженцы, дезертиры и патрульные карабинеры, которые их ловят, чтобы «вернуть на войну... или расстрелять» – все по-разному реагируют на обстоятельства, в которые их «загнала» существующая политическая система [11, с. 185].

Отчетливо видна усталость народов от войны. Утопичной кажется сентенция полкового священника: «Война закончится, когда никто не будет наступать» [11, с. 193]. Ужасы «позиционной» войны убедительно опровергли это утверждение. В таких условиях сначала Кэтрин Баркли, а затем и её муж выбирают бегство от войны в нейтральную Швейцарию. Жизнь самых близких людей оказывается дороже, чем исход войны. И победа своей страны не приносит герою радости, ведь до неё не дожили самые близкие люди (жена и не родившийся ребенок).

Эрих Мария Ремарк (1898–1970) был на фронте всего 2 месяца. В июле 1917 г. был тяжело ранен, впоследствии представлен к награждению Железным Крестом 1-й степени. Он с поразительной достоверностью воспроизвел ужасы войны, тяготы и лишения армейского быта, а также послевоенную нестабильность.

Так, в романе «Три товарища» (1936) четко прослеживается образ «водораздела», «Рубикона». Война делит жизнь людей на «до» и «после». Все возвращаются с неё другими. Автор делит ветеранов на 2 категории. Одни пытаются поскорее забыть «военный кошмар» (к этой группе принадлежат и главные герои). Другие же помнят каждый день войны (причем не стремятся забыть) и на радостях, что выжили, «прожигают жизнь». Таковым является Валентин Гаузер,

который в начале романа произнес тост «за 31 июля 1917 года» [10, с. 9].

«Красной нитью» проходит через произведение тема социальной неустроенности. Помимо ряда маргинальных элементов (персонажей второго плана), показателен пример Блюменталю, покупателя дорогого авто. Несмотря на то, что машина Блюменталю очень понравилась, он снова продал её трем товарищам, когда они предложили на 1000 марок больше, чем потратил он. (Смысл в том, что герои нашли нового покупателя, который давал на 2000 марок больше). Прагматизм взял верх над чувством «привязанности» и комфорта. «В наше время грешно отказываться от выгодной сделки» – этими словами Блюменталю все сказано [10, с. 48].

Наконец, важнейшим образом выступает боевое братство. Дружба и взаимопомощь Локампа, Кестера и Ленца так сильны именно потому, что родились на полях сражений «великой войны».

Еще более насыщен символами роман «На Западном фронте без перемен» (1929). Произведение предваряет прекрасный эпиграф, в котором писатель посвящает роман «всем тем, кого поразила эта война, даже если он спасся от её снарядов». В начале говорится о мечтах компании друзей, которые разрушила война. Немецким школьникам учителя внушали, что они – «железная молодежь нации», что «нужно исполнить свой долг перед родиной и перед кайзером» [9, с. 36]. В понимании классного руководителя это значит пойти добровольцами на фронт. Ребята так и делают. Но как исполнять этот долг, до конца неясно. В учебной части царит палочная муштра, эта неотъемлемая часть германского менталитета той эпохи.

Но едва новички попадают на передовую, бывалый боец Качинский призывает их «забыть все, чему учили в тренировочном лагере». Ремарком мастерски нарисованы образы – спутники войны, каждый из которых имеет политическую окраску: трупные крысы, раненые лошади, газовые атаки, железная дорога как «конвейер смерти», гробы, которые заблаговременно и «с запасом» доставили в

расположение части перед наступлением, ласки голодающих в тылу французов за корзину с продуктами и др. [9, с. 85–112].

Драматически насыщенным вышел эпизод с отпуском главного героя. Дома ему непривычно видеть, как отец с соседями рассуждает о войне с видом знатока, сидя... в пивной. Трудно и больно ему выслушивать упреки матери друга: «Почему мой сын мертв, а ты жив? По какому праву?» [9, с. 255]. Неудивительно поэтому, что боец отметил: «Возвращаясь на фронт, я еду домой» [9, с. 270]. В романе неоднократно подчеркивается, что бои годами идут за одну и ту же позицию, линия фронта не меняется, в то же время людские потери огромны. Нелепая и бессмысленная смерть настигает Пауля за месяц до конца войны, тогда же выходит коммюнике германского генштаба: «На Западном фронте без перемен» [9, с. 287]. За гуманистический дух произведения вожди третьего рейха возненавидели эту книгу. Автор вынужден был бежать из Германии накануне прихода Гитлера к власти. Нацисты предали его роман публичному сожжению.

Ряд бессмертных шедевров принадлежит перу Аркадия Петровича Гайдара (1904–1941). Участник гражданской войны, в 17 лет командовал полком. В межвоенное время создал повести и рассказы, на которых воспитывались многие поколения советских детей. Погиб в начале Великой Отечественной войны.

Весьма интересны, драматичны и любимы многими поколениями читателей повести «В дни поражений и побед» и «Бумбараш» [3]. Этот герой Гайдара действительно может претендовать на олицетворение эпохи Гражданской войны в России. Солдат вернулся с фронта домой. Но мирной жизни вкусить не удается. На его малой Родине разворачивается кровопролитное противостояние Красной Армии, хорошо вооруженного отряда бандита Гаврилы (претендующего на роль «нового хозяина жизни») и крупного соединения анархистов, возглавляемых бывшей придворной певицей...

И хотя фраза «Власть меняется!» в тексте не фигурирует, этот образ, без сомнения, присутствует в повести. Нейтралитета придерживаться невозможно. Война загоняет людей в угол.

Нужно выбрать свою сторону, иначе бессмысленной будет не только жизнь (за которую никто не даст ломаного гроша), но и смерть. Выбор сопровождается моральными терзаниями. Склонить «чашу весов» в пользу красных Бумбарашу помогает чувство мести за друга («Сколько раз увижу, столько раз убью!»). И где-то рядом витает надежда на лучшее будущее после окончания войны [3, с. 38].

Таким образом, произведения «потерянного поколения» несут в себе глубокий политический символизм. Яркие и тщательно прописанные художественные образы обессмертили имена Ремарка, Хемингуэя и Гайдара. Кроме того, их произведения в доступной форме донесли ужасы мировой войны для тех, кто не познал этого на собственном опыте. Они также служили тщетным предупреждением для «сильных мира сего» о возможности повторения этой трагической ситуации. Образы «потерянного поколения» показывают, что даже в самых трудных жизненных обстоятельствах неизменно находится место для веры, надежды и любви.

Литература

1. Антонова К.Н. Поколение, потерянное для общества, но не для человечества / К.Н. Антонова, Т. Дэвидсон // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции 20 – 21 ноября 2014 г. – СПб., 2014. – С. 293–296.
2. Бисько И.А. Отражение событий Первой мировой войны в литературных произведениях современников / И.А. Бисько // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции 20 – 21 ноября 2014 г. – СПб., 2014. – С. 296–299.
3. Гайдар А.П. Бумбараш / А.П. Гайдар. – М.: Искатель-пресс, 2016. – 64 с.
4. Добровольский А. Символизм Первой мировой: число 11 определило момент окончания Великой войны (к 100-

- летию) [Электронный ресурс] / Александр Добровольский. – Режим доступа : <https://www.mk.ru/social/2018/11/08/simvolizm-pervoy-mirovoy-chislo-11-opredelilo-moment-okonchaniya-velikoy-voyny.html>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 12.11.2018.
5. Максутов И. «Первая мировая война потеряна, у нас нет ее в памяти» (интервью с историком Алексеем Миллером) [Электронный ресурс] / Ивар Максутов. – Режим доступа : <https://postnauka.ru/talks/24062>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 17.11.2018.
  6. Первая мировая война в художественных произведениях зарубежных писателей (из фонда библиотеки Дома русского зарубежья им. А. Солженицына) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bfrz.ru/data/library/Zarub_pisateli_o_voynе.pdf. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 18.11.2018.
  7. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. – М. : Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.
  8. Первая мировая война: Современная историография: Сб. обзоров и реф. / Отв. ред. Любин В.П., Минц М.М. – М. : ИНИОН РАН, 2014. – 231 с.
  9. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен / Эрих Мария Ремарк ; пер. Н. Федоровой. – М. : АСТ, 2015. – 288 с.
  10. Ремарк Э.М. Три товарища / Эрих Мария Ремарк ; пер. И. Шрайбера. – М. : АСТ, 2012. – 445 с.
  11. Хемингуэй Э. Прощай, оружие! / Эрнест Хемингуэй ; пер. Е. Калашниковой. – М. : АСТ, 2014. – 384 с.
  12. Цыкалов Д.Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны / Д.Е. Цыкалов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 4, Ист. – 2012. – № 1(21). – С. 25–30.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ БОЛГАРИИ

**Татоли Т.В.
(г. Луганск)**

Всякая война, независимо от ее масштабов и результатов для воюющих сторон, имеет негативные последствия в различных сферах как для победивших, так и для побежденных: и в сфере экономики, и культуры, и, особенно, политики (не будем забывать выражение Карла фон Клаузевица «война есть продолжение политики иными средствами»). Мировые войны, которые можно рассматривать как проявление кризиса глобального миропорядка, повлияли на изменение его характера. Но одновременно эти войны привели к значительным политическим изменениям в странах-участницах. И чем большей для государства была цена участия в войне, тем радикальнее были политические перемены, происходившие там. Рассмотрим, чем обернулось участие в первой мировой войне для Болгарии.

Ситуация во всех воюющих на стороне Четверного союза странах на последнем году войны была катастрофической. Болгария не стала исключением. В сентябре 1918 г. войска Антанты на Салоникском фронте после затяжного периода позиционного противостояния перешли в наступление против болгарской армии, оказавшееся очень эффективным. Отступление болгар превратилось по сути в паническое бегство. Попытки командования остановить его дали неожиданный результат: 22 сентября солдаты подняли восстание, известное как Владайское, и пошли на столицу (восстание названо по наименованию села Владая под Софией, которое, по сути, стало центром размещения восставших). Восставшие провозгласили Болгарию республикой. У страны появился шанс на широкомасштабные политические перемены или, как минимум, на смену дискредитировавшего себя в Первой мировой и

предшествовавшей Межсоюзнической войне политического руководства страны.

Шансом на смену формы правления политическая элита Болгарии не воспользовалась: страна осталась монархией. Восстание было подавлено, для чего болгарским властям, чтобы не воевать на два фронта, пришлось заключить Салоникское перемирие с Антантой (29 сентября 1918 г.). Но в стране разразился политический кризис. Две национальные катастрофы (поражение Болгарии во второй Балканской и Первой мировой войнах) вызвали огромное недовольство народных масс и буржуазных слоев и стали главными причинами, заставившими царя Фердинанда отречься от престола и покинуть пределы страны. Трон занял старший сын Фердинанда князь Борис Тырновский, воцарившийся под именем Бориса III.

Вступая в октябре 1918 г. на трон, Борис наследовал чисто номинальную власть. Его царствование началось в очень сложных условиях. Страна была истощена в экономическом и финансовом отношениях, поставлена в состояние полной изоляции от балканских государств и стран-победительниц, на нее были наложены достаточно унижительные условия Нейского мирного договора. И в таких условиях не могло быть и речи о продолжении политики режима личной власти, проводимой Фердинандом. Главной задачей Борис III поставил сохранение у власти династии Кобургов.

Выход Болгарии из войны в качестве побежденной стороны способствовал и серьезным изменениям в партийной системе. Резко падает популярность традиционных буржуазных партий либеральной и демократической направленности (Народно-либеральная, Младолиберальная, Прогрессивно-либеральная партии, Демократическая и Радикал-демократическая партии, Народная партия) и растет влияние левых – БРСДП, БКП и БЗНС. Это продемонстрировали парламентские выборы в Народное собрание, проходившие 17 августа 1919 г. В условиях продолжающегося кризиса, массовых выступлений трудящихся, роста левых настроений и падения влияния традиционных буржуазных партий их результаты не были неожиданными. Левые партии получили

большинство голосов: за «земледельцев» проголосовало 26,8% избирателей, за коммунистов – 18,2%, за широких социалистов – 12,8% [4, с. 25]. В Народном собрании сложилось явное левое большинство: 85 депутатов-«земледельцев», 47 коммунистов, 38 широких социалистов против 66 депутатов от шести традиционных партий [1, с. 317].

Результаты выборов заставили монарха отказаться от существовавшей ранее практики, когда кабинет министров часто назначался еще до парламентских выборов. Теперь царь вынужден был поручить формирование кабинета представителю БЗНС А. Стамболийскому как лидеру самой многочисленной парламентской фракции. Но поскольку парламентского большинства БЗНС не имел, Стамболийский обратился с предложениями о сотрудничестве к другим левым партиям. Коммунисты, однозначно трактовавшие БЗНС как партию сельской буржуазии, ответили отказом. Широкие социалисты за свое участие в правительственной коалиции требовали несколько важнейших министерских портфелей, в том числе и пост министра внутренних дел. Не получив их, они отказались войти в правительство. И в итоге кабинет был составлен из деятелей БЗНС, два министерских поста были предложены Народной партии, один – Прогрессивно-либеральной [6, с. 58].

В дальнейшем, желая укрепиться у власти, «земледельцы» подняли вопрос о роспуске парламента и досрочных выборах в Народное собрание. В преддверии выборов сторонники А. Стамболийского обнародовали законопроект об аграрной реформе, в основе которого лежала идея трудовой поземельной собственности. И в результате выборов, проводившихся 28 марта 1920 г., число голосовавших за БЗНС увеличилось со 186 тыс. до 349 тыс. голосов [3, с. 267]. Получив 38,16% голосов и объявив для обеспечения необходимого парламентского большинства недействительными несколько депутатских мандатов коммунистов, демократов и прогрессивных либералов, БЗНС обеспечил себе возможность сформировать однопартийный кабинет. 21 мая 1920 г. новый состав правительства был утвержден. Возглавил его А. Стамболийский. Это означало установление однопартийного

режима БЗНС: впервые в истории страны, да и всей Европы, к власти приходит левая партия, поставившая задачу установления режима «крестьянской демократии».

Этот факт российская исследовательница Т. Маковецкая считает проявлением кризиса буржуазной политической системы в целом и кризиса буржуазного парламентаризма в частности, поскольку он означал резкое смещение оси политической жизни Болгарии влево и свидетельствовал о разладе отрегулированного механизма власти буржуазных партий [2, с. 568].

Еще одним политическим последствием первой мировой войны для Болгарии стала победа авторитарной идеи и авторитаризма как концепции политического режима, что проявилось в дальнейшем в ходе и результатах переворотов 1923 и 1934 гг., в установлении в конечном итоге режима личной власти Бориса III.

Конечно, и до войны Болгария не относилась к числу стран с прочными демократическими традициями. Этому способствовал ряд объективных и субъективных факторов (экономическая отсталость страны, специфика социально-классовой структуры, значительный авторитет армии, использование русского опыта в процессе создания государственности и т.д.).

Первая мировая война не ликвидировала факторы, способствовавшие непрочности традиций болгарской демократии, но усугубила их, привнеся в болгарское общество состояние глубокого кризиса, охватившего весь мир и принявшего особенно катастрофические формы в наиболее отсталых и побежденных странах. А Болгария относилась именно к таковым. В условиях послевоенного кризиса обострились и те проблемы, которые были вызваны поражением Болгарии в Межсоюзнической войне.

Послевоенный кризис охватил все сферы жизни Болгарии: систему политических институтов (от монархического института до парламента и политических партий), экономическую жизнь (обесценивание лева, хозяйственная стагнация, безработица, банкротства, внешний долг,

уменьшение валютных резервов), социальную и идейную сферы (расстройство общественной жизни, кризис образования и культуры, идейная безысходность, усиление влияния деструктивных идей). Это способствовало утверждению в обществе недоверия к предшествующему пути развития и формированию благоприятного общественного мнения для тех сил, которые предлагали иной путь, базировавшийся на идеях авторитаризма.

Первая мировая война повлияла на болгарское общество и в ином политико-психологическом аспекте. Как считает болгарский исследователь П. Цветков, она породила две несовместимые друг с другом тенденции, прочно утвердившиеся в последующие годы. С одной стороны, многомиллионная солдатская масса свыклась с мыслью, что единственный шанс уцелеть дает подчинение. С другой стороны, вооруженный народ все больше отдавал себе отчет в собственных силах и возможности справиться с властями, вызвавшими невиданную доселе бойню. В условиях разрухи, наступившей в конце войны и в первые послевоенные годы, стремление к миру и демократии легко переродилось в нетерпимость, экстремизм и диктатуру[5, с. 177].

В этих условиях закономерной стала активизация тех политических сил, которые видели единственный выход из неблагоприятной для страны ситуации в ограничении демократических порядков. А чувство неуверенности и страха в обществе, столь характерное для страны побежденной, способствовало формированию благоприятного общественного мнения для этих сил. Болгарии предстоял длительный путь по ступеням авторитаризма – от его элементов в воплощаемой в жизнь А.Стамболийским концепции «сословной демократии» до заверченного автократического режима личной власти Бориса III.

Литература

1. Кратка история на България. – София : Наука и изкуство, 1981.

2. Маковецкая Т. Монархический институт, парламент и правительство Болгарии в условиях режима БЗНС / Т. Маковецкая // Българската държава през вековете. Първи международен конгрес по българистика. – Т. 1. – София, 1982.
3. Манчев К. Парламентарна демокрация в България. 1918 – 1934 / К. Манчев // 681–1948. Из историята на българската народност и държава: Изследвания, анализи, преоценки. – София, 1993.
4. Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. – М. : Наука, 1988.
5. Цветков П. Демокрацията и нейните алтернативи в България между двете световни войни / П. Цветков // 120 години изпълнителна власт в България. – София : Изд.къща «Гутенберг», 1999.
6. Цураков А. Правителствата на България. Ч. 2. 1913–1944 / А. Цураков. – София, 1996.

УДК 327.3:327

ОБРАЗОВАНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**Кучер К.В.
(г. Луганск)**

После Первой мировой войны государства приступили к созданию международной организации по поддержанию мира и международной безопасности. Результатом этого стало появление в 1919 г. Лиги Наций, в основные задачи которой входило поддержание мира и предотвращение новых войн. В случае, когда один из членов Лиги вопреки своим обязательствам развязывал войну, остальные члены Лиги должны были порвать с ним всяческие отношения. Органами Лиги Наций были собрание всех представителей членов Лиги, совет и постоянный секретариат.

Тем не менее, Лига Наций не смогла справиться со своей основной задачей, поскольку не смогла предотвратить Вторую мировую войну, а также множество локальных конфликтов: нападение Италии на Эфиопию, Германии – на Австрию и Чехословакию. И 18 апреля 1946 г. эта организация была ликвидирована.

Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете.

Идея создания Лиги Наций принадлежит Великобритании. В конце 1915 года министр иностранных дел Грей предложил создать международную организацию по борьбе за мир.

Вопрос о Лиге в повестке дня оказался одним из главных как минимум по двум основным причинам. Во-первых, как международный орган Лига Наций в самом деле могла внести практический вклад в регулирование международных отношений и уменьшение опасности войны. Во-вторых, Лига и ее Устав были призваны дать правовую и моральную санкцию политике великих держав, легализовать ее в глазах общественного мнения, которое к 20-м годам XX века уже становилось важным политическим фактором – прежде всего в демократических и либеральных странах.

Была создана комиссия по подготовке устава Лиги во главе с В. Вильсоном. Началась борьба между Англией, Францией и США относительно проекта устава. Позднее Англия и США объединились.

Вопросы создания Лиги вызвали серьезные споры между главными участниками Парижской мирной конференции. На одном из первых заседаний выяснилось, что планы ее создания, исходящие от разных делегаций, отличаются мерой пространности и степенью проработки деталей. Французский план, в частности, был гораздо детальнее британского. Париж непримиримо требовал включения в Устав пункта о создании международных вооруженных сил, способных поддерживать безопасность в Европе. Франция надеялась использовать свое

превосходство в сухопутных силах и сделать их основой будущей международной армии, которую при необходимости можно было бы направить против Германии. Одновременно французская делегация считала, что сначала необходимо подготовить и подписать договор с Германией, а потом заниматься созданием международной организации.

В этом Ж. Клемансо встретил очень серьезное сопротивление В. Вильсона, полагавшего, что создание мирового порядка нужно начинать как раз со строительства Лиги. По мнению США, Лиге как главной международной организации по созданию новой системы коллективной безопасности можно было даже вообще делегировать право разработки мирного договора с Германией. Вильсон настоял на подготовке проекта создания Лиги специальной комиссией. В рамках конференции был образован (25 января 1919 г.) комитет по подготовке проекта Лиги Наций. Резолюция о его учреждении, предложенная британской делегацией, предусматривала, что Лига:

- будет создана для урегулирования всех вопросов, связанных с установлением мира и содействия международному сотрудничеству, осуществлению гарантий выполнения принятых международных обязательств;

- станет неотъемлемой частью общего договора о мире и останется открытой для присоединения каждой цивилизованной нации, которая примет и поддержит ее цели;

- обеспечит периодические встречи ее членов на международных конференциях (сессиях), в интересах чего будут созданы постоянная организация и секретариат для обеспечения работы Лиги в перерывах между конференциями (сессиями).

Принятие резолюции было несомненным успехом Вильсона, но оно не гарантировало подготовки Устава организации до окончания работы по договору с Германией. Оппоненты Вильсона не скрывали надежд на провал работы комиссии под его председательством. Но американская делегация проявила упорство. Сам президент США с помощью члена американской делегации Д.Х. Миллера дважды

перерабатывал свой исходный проект Лиги. Последний был закончен уже 2 февраля 1919 г.

14 февраля 1919 года был опубликован устав Лиги (англо-американский проект).

Основные принципы мирного сообщества наций были заложены в 1795 году Иммануилом Кантом, который в своём политологическом трактате «К вечному миру» впервые описал культурные и философские основы будущего объединения Европы и тем самым выразил идею Лиги Наций, которая могла бы осуществлять контроль конфликтных ситуаций, и прилагала бы усилия к сохранению и укреплению мира между государствами.

Официальными языками Лиги Наций были: французский, английский и испанский (с 1920 года). Лигой также серьёзно рассматривался вопрос учреждения в качестве рабочего языка эсперанто.

Главные задачи Лиги Наций:

- построение мира через сотрудничество;
- гарантия мира через коллективную безопасность.

Это было первым случаем в истории, когда гарантом международного обычая должна была стать международная организация.

Главным пунктом Устава Лиги Наций являлось предоставления гарантий странам членам:

- коллективные действия в случае нарушения устава и войны;
- сохранение независимости и территориальной целостности держав;
- если конфликт не удастся решить самостоятельно, его участники могут обратиться в арбитраж или Совет Лиги Наций;
- стороны не должны прибегать к военным действиям на протяжении 3 месяцев после созыва конференции по конфликту.

Нарушения мира рассматривается как война против всех членов Лиги. Мероприятия против нарушений:

- ведение полной экономической и политической изоляции;

- формирование войск из национальных контингентов с целью принуждения к миру.

Эти санкции применялись в 1935 г. против Италии во время агрессии в Эфиопии, однако неэффективно.

Минусы Устава Лиги Наций:

- санкции не имели всеохватывающего характера;
- решения в Ассамблее принимались по принципу единодушия, и любой член Лиги мог положить вето и парализовать ее деятельность;

- Лига Наций не приобрела влиятельного характера из-за отсутствия США и СССР;

- Количество комитетов не была лимитирована – их было огромное количество. Отсутствующий координационный орган и лишь в последние годы было создано 2 Комитеты по координации.

В Лиге Наций нашли свое практическое выражение идеи и проекты, предлагавшиеся начиная с 17 века вплоть до Первой мировой войны.

Государства-члены. Из 65 крупных государств, существовавших на планете в 1920 г., все, за исключением США и Саудовской Аравии (образованной в 1932), в тот или иной период состояли членами Лиги.

Между 1920 и 1946 годами в общей сложности 63 страны стали членами Лиги Наций. Пакт Лиги Наций был включён в состав Версальского договора и вступил в силу 10 января 1920 года. США, Хиджаз и Эквадор, подписавшие Устав (Пакт) Лиги Наций, не успели ратифицировать его к этой дате. В итоге, США и Хиджаз так и не вступили в организацию (Хиджаз в 1925 году был присоединён к Неджду), а Эквадор сумел вступить в Лигу Наций лишь в 1934 году. Лига Наций была ликвидирована 18 апреля 1946 года, когда её активы и обязательства были переданы в ООН.

Секретариат и Ассамблея. Сотрудники Лиги в секретариате отвечали за подготовку повестки дня Совета и Ассамблеи и публиковали отчёты о заседаниях, а также за другие вопросы, действуя как гражданская служба для Лиги. Ассамблея была местом встречи всех государств-членов, при

этом каждое государство имело право на трёх представителей и один голос.

Совет. Совет Лиги действовал как тип исполнительного органа руководства Ассамблеи. Совет Лиги включал четырёх постоянных участников (Великобритания, Франция, Италия, Япония) и четырёх непостоянных участников, которые были избраны Собранием в течение трёхлетнего периода. Первыми четырьмя непостоянными участниками были Бельгия, Бразилия, Греция и Испания. США должны были быть пятым постоянным членом, но американский сенат проголосовал 19 марта 1920 года против ратификации Версальского договора, таким образом, предотвращая американское участие в Лиге.

Другие органы. Лига наблюдала за Постоянной палатой международного правосудия и несколькими другими агентствами и комиссиями, созданными для решения международных проблем. Они включали Комитет по изучению правового статуса женщин, Комиссию разоружения, Организацию здравоохранения, Международную организацию труда, Комиссию мандатов, Международную комиссию по интеллектуальному сотрудничеству (предшественник ЮНЕСКО), Постоянный центральный опийный совет, Комиссию для беженцев и Комиссию рабства. Несколько из этих учреждений были переданы Организации Объединенных Наций после Второй мировой войны — Международная организация труда, Постоянная палата международного правосудия (как Международный суд) и Организация здравоохранения (реструктурированный как Всемирная организация здравоохранения) стали учреждениями ООН.

Организация здравоохранения. Организация здравоохранения Лиги состояла из трёх органов — Бюро здравоохранения, содержащего постоянных представителей Лиги, исполнительного раздела Общего консультативного совета или Конференции, состоящей из медицинских экспертов, и Комитета здравоохранения. Целью Комитета являлись проведение исследований, надзор за функционированием Лиги здоровья и получение готовых работ, которые должны быть представлены на рассмотрение Совету. Организация

здравоохранения также успешно работала с правительством Советского Союза в целях предотвращения эпидемий тифа, включая организацию крупной просветительской кампании по поводу этой болезни.

Международная организация труда. В 1919 году Международная организация труда (МОТ) была создана как часть Версальского соглашения и стала частью Лиги. Её первым директором был Альбер Тома. МОТ успешно ограничила использование свинца в красках и убедила несколько стран принять восьмичасовой рабочий день и рабочую неделю в сорок восемь часов. Она также работала над тем, чтобы положить конец детскому труду, расширить права женщин на рабочем месте и установить ответственность судовладельцев за транспортные происшествия с участием моряков. Эта организация продолжала существовать после расформирования Лиги, став учреждением Организации Объединенных Наций в 1946 году.

Постоянный центральный опийный совет. Лига хотела отрегулировать торговлю наркотиками и учредила Постоянный центральный опийный совет, чтобы контролировать статистическую систему управления, введённую вторым Международным опийным соглашением, которое добилось запрета производства, изготовления, торговли и розничной продажи опиума и его побочных продуктов. Совет также установил систему свидетельств импорта и экспортных разрешений для законной международной торговли наркотиками.

Комиссия по вопросам рабства. Комиссия по вопросам рабства стремилась искоренить рабство и торговлю людьми во всём мире и боролась с проституцией. Её основным успехом являлось давление на правительства, которые управляли переданными под мандат странами, чтобы положить конец рабству в этих странах. Лига обеспечила обязательство Эфиопии отменить рабство как условие членства в 1926 году и работала с Либерией над отменой принудительного труда и межплеменного рабства. Она также преуспела в том, чтобы уменьшить показатель смертности рабочих, строящих железную

дорогу Танганьики, с 55% до 4%. Отчёты были сведены к контролю рабства, проституции и торговле женщинами и детьми.

Комиссия по делам беженцев. Под руководством Фритьофа Нансена Комиссия по делам беженцев заботилась о беженцах, включая наблюдение за их репатриацией и, когда необходимо, переселение. В конце Первой мировой войны было два-три миллиона экс-военнопленных, разбросанных по всей России – в течение двух лет с момента основания комиссии, в 1920 году, она помогла 425 тыс. из них вернуться домой. Она также учредила паспорт Нансена в качестве средства идентификации лиц без гражданства.

Комитет по исследованию правового статуса женщин. Комитет по исследованию правового статуса женщин стремился расследовать положение женщин во всём мире. Он был образован в апреле 1938 года и распался в начале 1939 года.

Годовой бюджет Лиги Наций составлял около 6 миллионов долларов. Местопребыванием главных органов Лиги Наций была Женева (Швейцария).

Демилитаризация и неспособность предотвращения Второй мировой войны. Статья 8 соглашения Лиги поставила перед ней задачу сокращения вооружений к минимальным объёмам, совместимым с национальной безопасностью и осуществлением общих действий международных обязательств. Существенное количество времени и энергии Лиги было посвящено разоружению, даже притом, что много правительственных членов организации сомневались, что такое обширное разоружение могло быть достигнуто или даже желательно. Силы союзников были также под обязательством из Соглашения относительно Версаля, ограничивающего их вооружения, введённого в отношении побеждённых стран, это было названо первым шагом в направлении разоружения во всём мире. Члены Лиги придерживались различных взглядов по разоружению. Французы отказывались уменьшать свои вооружения без гарантии военной помощи, если они подвергнутся нападению, Польша и Чехословакия чувствовали себя уязвимыми к нападению с востока. Страх перед нападением увеличился,

поскольку Германия восстановила силы после Первой мировой войны, особенно после того, как Гитлер получил власть и стал канцлером в 1933 году.

Лига Наций прекратила существование 18 апреля 1946 с образованием ООН.

Объективный, непредубежденный подход к оценке миротворческой деятельности Лиги наций, взвешенный анализ итогов ее деятельности свидетельствуют, что этой международной организации были присущи как отрицательные, так и положительные черты. И хотя она оказалась неспособной предотвратить Вторую мировую войну, своей деятельностью на первом этапе (20-е годы) Лига Наций оказывала содействие мирному урегулированию десятков конфликтов. Впервые ответственность за коллективные действия против нарушителя международного права воплощалась в конкретные решения. Новым явлением было и то, что Лига Наций имела глобальный характер и несла глобальную ответственность за предотвращение войны согласованными действиями ее членов. Устав предусматривал гарантии членам организации в сохранении их политической независимости и территориальной целостности против внешней агрессии.

Организация создавалась с целью обеспечения мирного решения конфликтов, предотвращения войны. Устав предусматривал коллективные действия всех членов Лиги наций в случае нарушения агрессором Устава и развязывания войны. Устанавливалась определенная процедура решения конфликтов. Если конфликтующие стороны оказывались несостоятельными решать спорный вопрос путем переговоров, они должны были обратиться в арбитраж Постоянного Суда международной справедливости или Совета Лиги. Конфликтующие стороны не должны были прибегать к войне по крайней мере на протяжении трех месяцев после принятия решения органом, который рассматривал конфликт. Но после этого срока руки конфликтующих сторон были фактически развязаны. Важный недостаток Устава Лиги состоял в том, что война как метод решения спорных вопросов не запрещалась. Меры против нарушителей мира регламентировались Уставом. Нарушение

мира рассматривалось как акт войны против всех членов Лиги. Предполагалась немедленная тотальная экономическая и политическая изоляция нарушителя. Совет имел право рекомендовать и военные санкции, включая создание объединенных вооруженных сил из контингентов членов Лиги.

Тем не менее, много важных положений Устава не были воплощены в жизни вследствие позиции главных участников организации, прежде всего Англии и Франции, интересы которых во многом не совпадали. Предусмотренные санкции ослаблялись также возможностью такой интерпретации Устава, которая давала возможность каждому члену самостоятельно решать вопросы об участии в общих действиях организации. А реалии свидетельствовали о том, что среди членов Лиги не властвовало убеждение, что любая война, где бы она ни началась, была для них угрозой.

Слабость Лиги как инструмента поддержания мира предопределялась уже самим Уставом организации. Решения и Ассамблеи, и Совета принимались по принципу единогласия. Исключением являлось лишь голосование по процедурным вопросам и о принятии в члены Лиги, когда решения принимались двумя третями, то есть квалифицированным большинством. Учитывая наличие острых разногласий между членами Лиги, понятными становятся преграды на пути к принятию организацией срочных, неотложных решений по политическим, военным и другим важным вопросам. Важным недостатком Устава являлось и то, что силу имели лишь решение Ассамблеи и Совета по административным вопросам, которые касались самой Лиги. Даже санкции фактически были добровольными, поскольку решения имели характер рекомендаций.

Отрицательное влияние на эффективность деятельности Лиги оказывало отсутствие среди ее членов ряда крупных государств. Соединенные Штаты, которые были среди инициаторов создания Лиги Наций, не стали ее членом. Усиление влияния изоляционистов, которые требовали, чтобы США не втягивались в европейские дела, не связывали себе руки обязательствами Устава Лиги, явилось причиной того, что

Версальский мирный договор, частью которого были положения о создании Лиги наций, не был ратифицирован американским конгрессом. Участие СССР в работе Лиги оказалось недолговременным. Он был принят в 1934 г. и исключен в 1939 г. в связи с советско-финской войной. Германия вступила в Лигу в 1926 г. и оставила ее в 1935 г., подав соответствующее заявление в 1933 г.

Итак, Лига наций не стала, на самом деле, универсальная организацией. В 1932 г. она насчитывала 60 членов. По разной причине ее оставили 16 держав. Главную роль в руководстве Лигой Наций сыграли Англия и Франция. Все это сужало возможности принятия взвешенных решений с учетом национальных интересов всех государств и интересов общей безопасности. Лига Наций была призвана поддерживать статус-кво, который создавался в результате первой мировой войны. Но Версальский мир был построен на больших разногласиях, несправедливостях, связанных с грабительским делением территорий и насильственным решением других принципиально важных вопросов. Лига оказалась неспособной подавить первые опасные костры войны, разжигаемые фашистскими государствами. Вторая мировая война окончательно похоронила Лигу Наций, хотя формально она просуществовала до 31 июля 1946 г. Крах Лиги Наций серьезно подорвал идею коллективной безопасности. Предпосылок для отрицательных оценок этой международной организации вполне достаточно.

Но было бы ошибкой перечеркнуть всю историю Лиги, свести ее деятельность лишь к недостаткам. Были в ее работе и достижения. Лига сыграла в ряде случаев положительную роль в решении послевоенных проблем. Так, за первые 10 лет своего существования (1919–1929 гг.) Лигой Наций было рассмотрено 30 международных конфликтов, и большинство из них удалось решить. Неудачи Лиги в решении политических проблем часто заслоняют ее достижения в социальной и гуманитарной области, преуменьшают значение ее деятельности в сфере международной экономической политики и финансового регулирования, международных сообщений и системы транзита, в улучшении системы здравоохранения во многих странах мира,

научного сотрудничества, кодификации международного права, подготовки конференций по разоружению и других социальных и гуманитарных областях. К успехам следует отнести установление контроля за распространением опиума и работоторговлей (в основном женщинами). Кроме того, были достигнуты значительные успехи в защите прав и интересов молодежи. Лига была тесно связана со своим юридическим органом – Постоянной палатой международного правосудия, имевшей собственную структуру и принимавшей самостоятельные решения. Кроме того, Лига тесно сотрудничала со многими международными организациями, которые не имели с ней официальных или исторически сложившихся связей.

Литература

1. Абашидзе А.Х. Членство в международной организации. – Международные организации / А.Х. Абашидзе, В.Г. Эммин. Под ред. И.П. Блищенко. – М., 2004.–234 с.
2. Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения: Учебное пособие / Е.Ф. Авдокушин. – М. : Маркетинг, 2007. – 336 с.
3. Балабанов И.Т. Внешнеэкономические связи / А.И. Балабанов, И.Т. Балабанов. – М. : Финансы и статистика, 2008. – 512 с.
4. Барановский В.Г. Европейское сообщество в системе международных отношений / В.Г. Барановский. – М., 2007.
5. Гаджиев К.С. Новейшая история стран Европы и Америки XX век (1945 – 2000) / К.С. Гаджиев, Т.А. Закаурцева, А.М. Родригес, М.В. Пономарёв. – М.: Владос, 2008. – 322 с.
6. Давыдов Ю.П. США – Западная Европа в меняющемся мире / Ю.П. Давыдов. – М., 2008. –132 с.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Миндюкова А.В.
(г. Луганск)

Война между центральными государствами и Россией в очередной раз сделала польский вопрос одним из важнейших в международной политике. Правительства обоих воюющих блоков стремились привлечь польское население на свою сторону. В польском обществе в довоенное время сформировались два основных лагеря: те, кто выступали за сотрудничество с представителями Четверного союза (т.н. активисты), и те, кто ориентировался на военно-политический блок России и Антанты (пассивисты). Выразителем различных ориентаций польских кругов были созданные национальные представительства при каждом из воюющих государств. Так, в Кракове в августе 1914 года был создан Главный национальный комитет, который ориентировался на Центральные державы, в частности на Австро-Венгрию, а возглавил его профессор административного права Ягеллонского университета В.Л. Яворский. К политическому лагерю, который ориентировался на победу Антанты в войне, принадлежал Г. Дмовский, один из основателей и руководителей Национально-демократической партии и Польского национального комитета (ПНК), который он возглавлял в 1914 г. в Петербурге, а затем в 1917 в Париже. Целью ПНК было стать представительным органом всех поляков и сразу начать создавать польские военные отделы, но царское правительство прекратило их деятельность тем, что начало мобилизацию поляков в русскую армию [3, с. 128].

Левое крыло польского общественного движения было уверено в том, что освободить польский народ и восстановить польскую государственность можно только с помощью победы революции в странах, которые захватили польские земли. В

обращении Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) от 2 августа 1914 г. говорилось о том, что польское рабочее движение должно бороться за ускорение революции, согласовывая свои действия с «выступлениями в России и Европе, поскольку они будут вытекать из революционного стремления к свержению нынешних правительств и установлению народных правительств» [5]. Сторонниками сотрудничества с Германией и Австро-Венгрией были представители Польской социал-демократической партии (ППСД), правоцентристской ПСЛ – «Пяст» и их руководители – И. Дашинский, В. Витос и Ю. Пилсудский. Рассчитывая на воссоздание независимого польского государства с помощью центральных государств, Ю. Пилсудский и его сторонники были готовы отказаться от западных польских земель, но мечтали о включении в будущую Польшу украинских, белорусских и литовских территорий, некогда входивших в Речь Посполитую [1, с. 96].

Близость поражения в войне стран Четверного союза активизировала деятельность правительственных организаций. Манифестом от 7 октября 1918 года Регентский Совет распустил Государственный Совет, провозгласив создание независимого Польского государства на всех польских землях и создание многопартийного правительства и проведение выборов в Законодательный Сейм. «Пробил великий час, которой весь польский народ ждал с большими надеждами. Приближается мир, а вместе с ним и осуществление стремлений польского народа к полной независимости. Что касается основ будущей Польши, то она должна быть независимой, занимать все земли польские, с доступом к морю, с политической и экономической самостоятельностью, с территориальной неприкосновенностью, что должно быть гарантировано международными документами» [6, с. 202]. Начался процесс создания органов власти: 26 октября 1918 года было создано четыре новых министерства: военных дел, внутренних дел, информации и продовольствия, а 30 октября – здравоохранения и общественного обеспечения, министерство защиты труда [3, с. 189].

В конце октября в Австро-Венгрии, в начале ноября в Германии началась революция, что заставило эти страны 11 ноября подписать перемирие, положившее конец оккупации и войне. Для Польши настал благоприятный момент для реализации собственных государственных проектов, это активизировало все политические силы, готовые претендовать на лидерство в возрожденной стране. Еще 7 ноября 1918 году в Люблине в условиях австро-немецкой оккупации, оставленными австрийскими частями было создано национальное правительство, которое провозгласило образование Польской Народной Республики, а руководство регентского совета низложенным. Его возглавили, во главе с лидером И. Дашинским, деятели левых «независимых» партий: Польской социалистической партии (ППС), ППСД, ПСЛ – «освобожденных» (Польской крестьянской партии) и Польской организации войсковой (ПОВ). Манифестом Люблинского правительства была провозглашена Польская народная республика с высшим законодательным органом, избранными на основе всеобщего, равного, прямого, пропорционального избирательного права при тайном голосовании, со значительным объемом демократических прав и политических свобод [2, с. 229].

Под давлением западных государств, которые были заинтересованы в образовании в Польше сильного правительства, способного подавить выступления внутри страны и развернуть противодействие Советской России, 16 января 1919 года было образовано новое коалиционное правительство во главе с И. Падеревским. Вскоре после создания данного правительства независимость Польши признали и установили с ней дипломатические отношения США (30 января 1919), Франция (24 февраля), Англия (25 февраля) и другие страны. Правительство РСФСР, признав независимость Польской республики, предложило польскому правительству мирно решить все проблемы, интересующие стороны конфликта [4].

Таким образом, можно утверждать, что в ходе Первой мировой войны в Восточной Европе на фоне распада бывших

империй происходили процессы национально-государственного возрождения, а также создавались новые независимые государства, одним из которых стал Польша. Поэтому провозглашение независимости Польского государства 11 ноября 1918 года стало закономерным следствием государственных притязаний польской нации.

Литература

1. Александров В.М. История первой мировой войны / В.М. Александров. – М. : Прогресс, 2000 – 365 с.
2. Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914 – 1918 гг. / Д.В. Вержховский, В.Ф. Ляхов. – М., 1964 – 306 с.
3. Носкова А.Ф. Польша в XX веке. Очерки политической истории / А.Ф. Носкова. – М., 2012 – 952 с.
4. Первая мировая война в современной польской исторической памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info>, свободный.
5. Польша. Чужая война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/1527-polsha-chuzhaya-vojna.html>, свободный
6. Шацилло В.К. Первая мировая война. 1914 – 1918. Факты и документы / В.К. Шацилло. – М., 2003 – 480 с.

УДК 327«1914-1918»:1/9

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

**Бережной Э.А.
(г. Луганск)**

Каждая война заканчивается миром, условия которого диктует победитель. Первая мировая война была войной за передел сфер влияния, войной за территории, и мир,

подписанный по ее результатам, не мог не принести территориальных изменений.

Важнейшими политико-географическими итогами первой мировой войны явились: передел мира в пользу держав-победительниц, распад четырех империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской и Турецкой, которые до 1914 г. доминировали на карте Европы (и в других регионах мира), глубочайшие социально-политические изменения на территории бывшей Российской империи.

Территориальные (количественные и качественные) изменения, «порожденные» результатами первой мировой войны и их последствиями, весьма многочисленны и разнородны. Выделим, по нашему мнению, важнейшие из них:

- образование новых независимых государств. К ним относятся следующие группы государств:

а) выделившиеся из состава бывшей Российской империи: Финляндия (независимость провозглашена 6 декабря 1917 г. и признана Советской Россией 31 декабря того же года), Эстония, Латвия и Литва (независимость этих государств провозглашена в 1918 г.); Польша (вновь восстановленное Польское государство, большая часть которого входила в состав Российской империи, было провозглашено 11 ноября 1918 года; его создание санкционировала Парижская мирная конвенция 1919 г.);

б) выделившиеся в 1918 г. из состава распавшейся Австро-Венгерской империи: Австрия, Венгрия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия);

в) образованные на территории бывшей Турецкой империи: Йемен (1918 г.) и Саудовская Аравия (название – с 1932 г.; с 1927 г. – государство Хиджаз, Неджд и присоединенные области);

г) образование так называемых «вольных городов» Данциг (Гданьск) и Риека (Фиуме), поставленных по Версальскому договору под контроль Лиги Наций;

– установление новых границ в Европе:

а) Германия по Версальскому договору потеряла ряд территорий, переданных соседним государствам: Франции (Эльзас и часть Лотарингии), Бельгии (Эйпен-Мальмеди), Дании (северная часть Шлезвига) Польше (Познань, часть Западной и Восточной Пруссии и Верхней Силезии);

б) увеличение государственной территории Италии за счет присоединения частей бывшей Австро-Венгрии: Италия получила область Трентино, Горицию, Истрию и некоторые острова Далмации; также ей перешел турецкий остров Родос и острова Додеканес (Южные Спорады);

в) территориальное расширение Румынии: Трансильвания, часть Баната, Буковина перешли к ней от Австро-Венгрии; кроме того, в 1918 г. Румыния оккупировала Бессарабию, историческую область между Днестром и Прутом, которая с 1812 г. входила в состав Российской империи;

г) Греция расширила свои территории за счет Фракии, перешедшей от Болгарии, и части Эпира (от Албании). От Турции к ней перешли Восточная Фракия с Адрианополем (ныне город Эдирне в Турции), Галлипольский полуостров и Смирна (ныне город Измир в Турции);

д) Литва получила Мемельскую область.

Значительные изменения претерпела карта колоний. Германия и Турция лишались своих колониальных владений. Однако державы-победительницы, учитывая новые веяния в мировой политике, участвуя в дележе колоний, скромно назвали их «подмандатными территориями» и получили мандат на управление ими от Лиги Наций.

Передел германских колоний был осуществлен следующим образом:

В Африке:

– Танганьика стала подмандатной территорией Великобритании;

– район Руанда-Урунди – подмандатной территорией Бельгии;

– «Треугольник Кионга» (Ю.-В. Африка) был передан Португалии (названные территории ранее составляли Германскую Восточную Африку);

- Великобритания и Франция разделили Того и Камерун;
- ЮАС получил мандат на Юго-Западную Африку;
- Франции получила протекторат над Марокко;

На Тихом океане:

- в качестве подмандатных территорий к Японии отошли принадлежавшие Германии острова севернее экватора;
- к Австралийскому Союзу – Германская Новая Гвинея;
- к Новой Зеландии – острова Самоа.
- Турецкие колонии также были переданы победителям:
- Палестина, Ирак и Трансиордания передавались как подмандатные территории Великобритании;
- Сирия и Ливан отошли Франции в качестве подмандатных территорий;
- Египет стал английским протекторатом;

Как видно, произошли весьма существенные изменения государственных территорий целого ряда европейских стран - при значительном сокращении одних и резком (иногда более чем в два раза) увеличении других. Территориальные изменения по итогам первой мировой войны привели к значительному усилению влияния крупнейших колониальных держав – Великобритании и Франции, главных держав-победительниц. Так, в 1919 г. площадь Британской империи (вместе с Великобританией) достигла 37,2 млн. кв. км (примерно 1/5 земной суши), а ее население – 462,6 млн. чел., или около ¼ всего населения мира. В руках Великобритании находилось 59% территории всего колониального мира и 69% его населения [1].

Были ли территориальные изменения по итогам Первой мировой войны справедливыми? Однозначного ответа на этот вопрос быть не может. Создание славянских государств Чехословакии, Югославии, воссоздание Польши, появление независимой Финляндии, безусловно, можно только приветствовать. Новые границы в Европе в ряде случаев были восстановлением исторической справедливости, но, в то же время, при решении территориально-политических вопросов учитывались не столько интересы малых европейских стран, сколько стратегические соображения держав-победительниц. В

случае же с Турцией ее территориальные ущемления были настолько значительны и вызвали такое возмущение населения страны, что турецкие власти отвергли Севрский мирный договор. В соответствии с Лозаннским мирным договором 1923 г. часть несправедливых для Турции территориальных изменений была аннулирована (в частности, за ней сохранились Восточная Фракия и Смирна).

Новая территориальная карта мира, созданная державами-победительницами, стала одной из мин, заложенных под очень хрупкое международно-политическое равновесие, поскольку породила в дальнейшем стремление к реваншу у проигравших государств и желание территориального передела у стран, считавших себя обделенными в территориальном отношении. Но по-другому быть и не могло. Эти территориальные изменения закрепили итоги войны несправедливой с обеих сторон. Государствами, определявшими новые границы, двигало не стремление к справедливости и национальному самоопределению народов, а собственные геополитические и стратегические интересы.

Литература

1. Блог Первая мировая война [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://firstworldwarby11a.blogspot.com/>
2. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 / Под ред. Е.Ф. Язьковой. – М. : Простор, 2004.

**ВОЙНА ЗА ГЕГЕМОНИЮ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ 1914-1918 гг. АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗ
ПАРИЖА НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ**

**Бунеев В.Д.
(г. Луганск)**

Желание перевернуть мировую политику и занять в ней главенствующее положение – таких целей придерживалась Германская империя. Однако британские амбиции, внешнеполитические интересы и статус «главного» гегемона, не позволили «Второму рейху» расправить крылья полностью. На выходе мы получили миллионы жертв, разрушенные империи и множество нерешенных вопросов. Такой была война 1914–1918 годов, но всё-таки мир имел шанс на мирное урегулирование противоречий. И это мирное урегулирование, по иронии судьбы, находилось во Франции, что впоследствии сыграло с ней злую шутку.

Корень противоречий – неравномерность.

Французский император Наполеон III стремился всеми силами не допустить объединения германской нации под патронатом Пруссии. Пик сдерживания Пруссии пришелся на Франко-Прусскую войну 1870–1871 годов. По итогам войны, уже Германская империя закрепила за собой статус европейского лидера, при этом доведя до национального позора французскую сторону.

Внешняя политика империи была строго направлена на увеличения престижа Германии. Появилась необходимость строительства морского флота, который по мощи не уступал бы английскому. Концепция создания морского могущества задокументирована, речь идет о «Первом морском законе» от 28 марта 1898 года, документе, принятом рейхстагом в рамках нового внешнеполитического курса Германии [4]. В то же время важным внешнеполитическим шагом была попытка по

выстраиванию мирных отношений с Третьей республикой, старание привлечь Францию к совместному подходу в области науки, в социальной и художественной области. Однако данный жест был проигнорирован французской стороной, ибо были свежи воспоминания о национальном крахе, и дух реваншизма требовал обратного. Огромным же толчком к наращиванию германской промышленной мощи и стабильного экономического потенциала, который в дальнейшем начинал вытеснять британского гегемона с ведущих позиций на мировом рынке, послужили не только французские репарации в 5 миллиардов франков по итогам Франкфуртского мира, хотя и они имели, неоспоримое влияние. Французские деньги были направлены на оснащение германского производства. Кроме того, и ресурсообеспеченность Эльзаса и Лотарингии, в частности угольно-металлургическая сфера, существенно пополнили запасы Германии, и без того богатой крупными промышленными центрами, такими как Рур, Саарбрюкен, Брандербург и т.д. Отдавая предпочтение Тройственному союзу, уже новый правитель Вильгельм II намеривался связать союз стран экономическими связями, между которыми в 1891 году и были заключены торговые соглашения. Это послужило основанием для создания таможенного союза, куда были приглашены также Бельгия и Швейцария. Этот политический шаг позволили Германской империи выйти на общегерманский рынок, который и определял экономическую стабильность государства и последующий рост.

Во внутренней политике предусматривалась защита бедного населения империи. Предусматривалось эффективное перенаправление урбанизации, а также создание благоприятных условий для существования бедного населения вводом обязательного посещения образовательных школьных учреждений и расселением их в промышленные регионы империи. Таким образом, данные шаги имели за собой подходящие условия для воспроизводства германского населения, что благоприятно сказалось на социальной политике империи. Также ускорились темпы строительства железных дорог. В период с 1870 по 1910 гг. протяженность железных

линий выросла в 33 раза и составила около 60 тысяч километров. Вследствие политики преобразований были созданы новые рабочие места для обновленного населения Германии, оно и будет задействовано в поднятии промышленности, в частности машиностроения, металлургии, выплавки чугуна, которое и подготовит основу для выхода Германии на лидерские позиции в мире.

Примером роста промышленной мощи Германии может служить таблица производство чугуна и стали в период 1909–1913 гг. [5, с. 32–39].

Страна	Чугун					Сталь				
	1909	1910	1911	1912	1913	1909	1910	1911	1912	1913
Россия	1,1	1,0	1,1	1,5	1,6	0,9	0,9	0,9	1,3	1,4
Австро-Венгрия	2,4	2,4	2,5	2,4	3,3	2,4	2,6	2,9	3,2	—
Германия	12,4	14,0	14,2	16,4	17,5	11,6	12,9	14,0	15,9	—
Франция	5,6	6,3	6,8	7,5	8,2	4,7	5,4	5,7	6,3	—
Соединенное Королевство	13,6	14,1	13,3	13,2	14,2	8,2	8,9	8,9	9,1	—
Бельгия	13,6	14,9	17,2	18,2	20,0	11,4	12,0	12,6	15,9	—
Швеция	5,0	6,7	7,0	7,7	7,3	3,5	5,2	5,0	5,6	—
США	17,6	18,3	15,7	19,1	19,8	16,4	17,6	15,7	20,0	—
Канада	6,2	6,7	7,2	—	—	7,0	7,4	7,6	—	—

Налицо существенное превосходство Германии перед Британской империей. Также превосходство Германии наблюдалось в машиностроении и химической индустрии. Британия стала утрачивать прежнее промышленное монопольное положение. Индустрия развивалась куда более быстрыми темпами в Германии, нежели в Британии, а центр мировой торговли постепенно перемещается в США. Борьба за рынки сбыта во многих случаях идет с успехом для конкурентов Англии. Если США, обладавшие емким внутренним рынком, не были тогда особенно опасным соперником, то Германия развернула политику торговой экспансии. Этот, по выражению Ленина, «главный конкурент» Англии бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией [3]. Именно так обстояло дело на рынках большинства стран Европы. Из-за отсутствия рынков сбыта производство английских товаров уходило на индийский рынок, с малой

долей дохода, что приводило к убыткам и, как следствие, стагнации британской торговли и промышленного развития.

Таким образом, неравномерное развитие стран внутри капиталистической системы и подорвало британскую стабильность, обрекло её на утрату лидерских позиций на мировой арене. Владение множеством колоний по всему земному шару позволяло удерживать в шатком положении былую мощь некогда великой Англии, но от нее, по сути, осталась только эхо былых деяний.

Не поддаться искушению войны

Лондонские политические круги не желали смириться с происходящим по отношению к ним беззаконием и упадком собственной значимости в глазах других держав. Руководство Британии нашло выход, однако он был кошмаром для Европы постфактум. Втягивание в войну России и Франции, ради достижения собственных целей, было верхом дипломатического превосходства Англии на тот момент. С одной стороны, изморить германскую армию столкновениями с французской армией, а с другой – затем перемолоть ту же германскую армию русским огромным пространством, как это было с Наполеоном, тем самым упразднить немецкую мощь. Во Франции на момент назревания войны имелись свои мыслители, которые могли предостеречь и уберечь от будущей катастрофы. Одним из таких был Жан Жорес, борец против империализма, колониализма и ещё не начавшейся войны, дух которой уже витал поблизости. Если обратиться к теории пассионарности Л.Н. Гумилёва, а именно появление некоего субъекта и его специфической деятельности со стремлением изменения окружающей его среды [1], то Жан Жорес является классическим примером данной теории. Этот человек был последним шансом на спасение Франции от Верденской мясорубки и тому подобных кровопролитных сражений, которые наносили ощутимый ущерб французскому генофонду. Данный французский деятель зарекомендовал себя как замечательный оратор и поборник социальных реформ. В 1892 году Жорес выступил в защиту стачки угольщиков в

Кармо, после победы которой был выдвинут ими кандидатом в депутаты и избран на частичных парламентских выборах в январе 1893 года. В парламенте он примкнул к «независимым социалистам», где нашел сторонников идей Маркса, стал лидером социалистических партий Франции, вследствие чего и обрел огромный вес в Третьей республике. В 1905–1914 гг. взял на вооружение антимилитаристскую политику и призывал правительство сблизиться с Германией. В 1911 году принял активное участие в Базельском антивоенном конгрессе. Имел достаточно близкие политические связи с немецкими социал-демократами. Также хотел достигнуть цели всеобщей солидарности социалистических и общедемократических ценностей, прибегнуть к национализации французских предприятий ради обогащения страны, главной его целью была победа социалистов исключительно мирным путем, через выборы во Франции. В июне 1914 года по его инициативе социалистическая фракция проголосовала против предоставления правительству крупного военного займа. В разгар июльского общеевропейского кризиса, вызванного убийством сербскими националистами австрийского кронпринца Франца-Фердинанда, добился на чрезвычайном съезде СФИО 14–15 июля резолюции о проведении всеобщей стачки в случае войны. Отверг все предложения премьер-министра Р. Вивиани войти в правительство и содействовать единству нации перед лицом германской опасности. 25 июля в речи в Лионе, ставшей его политическим завещанием, призвал к совместному антивоенному выступлению пролетариата всех европейских стран.

В итоге виден тот самый субъект по Л.Н. Гумилёву, который стремится изменить мировое статус-кво ради предотвращения братоубийственной войны.

Войне быть

В предвоенный период Францию охватила националистическая истерия, вследствие которой был застрелен Жан Жорес. Он погиб от рук французского националиста Рауля Виллена 31 июля 1914 года, прямо накануне объявления

мобилизации французским правительством при содействии СФИО, Французской секции рабочего интернационала [2]. Тем самым вокруг правительства объединились партии, так называемый «Священный союз», построенный на крови Жореса. Таков был итог, Франция вступила в войну, в которой потеряла остатки духа некогда великой державы.

Заключение

Допустимо построить теорию вокруг личности Жана Жореса. Был шанс на то, что представитель идей марксизма мог изменить историю Франции, уберегая её от вступления в войну, тем самым оставить Британию наедине с Германией, допуская то, что пускай старый гегемон, и новый претендент на его место сражаются за преобладание в капиталистической системе. Ведь у Франции и так было множество проблем, начиная с экономических и заканчивая демографическими. Жан Жорес был альтернативой для Франции, её спасением, его программа о национализации крупных предприятий способствовала бы стабилизации экономики, распространение марксистских идей сплотило бы народ, сближение с Германией позволило бы обмениваться технологиями и открыло бы доступ на уже сформировавшийся германский рынок.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. PASSIONARIUM. Теория пассионарности и этногенеза М.И. Новгородова. – М. : АСТ, 2016. – 2105с.
2. Жан Жорес [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ZHORES_ZHAN.html/. (Дата обращения: 24.11.2018.)
3. История Великобритании [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://tourism-london.ru/spavochnik-po-velikobritanii/>. (Дата обращения: 24.11.2018.)
4. История Германии [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1394966/>. (Дата обращения: 25.11.2018.)

5. Таблица статистический ежегодник на 1914 год. Под ред. В.И. Шараго. – СПб., 1914. – 817с.

УДК 327.82«1914»:51

**РЕВОЛЮЦИЯ В РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАКАНУНЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ
ТРАДИЦИОННЫХ АЛЬЯНСОВ**

**Олейник В.А.
(г. Луганск)**

Первая мировая война является одним из ключевых событий мировой истории. Она определила мировую эволюцию всего последующего времени. За четыре года произошла революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. При этом она открыла невиданные глубины гуманитарного падения, на которые оказался способен человек вопреки всем достижениям цивилизации. Она фактически разрушила оптимистическую культуру Европы, смяла все достижения столетия посленаполеоновского мира, сделала насилие легитимным орудием разрешения международных споров и инструментом социальных перемен.

Первая мировая война стала великим экзаменом для России на зрелость и устойчивость достигнутых ранее результатов. Россия, в случае победы в Первой мировой войне, должна была войти в Центральную Европу, в Средиземноморье и принять непосредственное участие в создании в Европе такого политического порядка, при котором треугольник Россия – Британия – Франция определял бы развитие всего евразийского континента. Залогом «окончательного» завершения интеграции России в Европу стал союз с европейским Западом, с Парижем и Лондоном – невиданный доселе эксперимент в дипломатической истории русского государства.

Проблема выбора между Центральной и Западной Европой стала актуальной для России уже тогда, когда осторожный Кутузов в 1813 году предупредил императора Александра, что Франция в будущем не будет представлять угрозы для России и что полное сокрушение Наполеона лишь утвердит Британию в положении сильнейшей державы Европы, а это едва ли в русских интересах. Став экономическим и политическим лидером, Британия поставит Россию в подчиненное положение. Охлаждение отношений с Лондоном было стимулировано и тем, что раздел Польши привязал Россию к двум германским государствам, дал начало решительному германскому преобладанию в процессе экономического развития России на протяжении целого века между 1815 и 1914 годами. Как раз в это время Германия становится лидером европейского экономического развития. Она под руководством Бисмарка получила в следующие пятнадцать лет огромную компенсацию. Помощь России позволила ему создать Германскую империю. Однако в Германии после ее объединения началась борьба между сторонниками восточной и западной линии. В ориентации на Петербург видели препятствие на пути германского подъема в Европе и мире в целом.

Набирающая мощь Германия все меньше нуждалась в русской дружбе. 6 февраля 1888 г. Бисмарк провозгласил в германском рейхстаге: «Мы больше не просим о любви ни Францию, ни Россию. Мы не просим ни о чем одолжении. Мы, немцы, боимся на этой земле Господа Бога, и никого более!»

Наследник Бисмарка канцлер Каприви не усматривал в союзе с Россией перспектив для Германии, которая хотела консолидировать Центральную Европу, держать в состоянии постоянного напряжения Францию и исключить из европейских дел Россию.

Отказ продлить «Союз трех императоров» был, по мнению английского историка М. Бальфура, «ударом по лицу» России.

Берлин отказался возобновить так называемый Договор о подстраховке, сохранявший дружественность России и

Германии. Началось провоцирование России германским сближением с Турцией и безмерной поддержкой Австрии на Балканах [2].

Было ли неизбежным конечное столкновение Германии с соседями на Востоке и Западе? Многие западные историки (например, Х. Сетон-Уотсон) склоняются к выводу о неотвратимости столкновения Берлина с ожесточенным после отторжения двух провинций – Эльзаса и Лотарингии – Парижем и с обеспокоенным германским самоутверждением Петербургом. Ставшая европейским лидером Германия уже не была продолжением Пруссии. Влияние традиционной прусской военной касты (имевшей связи с Россией) начало уменьшаться, а влияние западных, рейнских промышленников увеличиваться. Внутригерманские процессы вели к изменению взаимоотношений прежде традиционно дружественных военных элит двух стран.

Катализатором ухудшения отношений Германии с соседями стала испытывающая большие внутренние трудности Австро-Венгрия. Так, дипломатическая победа Вены, установившей в 1908 году свой контроль над балканскими Боснией и Герцеговиной, вызвала в Петербурге, Париже и даже Лондоне понимание необходимости координации действий против меняющих карту Европы сил. Британский посол писал из Берлина своему правительству: «В Европе устанавливается гегемония центральных держав, а Англия будет изолирована... Наша Антанга, как я боюсь, ослабнет и, возможно, умрет, если в будущем мы не превратим ее в союз» [1].

Ожесточение охватывает отнюдь не только избранных идеологов. В 1912 году император Вильгельм II записывает: «Германские народы (Австрия, Германия) будут вести неминуемую войну против славян (русских) и их латинских (галльских) помощников, при этом англосаксы будут на стороне славян. Причины: жалкая зависть, боязнь обретаемого нами могущества».

Германский генеральный штаб начинает выражать опасения в отношении ускорившегося после 1892 года экономического роста России. Его глава фон Мольтке

утверждал, что после 1917 года мощь России окажется непреодолимой, она будет доминирующей силой в Европе и «он не знает, что с ней делать». Мольтке был убежден, что «европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами. Долгом всех государств является поддержка знамени германской духовной культуры в деле подготовки к этому конфликту. Нападение последует со стороны славян. Тем, кто видит приближение этой борьбы, очевидна необходимость концентрации всех сил».

Германия завладела половиной русской торговли. От нее зависела модернизация страны, от нее же исходила опасность превращения России в экономического сателлита. Германия приложила чрезвычайные усилия для занятия доминирующих позиций в России, действуя энергично и с примерной немецкой методичностью. В России жили примерно 170 тыс. германских подданных и 120 тыс. австро-венгров (что трудно сопоставить с 10 тыс. французов и 8 тыс. англичан). То был уникальный случай, когда огромная страна, обладавшая неисчерпаемыми ресурсами, зависела от концентрированной мощи гораздо более развитого партнера. Как пишет американец Дж. Спарго, «хладнокровная, безжалостная манера, с которой Германия осаждала Россию со всех сторон, как в Азии, так и в Европе, систематические усилия по ослаблению своей жертвы, его экономическая эксплуатация вызывает в памяти удушение Лаокоона и его сыновей. Троянские жертвы были не более обречены в объятиях монстра, чем Россия в руках Германии».

У России был не просто мощный сосед, мировой лидер, меняющий глобальное соотношение сил. Германия, загнавшая в свою тень Францию и доминировавшая в торговле с Россией, по доле в мировом промышленном производстве (14,8%) к началу мирового конфликта обошла Англию. Германия стала посягать на континентальное преобладание не только в экономическом, но и в военном и политическом отношении.

Система Меттерниха еще поддерживалась мудрым Бисмарком, но показалась устаревшей канцлерам Бюлову и Бетман-Гольвегу. Именно нарушение равновесия погубило систему. Возвышение Германии заставило остальных

объединиться ради самозащиты, привело к союзу против нее Франции, России и Британии. Для России это был непростой выбор. Еще в годы войны с Турцией (1878) военный министр Милютин указывал: условия русской индустрии, финансов и культуры таковы, что России опасно противостоять первоклассной европейской державе.

Аналитики социально-революционных кругов (например, эсер Огановский) утверждали, что Россия принимает черты германской колонии, русское население превращается в объект эксплуатации со стороны германского монополистического капитала.

В результате в России набрало популярность движение за освобождение страны от германского экономического засилья.

Следует отметить, что в России на то время существовало два противоположных по интересам лагеря. Два наиболее талантливых государственных деятеля России начала века, два премьера – С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, которые являлись сторонниками одного, резко выступали против участия России в коалиционном противостоянии в Европе. Столыпин просил 20 лет мира. В тон ему Витте полагал, что катастрофу влечет уже сама постановка вопроса, требующая выбора между Парижем и Берлином. С его точки зрения, именно союз Петербурга с обоими антагонистами, Парижем и Берлином, обеспечивал России два необходимых условия своего развития – безопасность и свободный контакт с Европой. Он был убежден, что континентальный «союз трех» не только обеспечит России условия для развития, но и создаст предпосылки прочной взаимозависимости главных европейских стран.

Но союз с чемпионом европейского развития мог сделать Россию сателлитом Германии, поэтому он настаивал на включении в этот союз Франции как третьего участника. В представлении Витте Германия олицетворяла собой силу, а Франция – деньги; укрепляя связи с этими двумя нациями, Россия получала благоприятную возможность пользоваться в своих интересах силой одной и деньгами другой, избегая при этом опасности попасть в зону необратимого влияния одной из них.

Представители второй точки зрения более всего были обеспокоены ростом могущества Германии и ее влиянием на Россию. Им казались зыбкими надежды на то, что Россия сумеет вырваться из орбиты влияния германского промышленного гиганта, буквально монополизировавшего российскую торговлю. Иллюзии и надежды могли обернуться жесткой зависимостью Петербурга от Берлина, избежать этого можно было лишь путем координации действий со всеми, кого пугала брутальная тевтонская тяга к «достойному Германии месту под солнцем». Внешняя и внутренняя политика России потеряли взаимосвязь.

Союз с Францией при императоре Николае II стал для России значить больше, чем для его предшественников на троне. Если император Александр III «держал», так сказать, свою дружбу с Францией в определенных рамках, то Николай II публично назвал эти отношения союзом. Если Александр III выступал за расширение и развитие азиатской части своей империи, то Николай II в общем и целом (вопреки японской авантюре) был устремлен к развитию европейской части страны. Россия желала быть, прежде всего, частью Европы, она стремилась к улучшению инфраструктуры, к участию в промышленной революции мира.

Важным дипломатическим эпизодом была односторонняя аннексия многонациональной габсбургской державой территории Боснии и Герцеговины, на которые претендовала балканская союзница России Сербия. Твердая поддержка Берлином Вены привела Петербург к унижительному отступлению в вопросе о судьбе Боснии и Герцеговины. Император Николай объяснил суть боснийско-герцеговинского кризиса своей матери таким образом: «Германия сказала нам, что если мы не согласимся на аннексию, последствия будут очень серьезными и труднопредсказуемыми. Поскольку дело было изложено так прямо и недвусмысленно, нам не оставалось ничего иного, как проглотить свою гордость и согласиться [4]. Но германские действия в отношении нас были настолько брутальными, что мы этого не забудем» [10].

Россия постепенно стала исключать для себя вариант покорности в отношении Берлина. Для России пойти на двустороннее сближение с Германией было в практическом смысле невыполнимым. Это означало превращение России в вассала Германии, означало ее фактический «уход» из Европы, обращение к Азии, где Британия и Япония постарались бы поставить предел расширению ее влияния. Именно Германия в этом случае решала бы вопрос, когда наступит час для выяснения отношений с Францией и Англией. Россия обязана была бы следовать за ней, являясь по существу младшим партнером в реализации германских планов.

В русском обществе победила линия противостояния зависимости от Германии. Дипломатическое замыкание России на Францию и Англию в пик Германии делало ее заложницей неподконтрольных ей политических процессов. Россия, по существу, отдала свою судьбу в чужие руки.

Царь не мог представить себе такого оборота событий, из-за которого Россия в XX веке потеряет семьдесят миллионов человек и, почти достигнув отметки в триста миллионов к концу века, распадется на части.

России ни при каких обстоятельствах не следовало вступать в войну с индустриальным лидером континента. Несомненно, британская, французская и российская империи каждая в отдельности имели много сильных сторон, но их альянс был отнюдь не столь силен – он держался только на страхе французов и русских перед германской армией. Если бы во время августовского кризиса 1914 года Германия сократила свою армию мирного времени вместо того, чтобы мобилизовать резервы, Французская республика не могла бы долго настаивать на собственной мобилизации, ни поддерживать позорный альянс с царистской автократией. Антивоенная или, точнее, прогерманская партия при царском дворе победила бы, и британский правящий класс остался бы без союзников, чтобы оппонировать Германии. В Британии тоже существовала оппозиция постоянно растущим расходам на флот и, если бы свою военно-морскую экспансию (то есть увеличение флота) сдержала бы и Германия, поддержка наращивания флота в

британском парламенте и антигерманская политика в целом развалились бы. Эти шаги не разоружили бы Германию, так как даже сокращенная армия, не способная на крупные наступления, могла бы отразить любое вторжение и сохранить неприкосновенность немецкой территории, включая ее восточную часть, населенную беспокойным и непокорным польским населением.

Россия имела возможность избежать фатального конфликта с Германией. Политические интересы России были связаны вовсе не с Центральной Европой. Возможно, когда-нибудь в будущем Россия могла бы оказать давление на Турцию с целью открытия проливов, но она по своей воле не пошла бы на провокацию войны с европейским экономическим колоссом, связи с которым были столь существенны для ее модернизации. Если бы Германия, сохраняя свои интересы, хотела бы избежать в этом случае войны, она могла просто присоединиться к Британии и Франции в защите Османской империи.

Россия нуждалась в безопасности, в гарантии от эксцессов германского динамизма, но она никак не нуждалась в территориальной экспансии, которая создавала для нее лишь новые проблемы. Парадоксом является то, что территориальное расширение России за счет польских территорий неизбежно ставило в повестку дня вопрос о самоопределении Польши. Расширение Армении в сторону Ливана таило сходную эволюцию. Нужен ли был России Константинополь как свободные врата в Средиземноморье? Россия нуждалась в свободе своей торговли, своего экономического развития, а не в логически следующем за овладением Босфора вторжении в балканский и средиземноморский клубок противоречий, грозивший отчуждением Британии, делавший Турцию ее покорным сателлитом. Все это эвентуально бросало русские ресурсы на внешние авантюры по всему периметру контактов с Британской империей, а не на внутреннее экономическое развитие.

Литература

1. Fischer F. Germany's Aims in the First World War / F. Fischer. – N.-Y., 1967. – P. 32–33.
2. Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia (1855–1914) / H. Seton-Watson. – London, 1952. – P. 359.
3. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. / Ю.Н. Данилов. – Берлин, 1924. – С. 112.
4. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. – 1935. – № 2–3. – С. 133.
5. Зайончковский А.М. Маневренный период / А.М. Зайончковский. – М., 1929. – С. 241.
6. Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914) / А.В. Игнатъев. – М., 1962. – С. 194.
7. Маниковский А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну / А.А. Маниковский. – Том 1. – М., 1930. – С. 153-155.
8. Сидоров А.И. Экономическое положение России в годы первой мировой войны / А.И. Сидоров. – М., 1973. – С. 343, 345.
9. Такман Б. Августовские пушки / Б. Такман. – М., 1972. – С. 155.
10. Фей С. Происхождение мировой войны / С. Фей. – М., 1934. – Т. 2. – С. 225.

**СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ И «СТРАТЕГИЯ ХАУСА»**

**Трегуб В.А.
(г. Луганск)**

*Плохо иметь ангlosакса
врагом, но не дай Бог иметь
его другом!*

*- Алексей Ефимович Вандам,
русский генерал-майор и
геополитик*

Сегодня общепринятым считается мнение, что неудачи российской армии на фронте и предшествовавшее им разложение государственной системы привели к социальной революции 1917 года и смене правительства. Однако архивные документы и дипломатическая переписка, которая не была учтена при составлении советской историографической базы исследований по причине идеологических разногласий или банальной утери, говорит об обратном.

Еще в 1914 году влиятельные царские чиновники говорили о недопустимости вступления России в войну. К примеру, Петр Дурново, бывший российский министр внутренних дел, писал в аналитической записке государю: «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людскими ресурсами, будет придерживаться оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам...» [7].

Более того, по утверждению Дурново неизбежным последствием войны станет революция, которая из побежденной страны перекинется на страну-победительницу.

Еще одним влиятельным человеком, который видел в войне ловушку, искусно расставленную врагами, был приближенный к царю Григорий Распутин, но 29 июня 1914 года на него было совершено покушение Хионией Гусевой, и в тяжелой для России момент, когда встал вопрос о вступлении в войну, Григорий Распутин был прикован к койке. Сам он неоднократно говорил, что будь он в тот момент в Петрограде, не допустил бы развязывания войны.

Такая же ситуация постигла и Францию. 31 июля там был застрелен Жан Жорес, лидер социалистов и противник вступления в войну. Известный своим антимилитаризмом, Жорес был настолько популярен, что 25 мая 1913 года смог даже провести 150-тысячный митинг в Париже.

По странному стечению обстоятельств, люди, которые выступали против войны, были физически уничтожены.

Многие влиятельные круги были заинтересованы в упразднении царского режима, ибо тогда бы все военные заслуги России были либо приуменьшены, либо сведены на нет, а богатые концессии распроданы за бесценок иностранным банкам и так называемым филантропам, подобно Якобу Шиффу, Мортимеру Шиффу, Феликсу Варбургу, Отто Кану и другим [11]. План западной коалиции сработал идеально: Россия помогла приструнить воинствующую Германию, одну из главных теллурократических держав и потенциального российского союзника, а потом самоликвидировалась в качестве одного из мировых лидеров.

Так почему же Россия *должна* была проиграть Первую мировую войну?

Во-первых, многие опубликованные документы свидетельствуют о том, что страны Антанты заключили тайные договоры, касавшиеся будущих территориальных выгод, своего рода побуждение к аффилиации с западными странами и общему миру. Россия в случае победы получила бы Босфор и Дарданеллы, но согласно уже указанному Дурново, никаких геополитических выгод это не имело, так как за проливами следуют территориальные воды и моря с множеством островов, где английскому флоту достаточно лишь закрыть вход,

независимо от проливов. Но здесь следует сделать примечание. По условиям тайных договоров, большие участки Мраморного и Эгейского морей также отходили к России, что делало ее Средиземноморской державой. Если же проанализировать еще детальнее, то получится, что передача Константинополя делала Константинопольского Патриарха гражданином Российской Империи, воссоздавала Римскую Империю и Православную Ойкумену не только в религиозно-мистическом смысле, но и в экономико-политическом [10].

Во-вторых, гипотетическое предположение состоит в том, что страны-союзницы не собирались выполнять свои обещания (гипотетическое лишь потому, что документальных подтверждений тому нет, лишь простой аналитический вывод, основанный на последующих фактах). Уже в 1915 году развернулась широкомасштабная подпольная деятельность, финансируемая западными элитами, направленная на поражение царской монархии, а, следовательно, и режима, вступившего в войну и удержавшего коалицию от поражения в начале боевых действий. Так, в 1915 году был подготовлен Меморандум Гельфанда (Парвуса), которых сейчас хранится в архиве германского МИДа, в котором было указано о важности политической забастовки в России, что предполагало разрушение железнодорожных мостов, как в движении 1905 года [9]. Не нужно говорить о важности транспортных коммуникаций для воюющего государства, по которым происходит доставка продовольствия, амуниции и техники. Как отмечал доктор исторических наук Анатолий Уткин: «Основные причины краха России – изоляция от индустриального мира, крушение транспортной системы...» [4].

Более того, на конференции социалистов в Циммервальде, которая прошла в сентябре 1915 года при участии агента Германии Роберта Грина, Владимир Ленин заявил, что Россия должна проиграть войну, чтобы уступить место марксистской Weltrevolution. Эвме Хоуард, британский посол в Швеции, писал: «Ленин является хорошим организатором и самым опасным человеком, в Петрограде его поддерживают значительные силы. Он настроен антибритански, у него связи с

индийскими революционерами... Необходимо сделать все возможное, чтобы проконтролировать его деятельность в России» [8]. Все эти факты свидетельствуют о двойной игре западных элит, которые использовали Россию для уничтожения кайзеровской Германии и, в конечном итоге, для уничтожения самой Российской Империи.

В-третьих, победа союзнической коалиции, в том первоначальном виде, в котором она создавалась, не нужна была даже США, которые с началом войны только начали набирать силу. Главной тактикой западных элит стало максимальное выкачивание денежных средств из воюющих стран, притом независимо от того, к какому лагерю относится государство. Более того, возвращение займов предполагалось в виде золота, т.е. практически грабеж золотого запаса государства для стабилизации собственной валюты. Как говорил маршал Джан-Джакомо Тривульцио: «Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги». И Америка была готова их предоставить в обмен на некие преференции. С 1 августа 1914 года по 1 января 1917 года Соединенные Штаты предоставили воюющим державам займов на 1,9 млрд. долларов. Уже в апреле 1915 года один из владельцев финансовой империи Морган Томас Ламонт, выступая перед представителями прессы, отметил, что США надо как можно больше помогать европейским союзникам, т. к. это приведет к выкупу американцами их долговых обязательств перед Великобританией и Францией. Ещё большим потоком займы европейским странам пошли, когда США сами вступили в войну. До конца Первой мировой войны общий объём кредитов составил более 10 млрд. долларов [11]. Если перефразировать аксиому Клаузевица о войне, то получится: «Война – это есть не что иное, как «аспирация» чужих финансов, с привлечением иных средств».

Еще одним фактом, который свидетельствует о двойной игре Запада и дипломатической изоляции России задолго до Версальской конференции, было то, что главный помощник Вудро Вильсона полковник Хауз, совершая поездку по Европе и общаясь с дипломатическими представителями воюющих стран,

так ни разу и не посетил Россию. Полковник Хауз, или, как его называли, «серый кардинал», никогда не имел воинского звания, более того, сам он был наследственным фермером и никогда не воевал. Тем не менее, эта личность сыграла большую роль в событиях 1914–1918 гг. Полковник Хауз был основателем теории «управляемого шторма», которую применили на практике в России. Падение монархии, Временное правительство Керенского и гражданская война – это все необходимые элементы в плане Хауза. Ключевым моментом его деятельности была реализация нового мирового порядка. 17 сентября 1917 года был создан «think tank», который занимался проектом пересмотра системы международных отношений [11]. Например, Россия как единое государство должна прекратить свое существование: «Остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная европейская часть страны» [1]. Примечательно, что на тот момент Россия не была в конфронтации с США, в отличие от Германии.

Более того, «подводная война» не испортила американо-германских отношений. 7 мая 1915 года Германия потопила американский пассажирский пароход «Лузитания», а 22 июня Хауз встретился с германским послом. Это отмечено во втором томе его архивов: «Сегодня, в пять, меня посетил германский посол, с которым я имел весьма удовлетворительную беседу. Я рассказал ему о приеме, оказанном мне в Германии, и выразил признательность за сердечный характер этого приема. Мы обсуждали перспективы мира» [1]. Что касается России, то здесь превалировало иное мнение: «Следует сделать заявление, которое не только обличало бы автократическую Германию, но укрепило бы позиции русских либералов в их стремлении превратить свою страну в могучую республику». И далее: «Более важно в настоящее время превратить Россию в жизнеспособную республику, чем поставить Германию на колени. Если внутренний раздор достигнет в России точки, когда Германия сможет вмешаться, тогда Германия окажется в

состоянии доминировать в России и политически, и экономически» [1].

Из этого следует, что для Запада не важно, какой режим у власти, в свое время Александр III тесно сотрудничал с Ротшильдами, а Сталин – с Рокфеллерами. Важно лишь то, что Российская империя как теллурократический гегемон (а именно такой бы и стала Россия, по утверждению Хауза, если бы победила в Первой мировой войне) не была выгодна западным элитам. Президент Вильсон отличался германophilством, Англия и Франция преследовали собственные цели, т.е. Россия изначально была одинока в этой войне. Все это превратилось в плавильный котел, где сплелись большие деньги и большие амбиции, при этом автор даже не затрагивает, конфронтации между Англией и США, которые намеривались использовать и Германию друг против друга. Если и есть уроки войн, мировых или локальных, то они запечатлены в эпитафии. Слова русского геополитика Алексея Вандама (Едрихина) не теряют своей актуальности. Нельзя доверять западным элитам, ибо они признают только деньги и силу, а деньги для них и есть сила.

Литература

1. Архив полковника Хауза в 3-х томах. – М. : Государственное социально-экономическое и-ство, 1939.
2. Гершов З.М. Вудро Вильсон / З.М. Гершов. – М. : Мысль, 1983. – 336 с.
3. Иванян Э.А. Белый дом: президенты и политика / Э.А. Иванян. – М.: Политиздат, 1975. – 432 с.
4. Уткин А. И. Первая Мировая война / А.И. Уткин. – М. : Алгоритм, 2001. – 592 с.
5. Федотов Г.П. Революция идет. Современные записки / Г.П. Федотов. – Париж : Общественно-политический и литературный журнал, 1929.
6. Шамбаров В.Е. Революция: Западня для России / В.Е. Шамбаров, Е.Н. Чавчадзе. – М.: Вече, 2017. – 416 с.
7. Frank A. Golder, ed. Documents of Russian History, 1914 – 1917 (Документы российской истории, 1914–1917), перев.

- Эмманюэля Аронсберга / Golder, ed. Frank A. – N. Y. : Columbia Univ. Press, 1927. – P. 9. – 10.
8. Gardner C. Lloyd Safe for Democracy. The Anglo / Lloyd Gardner C. – American Responce to Revolution, 1913–1923. – N.Y., 1984. – P. 358.
  9. Scharlau W.B. Freibeuter der Revolution. Parvus-Helfand. Eine politische Biographie / W.B. Scharlau, Z.A. Zeman. – Koln. 1964. – S. 361–374.
  10. Вилсон, Хаус. Колчак и результаты Первой Мировой Войны [Электронный ресурс] / Хаус Вилсон. – Режим доступа: <https://abrod.livejournal.com/130824.html>
  11. Как разбогатели США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru>

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМА РАЗРЕШИМОСТИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК 327.8(477):262.54

УКРАИНСКАЯ СТРАТЕГИЯ НА АЗОВЕ КАК ВЫЗОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Онопко О.В.
(г. Донецк)

С марта 2018 г. сохраняется устойчивый рост напряженности в украинско-российских отношениях по поводу использования акватории Азовского моря. Действия Украины в Приазовье носят всё более провокационный характер, угрожая безопасности не только других государств региона – России и ДНР – но и в целом сложившейся там системе международно-правовых, торгово-экономических и других отношений. Ситуация осложняется усилением украинского военного присутствия и ростом активности вооруженных сил в западной

части Донбасса, что в совокупности может привести к масштабному международному кризису.

Как отмечает российский политолог Денис Батурин в своей статье для интернет-версии журнала «Международная жизнь», Украина преследует на Азове следующие цели: максимум – «добиться вхождения в Черное море кораблей НАТО и их прохождения в Азовское море, ссылаясь на международное морское право. Цели минимум – создание украинской группировки военно-морских сил на Азовском море при финансовой и военно-технической технической поддержке Запада, а затем – разворачивание на базе этой группировки действий по созданию напряженности и провокаций на Азовском море в отношении ДНР, границы которой выходят на побережье, и России, которая имеет не только морскую границу, но и важнейший инфраструктурный объект – Крымский мост» [1].

В своей внешней политике Украина стремится сделать собственную оборону и безопасность в акватории Азовского моря и в целом в регионе проблемой евроатлантических структур. Отсюда, в частности, – спекуляции украинских, а также поддерживающих их европейских и американских политиков и экспертов по поводу угрозы «российских десантных операций с высадкой на берег» [5]. Данные заявления следует рассматривать как элемент политики постправды и украинской военной пропаганды. Адресованные, в первую очередь, западной аудитории, они призваны содействовать укреплению политической мифологии «гибридной войны». Не имея под собой реальных оснований и апеллируя к иррациональным страхам, она чувственно-эмоциональным способом влияет на политическое сознание народов и элит стран Запада, побуждая их поддерживать Украину в её противостоянии с Россией. И если на уровне ЕС украинские действия уже приводят к определённым результатам [2], то в НАТО пока что нет готовности как-либо вмешаться в Азовский кризис. Основным интересом Альянса на Азове – это сохранение мира в регионе, снятие фактической морской блокады с украинских портов Мариуполь и Бердянск,

восстановление доступности «открытых и свободных морских линий коммуникации» [6].

Во внутренней политике действия Украины на Азове в настоящее время сводятся к ряду мер юридического и военного характера. В частности, в ноябре 2018 г. Верховной Радой был в первом чтении принят проект закона «О прилегающей зоне Украины» [4], который, в случае подписания, увеличит акваторию Азова, где украинские пограничники смогут осуществлять патрулирование, до 24 морских миль. Кроме того, как отмечено в очередном докладе украинского Центра исследований армии, конверсии и разоружения, власти Украины документируют якобы «незаконные» действия России на Азове для дальнейшего обращения в международные суды [3]. В военном отношении украинская сторона наращивает свою морскую группировку в Мариуполе и Бердянске, строит в последнем военно-морскую базу, а также регулярно проводит масштабные учения сухопутных сил, ПВО и авиации на приазовских территориях Запорожской области и подконтрольной Украине части ДНР.

Таким образом, с точки зрения международного морского права и реалистской теории международных отношений, стратегия украинских властей на Азове в настоящее время направлена на изменение 1) его юридического и фактического статуса внутреннего моря и 2) баланса сил в Приазовье в пользу Украины и её союзников. Её дальнейшая реализация может привести к:

- началу прямого вооруженного противостояния между Украиной и Россией на море;
- активизации боевых действий между Украиной и ДНР за контроль над побережьем Азовского моря;
- введению дополнительных санкций против России и ДНР со стороны государств-членов ЕС и НАТО и данных организаций в целом;
- прекращению взаимодействия между Украиной и Россией по поводу совместного использования Азова;

- прекращению торгового судоходства на Азове, нарушению экономических связей между азовскими и черноморскими городами;
- кризису легальной рыболовной промышленности и активизации браконьерства;
- ухудшению экологической ситуации регионе.

Литература

1. Батурин Д.А теперь – российские санкции [Электронный ресурс] / Д.А. Батурин. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20838> (Дата обращения 16.11.2018)
2. Могерини предостерегла от милитаризации Азовского моря [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/566865-mogerini-azovskoe-more-militarizaciya> (Дата обращения: 16.11.2018)
3. Основні виклики та ризики для України у першій половині листопада 2018 року [Электронный ресурс]. – URL: https://cacds.org.ua/?p=4809&fbclid=IwAR1dauMknEbCpOsQ3NnjO4ksTd1TVB7F1bFzO7Sj_OjPUA0StWNpeQhyv_U (Дата обращения: 18.11.2018)
4. Проект Закону про прилеглу зону України [Электронный ресурс]. – URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=64003 (Дата обращения: 18.11.2018)
5. «Сверх Javelin»: экс-посол США на Украине призвал дать Киеву мощное оружие [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/world/20181109/1532418994.html> (Дата обращения 16.11.2018)
6. Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of exercise Trident Juncture 2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_159666.htm (Дата обращения: 16.11.2018)

**ВЛИЯНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СОЗНАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ЭПИЦЕНТРЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ**

**Анпилогова Т.Ю.
(г. Луганск)**

Военно-политические или вооруженные конфликты, независимо от причин, характера, места и времени возникновения, обуславливают кардинальные изменения в повседневной жизни населения, проживающего в зоне обострения ситуации. Под вооруженным конфликтом в данном контексте будет рассматриваться «состояние войны или конфликт, сопряженный с военными действиями, которые в силу своего характера или масштабов могут затронуть действие договоров между государствами – сторонами в вооруженном конфликте или между государством – стороной в вооруженном конфликте и третьим государством, независимо от официального объявления войны или иного объявления какой-либо стороной или всеми сторонами вооруженного конфликта» [1, с. 113–114]. Помимо бытовых условий проживания и профессиональной деятельности граждан объектом воздействия внешних факторов в условиях военно-политических или вооруженных конфликтов становится их сознание, представляющее собой «высший уровень психического отражения объективной реальности и саморегуляции, присущий человеку как социальному существу» [2, с. 88].

Трансформациям в сознании людей сопутствует ряд важных факторов субъективного и объективного характера, в том числе применяемое враждующими политическими силами манипулирование, искажение транслируемой в массы информации, последствия психического и физического воздействия и др. Среди них можно отметить следующие.

1. Дефицит или намеренное искажение информации. Недостаток информации, как правило, объективно приводит к

появлению страхов, слухов, сплетен, особенно у граждан, находящихся в условиях информационной блокады или информационной войны. Использование данных факторов обеспечивает широкие возможности для манипулирования сознанием населения.

2. В условиях чрезвычайных ситуаций, к которым относятся и затянувшиеся военно-политические конфликты, наблюдается рост религиозности среди населения. Эта особенность создает благоприятные условия и для появления псевдомессий, распространения сектанства.

3. Население, находящееся в ситуации воздействия кратковременных боевых действий, чаще всего испытывает стресс, ведущий к мобилизации организма, физических и психологических ресурсов. При этом длительные конфликты, вызывающие перманентный стресс, ведут к постепенному эмоциональному выгоранию, физическому и психологическому истощению, обострению хронических заболеваний.

4. В условиях вооруженных конфликтов механизмы психологической защиты детей и взрослых становятся более разнообразными, расширяется их спектр.

5. Необходимость выживания толкает представителей территорий, охваченных локальными конфликтами, к поиску собственной идентичности как форме своеобразной психологической защиты. В ее основе лежит механизм противопоставления «себя» «чужим», «враждебным» военно-политическим или идеологическим силам. Этот алгоритм приводит к процессу новой героизации, усилению интереса к региональным, национальным, религиозным традициям, а в итоге – к формированию новых ценностей, воплощающих в себе современный вектор выживания.

6. Генератором данных ценностей становится новая политическая элита, формирование которой происходит в ходе военно-политических конфликтов. Ее представители олицетворяют собой воплощение тех качеств, которые являются наиболее социально привлекательными, обеспечивают поддержку народа, создают иллюзию реальной демократии, веры в торжество справедливости и демократии.

7. Появление новой политической элиты и ее взаимодействие с населением приводит к росту политической активности граждан.

Таким образом, рассмотрев факторы, влияющие на изменения в сознании населения территорий, являющихся зоной военно-политических конфликтов, можно констатировать, что важное значение имеет их продолжительность. Так, если кратковременные вооруженные конфликты могут привести к консолидации различных групп населения, объединенных общей идеей, единым духовным эгрегором, то затянувшийся конфликт, имеющий хроническое протекание, с большой вероятностью приводит к негативным последствиям, как для эмоционального и физического состояния граждан, так и для процесса становления или развития государственности.

Литература

1. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – М. : Между народный Комитет Красного Креста, 2011. – 1144 с.
2. Маклаков А.Г. Общая психология: учебник для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2006. – 583 с. : ил. – (Серия «Учебник нового века»).

**ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА
ПРИМЕРЕ ПОКОЛЕНИЯ «ДЕТЕЙ ВОЙНЫ»)**

**Гаврыш О.В.
(г. Луганск)**

Вооруженные конфликты сопровождаются невероятными экономическими и социальными разрушениями, страданиями, увечьем, убийством людей. Защита детей в таких условиях является наиболее острой проблемой. Дело в том, что дети, проходя критические этапы своего развития, в гораздо большей степени испытывают на себе воздействие войны, чем взрослые; детям сложнее адаптироваться к конфликтной ситуации или реагировать на нее; они практически никогда не несут ответственности за возникновение конфликта; они гораздо в большей степени, чем взрослые, зависят от той защиты, которую в мирное время обеспечивают семья, общество и закон. По словам Грасы Машел, бывшей первой леди Мозамбика и Южной Африки, а на данный момент – активного деятеля ООН по вопросам защиты детства, «война нарушает все права ребенка – право на жизнь, право находиться со своей семьей и общиной, право на здоровье, право на развитие личности и право на заботу и защиту» [2].

Именно поэтому целью данного исследования становится анализ прямых и косвенных последствий вооруженных конфликтов для детей. Данный анализ проводился на примере поколения «детей войны». Эти дети – теперь уже наши бабушки и дедушки, а у кого-то это даже прабабушки и прадедушки. Хотя детям войны, чаще всего, не приходилось воевать самим, во время Великой Отечественной войны им пришлось трудно. Их лучшие, детские годы пришлись на времена горя и лишений. В то же время, многие исследователи выделяют это поколение в отдельную специфическую категорию, которая сформировалась

именно благодаря тем тяжелым условиям, в которых проходило их детство.

Вторая мировая война закончилась победой Советского Союза, но победой ценой миллионов человеческих жертв, тысяч разрушенных городов и сел. На начало 1946 г. по сравнению с довоенным периодом население восточных областей УССР уменьшилось на 19,4%, а западных – на 29%. Точной информации о количестве погибших детей в этом вооруженном конфликте нет, цифра колеблется от 500 до 700 тысяч [1, с. 37].

События 1941–1945 гг. негативно отразились на всех сферах жизнедеятельности детей. Среди социально-демографических последствий особенно выделяются такие, как резкое падение уровня рождаемости из-за массовой гибели населения детородного возраста, отсутствие элементарных бытовых условий и разрушение сети лечебно-профилактических и образовательных учреждений [1, с. 37]. Численность тех, кто родился на территории УССР, не достигла уровня рождаемости 1940 г. в восточных ее областях (если в последнем предвоенном году рождаемость на 1000 человек населения составила 27,3, то в 1950 г. – 22,8) [5, с. 22]. Кроме того, важно учитывать участие подростков в миграционных процессах во время войны, в результате которых многие из них оказались в немецких концлагерях и были привлечены к нацистской программе «Lebensborn», которая предусматривала воспитание советских детей, близких по расовым признакам, в «стерильной национал-социалистической атмосфере» Германии [1, с. 38].

Одним из самых тяжелых социальных последствий стала массовая детская беспризорность и безнадзорность. Так, на 1 августа 1946 г. всего по УССР было выявлено более 150 тыс. детей-сирот, из которых детскими учреждениями была охвачена в то время только шестая часть несовершеннолетних [6, л. 109]. Такие явления часто приводили к проявлениям неправомерного поведения среди подростков.

Негативное влияние оказала война и на процесс обучения. Структура классов была разновозрастной, значительным было количество учеников-переростков, кроме того, большинство детей не были охвачены обучением, а те, кто учились, делали

это чаще всего в холодных неприспособленных помещениях. Если в довоенное время в СССР работало 29 068 школ, то в 1945–1946 учебном году это количество уменьшилось до 27 470 учебных заведений [7, л. 282].

Среди тяжелых последствий войны были такие, как ухудшение состояния здоровья и физического развития детей и подростков из-за ранений и увечий в зоне военных действий, а также недостаточное питание, бытовая неустроенность, отсутствие должного уровня медицинского обслуживания и др. [1, с. 44]. Основной патологией военного времени у детей было состояние дистрофии комплексного характера, сопровождаемое рядом морфологических изменений. Известно, что 15-летние юноши в 1944 г. потеряли 5% в росте по сравнению с их сверстниками, которые были осмотрены в 1940 г. [4, с. 167]. Война имела и тяжелые психологические последствия для детей. Посттравматический синдром как следствие страшных стрессов военного времени на долгие годы стал определяющим в поведении детей, порождая тяжелые хронические заболевания. Итак, Вторая мировая война имела тяжелые социально-демографические, медико-санитарные и психологические последствия для наименее защищенной категории советского общества – детей. Это так называемые прямые последствия вооруженных конфликтов для детей.

Обратимся к косвенным. Российская исследовательница советской повседневности Е. Зубкова говорит о том, что поколение «детей войны» является особенным. Эти дети раньше выросли и по собственному мироощущению были намного старше их сверстников, выросших в мирное время [3, с. 18, 27]. Большинство из несовершеннолетних, чье детство проходило в условиях Второй мировой войны, должны были с раннего возраста идти работать на производство или на колхозные поля, всячески помогать в тылу, чтобы заменить погибших на фронте родителей и обеспечивать свою семью. Вероятно, такое быстрое взросление повлияло не только на формирование поколения «детей войны», как социально-демографического явления, но и как духовного феномена. И действительно, система ценностей, сформировавшаяся у представителей поколения «детей войны»

совершенно иная, нежели у современных детей и подростков. Национальные идеалы и традиции, священная любовь к Родине, стремление трудиться на благо Отечества с ранних лет, которые с особой силой проявились в период Великой Отечественной войны, выступали высшей нравственной ценностью для детей того времени. Эти ценности в сознании последующих поколений стали постепенно угасать до того момента, пока снова не начался вооруженный конфликт на Востоке Украины в 2014 г., в результате которого многие дети Донбасса вынуждены были также быстро повзрослеть и по-другому воспринимать социально значимые, общенациональные и духовно-нравственные ценности.

Таким образом, в условиях происходящих вооруженных конфликтов одной из наименее защищенных категорий населения являются дети. Проведя анализ последствий Второй мировой войны для поколения детей этого периода, можно выделить следующее: вооруженные конфликты представляют собой угрозу жизни и здоровью ребенка, способствуют росту детской бедности, разрушению привычного образа жизни. Следствием также являются проблемы с получением образования, воспитание в неполных семьях, психологические травмы и многое другое. Особенно обращает на себя внимание такой фактор, как трансформация системы ценностей детей в условиях вооруженного конфликта.

Литература

1. Голиш Г.М. Наслідки німецько-радянської війни для неповнолітніх громадян України / Г.М. Голиш // Укр. іст. журн. – 2005. – № 3. – С. 37–49.
2. Дети в условиях конфликта. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/issues/children/>. – (дата обращения: 28.11.2018)
3. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953 / Е.Ю. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 229 с.

4. Медведовский Э.С. Физическое развитие рабочих – подростков в военные и послевоенные годы / Э.С. Медведовский // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: труды 2-й конф., 17–19 дек. 1946 г., Москва. – М. : Акад. мед. наук СССР. – Т. 1. – С. 166 – 173.
5. Перковський А.Л. Демографічні втрати народонаселення Української РСР у 40-х рр. / А.Л. Перковський, С.І. Пирожков // Укр. іст. журн. – 1990. – № 2. – С. 15–25.
6. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУУ). – Ф. 2. – Оп. 7. – Д. 2760.
7. ЦГАВОВУУ. – Ф. 166. – Оп. 15. – Д. 1115.

УДК 303.7:327

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

**Клипаков Н.В.
(г. Луганск)**

Развитие информационных технологий, модернизация вычислительной техники, дальнейшая разработка математического аппарата увеличивает спектр применения точных методов в гуманитарных науках. Применение математических методов в политических исследованиях позволяет расширить традиционные методы качественного анализа, повысить точность прогнозных и мониторинговых оценок.

В исследованиях международных отношений и внешней политики государств, аналитики используют математическую статистику, алгебраические и дифференциальные уравнения, теорию игр, моделирование, информационно-логические системы, «неколичественные разделы» математики.

Особенностью применения математических подходов в политическом анализе является их двойственность, которая выражается в том, что одновременно решаются как тактические вопросы, так и проводится анализ стратегических проблем.

Математика выступает эффективным инструментом в построении модели внешней политики государства и международных отношений различного уровня сложности. При этом необходимо учитывать, что «применение количественных методов в социальных науках базируется на создании таких моделей, которые по своей сути зависят не столько от абсолютных значений цифр, сколько от их порядка. Такие модели предназначены не для получения численных результатов, а скорее для ответов на вопросы о том, имеет место или нет некоторое свойство, например, устойчивость» [1].

При построении формализованных моделей и применении математических методов, исследователи учитывают ряд условий. Во-первых, концептуальные модели должны позволять формализовать имеющийся информационный массив в количественно измеряемые показатели. Во-вторых, при построении прогнозов на основе использования формализованных методик учитывается их способность просчитать ограниченное количество вариантов в строго определенных сферах приложения.

Построение формальной модели включают такие этапы: разработка гипотез и выработка системы категорий; выбор способов получения выводов и логика преобразований теоретических знаний в практические следствия; выбор математического отображения, адекватно применяемой теории.

Следует отметить, что проблемы, возникающие при построении системы гипотез и категорий, являются наиболее трудно разрешимыми. Гипотеза представляет собой такую теоретическую конструкцию, которая, с одной стороны адекватно отображает качественные стороны объекта исследования, а с другой, предусматривает расчленение объекта на формализуемые и измеряемые единицы, либо вычленение системы индикаторов, адекватно отражающих состояние объекта и изменения, которые в нем происходят.

К категориям, применяемым в процессе формализации, предъявляются особые требования. Они должны соответствовать не только теоретическим подходам и системе гипотез, но и критериям математической четкости, то есть быть операциональными. Оптимальным вариантом, как считает ряд ученых, представляется построение категориального аппарата по принципу «пирамиды», чтобы содержание наиболее обобщенных категорий постепенно раскрывалось категориями, охватывающими конкретные явления, и сводилось бы к категориям, выходящим на количественно измеряемые показатели.

Применение метода шкалирования при построении модели конфликтной ситуации и процесса, когда в рамках формального описания необходимо изложить, как можно больше представлений в возможно более емкой форме. Возникает необходимость перевода качественных категорий в количественную форму, что по существу сводится к оценке значимости каждой категории.

К математическим средствам, применяемым в сфере прикладного анализа внешней политики и международных отношений, исследователи относят такие методы, как экстраполяция, корреляционный, регрессионный и спектральный анализ, а так же системный подход и теорию игр.

Методика экстраполяции, как правило, применяется только в отношении небольших временных промежутков в будущем, поскольку при более длительном сроке вероятность ошибки существенно возрастает. Для ее определения чаще всего используется показатель глубины (дальности) прогнозирования, предложенный В. Белоконем. Для оценки параметров выбранной экстраполяционной функции используется метод наименьших квадратов, метод экспоненциального сглаживания, метод вероятностного моделирования и метод адаптивного сглаживания.

Метод корреляции позволяет выявить наличие или отсутствие связей между переменными, а также определить характер таких связей, то есть выяснить, что является причиной

(независимой переменной), а что – следствием (зависимой переменной).

Спектральный анализ позволяет достаточно точно описывать процессы, динамика которых содержит колебательные или гармонические составляющие. Так же спектральный анализ позволяет выявить основные колебания в сложных структурах и вычислить частоту и продолжительность фазы. Основой метода служит выделение структуры колебательного процесса и построение графика синусоидальных колебаний. Для этого собираются хронологические данные, составляется уравнение колебания, вычисляются циклы, и на этой основе строятся графики.

Одним из основных методов анализа конфликтных ситуаций является теория игр, начало которой было положено в работах фон Неймана в 20–40 гг. XX в. В 50–70-х гг. в развитии теории игр наступил заметный спад, разочарование объясняется тем, что, несмотря на множество математических результатов, и доказанных теорем, исследователям не удалось существенно продвинуться в решении той задачи, которую они перед собой ставили: создать модель поведения человека в обществе и научиться предсказывать возможные исходы конфликтных ситуаций. Тем не менее, затраченные усилия не пропали даром. Оказалось, что разработанные в теории игр понятия очень удобны для описания проблем, возникающих при изучении конфликтных ситуаций.

Теория игр позволяет: структурировать и конкретизировать задачу, найти область количественных оценок, предпочтений и неопределенности, выявить доминирующие стратегии, если они существуют; выявить возможности достижения соглашения и исследовать поведение систем, способных к ним, то есть области взаимодействия. Однако многие вопросы остаются за рамками возможного. Так, теория игр исходит из принципа среднего риска, что далеко не всегда верно для поведения участников реального конфликта. Теория игр не учитывает наличие случайных величин, описывающих поведение конфликтующих сторон, не дает возможности количественного описания структурных

компонентов конфликтной ситуации, не учитывает степень информированности сторон, способность сторон оперативно изменять цели и т.д. Однако это не умаляет преимуществ, которые дает применение теории игр для решения задач на определенных стадиях конфликта.

В политической науке, для системного исследования конфликтов существует два пути: первый, описать взаимодействие систем в достаточно общем виде, с учетом всех существенных факторов, и на основании картографии обнаружить и исследовать возможный характер взаимодействия конфликтующих сторон, причины конфликта, механизмы, ход, исходы и т. п. Такие модели получаются крупномасштабными, требующими больших вычислительных ресурсов, но при этом дают многоплановый достаточно надежный результат. Этот метод используется в стратегических исследованиях, ставящих целью выявление влияния на всю систему международных отношений, формирование долгосрочной стратегии поведения государства по отношению к возможной конфликтной ситуации, степень влияния непосредственно на интересы государства, предпочтителен первый способ организации исследования.

Второй, предположить, что стороны, причины и характер конфликта известны, выделить основные факторы, построить простые расчетные модели для оценки весомости априорного фактора и результатов конфликта. Путь достаточно узкий, но экономичный и оперативный, дающий конкретные результаты по интересующим параметрам в короткий промежуток времени. И используется для решения краткосрочных задач тактического характера. Например, для выработки и описания стратегии поведения того или иного участника на стадии, когда конфликт еще не перерос в вооруженную фазу и есть возможность вести переговоры о заключении взаимоприемлемого соглашения, становится возможным применить теорию игр.

Для оценки «приемлемого ущерба» и «болевого порога» используется количественный анализ. Одним из самых важных структурных компонентов конфликтной ситуации является его потенциал, в частности показатель напряженности конфликта. Для построения кривой напряженности исследователи

используют факторный анализ, методы математической статистики и теории вероятности.

Разрешение того или иного конфликта означает достижение взаимоприемлемого соглашения между сторонами конфликта. Политики инстинктивно выбирают лучший среди худших исходов в качестве отправной точки, с которой они начинают выработку общей позиции.

Переговоры и согласование позиций сторон способствуют достижению компромиссов, которые могут быть искомым решением конфликта. При этом стороны, вовлеченные в конфликт, могут использовать различные основные стратегии поведения. Заключая между собой союзы, блоки государства могут улучшить свои позиции на переговорах и обеспечить себе большую степень сотрудничества со стороны партнеров. Изощренные методы использования угроз, санкции и даже применение силы используются государствами, чтобы вынудить другие государства сотрудничать с ними. Угроза отказа от сотрудничества может принести к меньшим преимуществам для обеих сторон. Небольшое государство может убедить большее государство сотрудничать с ним таким образом, что каждое из них действуя сообща, получит больший выигрыш. С другой стороны, большее государство может навязать сотрудничество меньшему, потому что оно нуждается в возможном результате такого сотрудничества.

Необходимо отметить два важных условия применения данного метода: информированность участников об обстановке и выстраивание их целей. При теоретико-игровой моделировании конфликтных ситуаций обычно исходят из предположения, что вся обстановка конфликта известна всем участникам, во всяком случае, каждый участник отчетливо представляет свои интересы, возможности и цели.

Разумеется, в реальных условиях уточнение представлений происходит вплоть до самого окончания переговоров о выборе совместного решения. Однако принимаемая в теории игр идеализация представляется оправданной, по крайней мере, в качестве начального этапа

научного анализа. Процесс формирования целей участников наиболее четко описан в работе Ю.Б. Гермейера [2].

Наряду с преимуществами, которые дают математические методы, существует ряд затруднений, ограничивающих возможности их применения для анализа международных конфликтов. Первая такая трудность связана с учетом человеческого фактора, который играет существенную роль в процессе принятия решения. Обладая логическим мышлением, человек подвластен и сфере подсознательных влечений, эмоциям, страстям, затрагивающим рациональное мышление, что в поведении государственных и политических лидеров нередко обуславливает трудно предсказуемость решений. Хотя, теоретически, система или среда должны накладывать ограничения на отклонения их от наиболее рационального выбора, история свидетельствует, что роль государственного лидера часто оказывается определяющей, тогда как сам он, принимая решение, становится невосприимчив к объективной информации, а действует, исходя из субъективно сложившегося, в значительной мере интуитивно понимая политический процесс и намерения противников и других акторов.

Другая трудность связана с тем, что некоторые процессы кажутся случайными, хаотическими, так как, в момент проведения исследования невидимы их причины. Если образно сравнить политическую систему с биологическим организмом, то причины этого подобны вирусу, который длительное время не проявляет активность из-за отсутствия благоприятных условий среды. Применительно к международным отношениям и конфликтам важно не упускать из виду исторический аспект, так как истоки некоторых из наблюдаемых современниками процессов зафиксированы и консолидированы в национальных традициях и национальном сознании.

Безусловно, сами по себе математические модели не могут дать ответ на вопрос как разрешить существующие противоречия, не могут стать панацеей от всех конфликтов, но они существенно облегчают управление конфликтными процессами, снижают уровень затрачиваемых ресурсов, помогают выбрать наиболее оптимальную стратегию

поведения, что снижает количество потерь, в том числе человеческих.

Литература

1. Барановский Е.Г. Методы анализа международных конфликтов / Е.Г. Барановский, Н.Н. Владиславлева. – М. : Научная книга, 2002. – 240 с.
2. Гермейер Ю.Б. Введение в теорию исследования операций / Ю.Б. Гермейер. – М. : Наука, 1971. – 384 с.

УДК 321.02:323.269 (470)

РОЛЬ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА В НЕДОПУЩЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

**Ладыга Л.И.,
Склярко В.В.
(г. Луганск)**

В целях более обоснованного и глубокого раскрытия понятия механизма современного Российского государства М.И. Байгин в своей статье «Механизм современного Российского государства» предлагает выделить основные характерные черты, отличающие его от негосударственных структур в политической системе общества и от отдельно взятых государственных органов [1, с. 7]:

Во-первых, механизм (аппарат) государства – это система государственных органов, с едиными принципами организации и деятельности, закрепленные в Основном Законе РФ и Законе «Об основах государственной службы Российской Федерации», а также других законах.

Во-вторых, механизм (аппарат) государства характеризуется сложной структурой, где определен статус

различных видов и групп (подсистем) государственных органов, их соотношение и взаимосвязи.

Кроме того, следует учесть, какой основополагающий системообразующий принцип государственного механизма закреплён в конституции государства в конкретно-исторический период. Например, в РСФСР в соответствии с конституциями 1918, 1925, 1937, 1978 гг., таким определяющим, системообразующим принципом, как и в СССР, было всевластие Советов. С учётом данного признака механизм Советского государства представлял собой систему государственных органов, возглавляемых Советами.

Однако практическая реализация лозунга «Вся власть Советам!» означала власть руководящих структур Коммунистической партии. Рассматривая Советы как важнейший рычаг воздействия партии на массы, коммунистическая партийная элита полностью определяла содержание и основные направления деятельности Советов, с их помощью контролировала и использовала в своих интересах весь механизм Советского государства. Тем самым Советам была отведена роль демократической «надстройки» существовавшего в стране семь десятилетий правления Коммунистической партии.

В 1970-х гг., в период, незаслуженно названный «застоем» (10–12% рост ВВП в год), в процессе демократизации СССР, в Конституцию РСФСР 1978 г., согласно требованиям времени, были внесены поправки, в соответствии с которыми сохранялось всевластие Советов, но в качестве одной из основ конституционного строя в России впервые было закреплено разделение властей, давно сложившееся и оправдавшее себя в других странах мира. Но, как показала практика, принцип разделения властей, предполагающий самостоятельность каждой из них, оказался не согласован с принципом всевластия Советов.

В статьях 1 и 3 Конституции РСФСР 1978 г. закреплялось разделение властей. Но с ними не увязывалась статья 2, которая провозглашала, что «народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, которые составляют

политическую основу Российской Федерации, непосредственно». При этом, однако, не упоминалось, что народ осуществляет государственную власть и через другие ветви власти.

В противоречии со статьями 1 и 3 была и статья 104 Конституции 1978 г., которая определяла высшим органом государственной власти Российской Федерации – Съезд народных депутатов СССР и РСФСР, правомочный принимать к своему рассмотрению и решать любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации. Однако, согласно принципу разделения властей, высший орган государственной власти, подчиняющий себе все ветви власти, не может быть в одном лице и законодательной ветвью власти.

Эти противоречия устранила Конституция РФ, принятая в результате всенародного голосования 12 декабря 1993 г. В ней впервые был закреплён принцип осуществления государственной власти на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10). Данный принцип основан на самостоятельности всех ветвей власти, разграничении компетенции, взаимном контроле, системе сдержек и противовесов и направлен на то, чтобы препятствовать возможным злоупотреблениям властью.

Таким образом, принцип разделения властей не только закреплён на бумаге, но и претворён в жизнь, является, по мнению авторов статьи, одним из наиболее важных достижений нашего государства и одной из наиболее характерных особенностей механизма Российского государства на современном этапе.

В статье 11 Конституции РФ содержатся три пункта, конкретизирующие и закрепляющие разделение властей в качестве основополагающего, системообразующего принципа структуры механизма современного Российского государства:

«1. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

2. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

3. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий» [3].

Согласно статье 12 Конституции органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

В третьих, государственный механизм теснейшим образом связан с функциями государства. Функции современного Российского государства получают свое реальное воплощение, обретают жизнь при помощи государственного механизма, посредством деятельности всей системы взаимосвязанных государственных органов.

Литература

1. Байтин М.И. Механизм современного Российского государства / М.И. Байтин // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 7–9.
2. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru>
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – М., 1993. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>

**УКРАИНСКАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОНФЛИКТА**

**Ладыга Л.И.,
Собина М.С.
(г. Луганск)**

Для предвыборных кампаний 2014 года в Украине характерно разрушение старой символики. Такие действия связаны с событиями конца 2013 – начала 2014 года, или так называемого «Евромайдана». Старые символы, которые имеют прямое или косвенное отношение к СССР, были разрушены (массовые «свержения» памятников В.И. Ленину и др.). Для многих украинцев изменился смысл такого символа, как Георгиевская лента. Отмеченный символ является примером того, как можно заменить значение одного и того же символа на противоположное.

Георгиевская лента была составляющей Георгиевского креста, цвета этой ленты были использованы на колодке медали «За победу над Германией». В 2005 году российское информационное агентство «Новости», Региональная общественная организация социальной поддержки молодежи, Студенческое общество провели акцию раздачи Георгиевских лент. Теперь украинцы с лентами в оранжево-черных тонах выражают свою «прорусскую» позицию. Этот символ после украинских событий 2013–2014 гг. превратился в символ «Русской весны». Отметим, что визуальная составляющая символа никоим образом не изменилась, в отличие от содержательной.

В тоже время, произошел взрыв моды на национализм и значительное увеличение количества традиционной украинской желто-голубой символики. Заборы, даже мосты перекрасили в цвета флага. Молодежь активно начала заявлять о своей

националистической позиции через символику ОУН-УПА, украинские традиционные узоры на одежде и аксессуарах. Российский ученый Ю. Пидшморга отмечает: «Зависимость содержания ценностей современного общества от рекламного влияния проявляется в том, что наиболее популярными, известными в современном обществе являются те, которые активно поддерживаются и продвигаются усилиями рекламы» [4, с. 8]. В данном случае позиция Ю. Пидшморги подтверждается с оговоркой – распространение моды на националистические и украинские символы стало возможным благодаря не только одной рекламе, но всему маркетинговому комплексу, который был проработан и профинансирован из США и ЕС.

Как следствие, 2014 год также ознаменовался активизацией массовых противопоставлений украинцев россиянам по схеме «свой-чужой». Луганская и Донецкая области, объявив о своем желании автономии, сразу разработали свои собственные государственные символы, взяв за основу российский флаг.

Характерной особенностью предвыборной агитации 2014 года стал высокий уровень количества рекламных сообщений. В своем исследовании М. Бутченко анализирует расходы на предвыборную агитацию к парламентским выборам 2014 года с расходами предыдущих агитационных кампаний. Автор статьи отмечает, что, несмотря на тяжелое финансовое положение в стране, на военные действия в Донбассе, кандидаты тратили огромные средства на рекламу.

Важной особенностью кампании 2014, по мнению эксперта А. Биденко, есть смещение акцентов: в предыдущих кампаниях бюджет распределялся поровну между визуальной рекламой и агитацией «в полях», эти акценты сместились в предвыборной парламентской кампании 2014 года в соотношении 70/30 в пользу визуальной рекламы [3]. Значительная часть политической рекламы была отдана внешней рекламе, особенно билбордам. Жители больших городов могли отметить, что все или почти все рекламные билборды были заняты политической рекламой. Согласно

информации от М. Биденко, Блок Петра Порошенко занял 1,5 тыс. носителей, Радикальная партия Олега Ляшка и Гражданская позиция Анатолия Гриценко – по 1 тыс. носителей, а наибольшая часть у Всеукраинского объединения «Батьківщина» – 5,5 тыс. и у Народного фронта – 3,5 тыс. Максимальное количество биллбордов в 2012 г. не превышало 2000 на одну политсилу [3].

Отметим, что кампания 2014 года длилась около 6 недель, тогда как предыдущие – несколько месяцев. Ссылаясь на вышеупомянутые цифры, можно утверждать, что наблюдается тенденция к значительному изменению акцентов в сторону визуальной политической рекламы. Это касается не только внешней рекламы, но и агитации на телевидении и в прессе. Согласно данным Н. Лютко, украинская политическая реклама характеризуется также разногласием между ценностями, которые представляются, и суммами, которые тратятся на финансирование рекламной кампании [2].

2014 год был показательным, поскольку в условиях экономического кризиса затраты на предвыборную агитацию, как уже отмечалось, стали интенсивнее. Лишь один фактор не учитывали кандидаты – это массовость политической рекламы на улицах городов. Функциональные характеристики рекламных носителей начинают теряться с увеличением их численности, другими словами, увеличение рекламы одной и той же группы продукта, в нашем случае рекламных макетов политического характера, приводит к потере внимания реципиентов, а, следовательно, и переходят в разряд информационного шума. В таких условиях актуализируется действие рекламы на подсознание, поскольку избиратели уже не сознательно воспринимают рекламную информацию. Именно на этом уровне наиболее влиятельными и эффективными являются символы – цвета, шрифты, символика партии, слоганы. От постоянного повторения происходит не только запоминание, но и усвоения символов и постепенная их натурализация, то есть растворение в собственном мнении. Символы со временем начинают восприниматься как то, что является частью внутреннего мира человека, частью его миропонимания. Символы, таким образом,

формируют ценности, позиции и конструируют аргументацию в поддержку конкретного выбора, в случае политических символов – формируется позиция по голосованию за конкретного политического лидера. Это подтверждается большинством исследователей символов. Например, А. Акамова считает, что символы создают реальность: «Символы часто используются не для объяснения и упрощения реальности, а для ее конструирования» [1, с. 3]. Подтверждает данное мнение и Ю. Пидшморга. Он отмечает, что «реклама является фактором воспитания современного человека, она способна формировать для конкретной общности людей культуру со своим набором норм, взглядов, ориентиров, ценностей, позволяет жить в гармонии с собой и окружающими, выбирать оптимальную модель поведения, отвечать определенному статусу и ожиданиям» [4, с. 5].

В условиях современного политического нигилизма и особенно сложной ситуации в стране население все реже разделяется на сторонников той или иной партии. Напротив, увеличивается количество «неопределенных», которые не являются однозначными сторонниками какой-либо партии или кандидата и не могут определиться со своей позицией вплоть до последнего момента перед голосованием.

Важную роль в принятии решения в пользу того или иного кандидата играет мнение других граждан. Как правило, в большей степени политические темы обсуждаются за семейным столом, на работе, в общественных местах (парках, территориях возле многоэтажек, кафе, барах и т.п.). В каждом из этих мест можно найти источники информации рекламного характера. Если следовать гипотезе, что выбор в интересах кого-то из кандидатов в значительной степени принимается избирателем во время коммуникации с другими избирателями, то стоит учитывать, какие из рекламных носителей в каждом из отмеченных мест присутствуют. Логично, что на коммуникацию за семейным столом наибольшее влияние имеет телевидение, в меньшей степени – пресса, и наименьшая роль достается печатным открыткам, буклетам, и т.п. Другая ситуация с общественными местами – в парках избиратели подпадают, в

первую очередь, под действие внешней рекламы и печатных материалов; на улицах, в наиболее людных местах, наибольшее влияние осуществляют палатки кандидатов и материалы, которые раздаются промоутерами; на территориях около домов избиратель постоянно взаимодействует с расклеенной рекламой около входов в дома; в ресторанах, кафе и барах осуществляется наименьшее влияние со стороны политической рекламы, впрочем, здесь реклама может появляться на мониторах телевизоров. Следовательно, исходя из предположения, что влияние политической рекламы чрезвычайно важно в местах обсуждения гражданами политических вопросов, делаем вывод, что наибольшие усилия политическим кандидатам следовало направлять на телевизионные рекламные ролики, внешнюю рекламу и печатные материалы, под которыми имеем в виду разнообразные открытки, буклеты, календари и тому подобное, а также периодические издания.

Практика обеих предвыборных агитаций 2014 года показала, что именно таким образом и распределялись рекламные бюджеты политических кандидатов на агитацию. Опять же, наибольшую роль здесь играла именно визуальная политическая реклама, с единственным исключением – чрезвычайно популярным в последнее время «джинсой» – подпиской на статью в печати, которая носит завуалированный рекламный характер и подается как редакционный материал, то есть личная позиция автора.

Наиболее популярным сочетанием цветов в украинской политической рекламе 2014 были красный, белый и черный. Визуальная реклама сразу трех политических сил была выполнена в отмеченных цветах – это ВО «Батьківщина», Радикальная партия Ляшка, Блок Петра Порошенко. А. Биденко говорит о существовании гипотезы, согласно которой все рекламные макеты, которые выполнены в красно-черно-белой гамме с наклоненными надписями, в сознании избирателей ассоциируются с лидером избирательных гонок. Для кампаний 2014 года это был Блок Петра Порошенко [3].

Кроме, несомненно, сильных и позитивных характеристик избранного сочетания, как то: контрастность, гармоничность

восприятия глазом человека – есть еще одна важная особенность, а именно то, что эта триада цветов является этническими цветами для славян. Традиционные в славянской одежде вышивки в классическом варианте выполняются именно в бело-черно-красных цветах. «В контексте манипулирования национальной символикой интересным является задействование самой генетико-психологической подструктуры личности, которая опирается на психологическую наследственность и определяет поведение и опыт гражданина. Базой генетико-психологической подструктуры можно назвать тот культурологический материал, который формировался в течение исторического развития этноса, в частности и славянского (по Юнгу). Сюда следует отнести, в первую очередь, мифологические, религиозные и бытовые символы» [7, с. 2]. Однако, копирование цветов, с точки зрения правил формирования имиджа политического лидера, является грубой ошибкой. Подбирая цвета для политического лидера, согласно мнению, М. Миссен, следует придерживаться трех правил: 1) цвет элемента не должен сливаться с цветами окружающих элементов; 2) цвет должен быть контрастным по отношению к фону; 3) цвета должны отличаться от тех, которые используют оппоненты» [8]. Следовательно, такие действия преследовали определенную цель и не были «невнимательностью» сразу двух маркетинговых команд. Для политической силы Юлии Тимошенко эти цвета уже стали традиционными. Но на выборах 2014 г. в визуальных политических сообщениях главным лицом кампании стала Н. Савченко вместо Ю. Тимошенко. Наверное, такие действия были вызваны низким рейтингом Ю. Тимошенко в канун выборов.

Вообще вся парламентская предвыборная кампания 2014 года показала значительную перестановку среди представителей политикума. Это нашло свое отображение в визуальной политической рекламе, поскольку целью почти всех сообщений было знакомство избирателей с новыми лицами партий. Почти во всех макетах присутствовали фотографии первых людей партий. Конечно, такие действия были вызваны радикальным недовольством граждан руководством государства

в течение последних лет. В своих рекламных макетах партии презентовали новых политиков через изображения их фото, имен и основного слогана, который предусматривался как символизация будущих действий в рядах Верховной Рады. Выделялись рекламные макеты Блока Петра Порошенко, поскольку на большинстве плоскостей композиция сообщения состояла лишь из надписей, без фотографий лидера или других членов партии. В большей степени это касается билбордов. Конечно, речь идет не обо всех рекламных сообщениях, но основной акцент американскими технологами Блока Петра Порошенко был сделан на массовости сообщений и постоянном повторении названия политической силы.

Поскольку композиционно сообщения были максимально простыми, с небольшим количеством элементов, процесс постоянного повторения для «записывания» информации в памяти избирателей был максимально эффективным. Американцы давно доказали, постоянное повторение – это чрезвычайно мощное средство манипуляции сознанием людей, эффект достигается простотой сообщений, а также не перенасыщенностью информацией. В сущности, реклама Блока Петра Порошенко состояла из названия силы и самого простого слогана в виде словосочетания. На части рекламных макетов черный цвет был заменен серым среднего тона, возможно, для смягчения эффекта. Другая часть рекламных сообщений Блока Петра Порошенко была отведена под презентацию представителей Блока. Здесь реклама разделяется в зависимости от наличия фотографии политика, который представляется. Это были сообщения или с упоминанием имени кандидата, или еще и с его фотографией. Таким образом, Блок Петра Порошенко в своей предвыборной стратегии в сфере визуальной политической рекламы избрал совсем иной путь, чем его оппоненты, которые в подавляющем большинстве сделали ставку не на навязчивое повторение названия партии, а на навязчивую репрезентацию членов партии.

В этом контексте отметим партию «Фронт змін». Фотографии А. Яценюка и первых номеров списка партии были неизменным атрибутом визуальных рекламных сообщений

парламентской предвыборной кампании 2014 г. Основными цветами партия избрала государственную украинскую «жовто-блакитну» гамму с добавлением серого и белого для фона и текстовой части соответственно. Партия прошла путь от сочетания военных цветов (хаки) с черным, серым и коричневым, что было общепризнанно одним из наихудших решений, к сочетанию ярко травяного зеленого с белым и черным, и дальше к дежурной смене символики и цветов, избрав как основной символ желто-голубой щит, который расположился на серо-белом фоне с текстом синего цвета для кампании 2014. Партия «Фронт змін» приспособливает свою символику к ситуации, которую диктуют им внешние условия и настроения общества.

Оценивая любую агитационную технологию в Украине 2014 года, в первую очередь, необходимо принимать во внимание сложное, нетипичное состояние в стране. Именно поэтому у нескольких партий рекламные сообщения или полностью выполнены в национальных желто-голубых тонах, или выполнены с использованием последних. Например, в своей рекламе «Сильная Украина» делает акцент на новом цвете (желтой гамме) и на узнаваемом лице своего лидера Сергея Тигипко. Между тем Оппозиционный блок будто пытается порвать все негативные ассоциации с Партией регионов, в то же время, используя сине-белую гамму цветов «регионалов». Это объясняется просто – все же, 3–4% поддержки у Партии регионов сохранилось, а, следовательно, их нужно подобрать под свое крыло [6]. Впрочем, считаем, что наиболее выразительным примером в манипулировании государственными цветами во время предвыборной кампании была партия «Свобода». Официальная символика и большинство рекламных сообщений выполнены лишь в желто-голубом дизайне. В некоторых рекламных макетах был прибавлен текст белого цвета. Партия активно использовала технологии «Оранжевой революции» с привлечением избирателей в ряды сторонников партии через «раскрашивание» толпы на митингах в цвета политической силы благодаря огромным флагам. Благодаря использованию такой технологии

создается впечатление, что силу поддерживают толпы избирателей и что такая партия является лидером среди граждан Украины, что в некоторой степени похоже на любимый политический имидж «народного героя».

Среди оппонентов достаточно заметно выделялась партия «Оппозиционный блок». Их рекламные сообщения были выполнены в бело-синих тонах, что в сознании избирателей ассоциируется с символикой «Партии регионов». В условиях постмайданных событий использование таких цветов было рискованным, политтехнологами была сделана ставка на противников евроинтеграции.

Можно утверждать, что политические маркетологи и политическая ситуация в Украине «раскрасили» внешнеполитические убеждения избирателей – сочетания красного, черного и белого, а также желто-голубая гамма начали ассоциироваться с поддержкой интеграции Украины в Западный «проамериканский мир», а вариации сочетания синего, белого, красного цветов, – с «Русским миром». Такое деление формировалось в сознании избирателей в течение многих предыдущих лет и значительно усилилось в конце 2013 года, с началом массовых беспорядков в Киеве.

Главной ценностью, которая пропагандировалась всеми силами, была так называемая «украинскость» и ее «спасение». Предлагались разные вариации на тему спасения: это было и спасение от действий врагов, и идеи спасения от падения экономики, от коррупции или от нечестных госслужащих и представителей политикума. Но все эти идеи можно объединить в одну глобальную идею – спасения Украины.

Огромная доля рекламного бюджета во время предвыборных агитаций выделялась на телевизионную рекламу. Парламентская агитация 2014 года не была исключительной в этом вопросе. «По данным Нацсовета по телевидению, опубликованным на сайте «Критика», всего на общенациональных телеканалах в течение недели с 29 сентября по 5 октября кандидаты в депутаты разместили больше 47 часов рекламы, 12 часов занял НФ, больше 9 часов – в БПП, по 8 часов – у Оппозиционного блока и Батькивщины» [3].

В Германии и Канаде, например, политическая агитация распределяется равномерно между всеми кандидатами, эфирное время на телевидении каждому из кандидатов предоставляется одинаковое. «Если партия получила бесплатную или платную рекламу, то всем ее конкурентам должны предоставить такие же возможности. Принцип равенства распространяется на ценовую политику, время, хронометраж и график выхода» [5].

На практике парламентских выборов 2014 года оказалось, что объем расходов на политическую рекламу не был прямо пропорциональным результатам выборов. Партии, которые набрали наибольшее количество голосов избирателей, не обязательно потратили наибольшую сумму на предвыборную агитацию. Партия ВО «Батьківщина», потратившая наибольшее количество средств на предвыборную агитацию, заняла последнее место и попала в парламент с самым низким рейтингом поддержки избирателей. А политическая партия «Объединение «Самопоміч», которая потратила в четыре раза меньше, заняла 3 место по количеству полученных голосов. Лидер гонок политическая партия «Народный Фронт» по расходам на четвертом месте. Следовательно, парламентская агитационная кампания 2014 года показала, что большие рекламные бюджеты не гарантируют получения лидерских позиций в гонках.

Следовательно, можем выдвинуть гипотезу, что на победное количество голосов избирателей влияет не количество, а качество, то есть содержание рекламных сообщений. Сразу отметим, что значительное влияние оказывает социально-политическое положение в стране. Это влияние значительно усилилось в кризисных условиях 2014 года в Украине, поэтому данные о зависимости победы от количества и качества политической рекламы следует воспринимать с учетом ситуации в стране.

Рассмотрим теперь зависимость количества полученных голосов от содержательного наполнения рекламы, ее визуальной составляющей. Специалистами проводился анализ рекламных сообщений внешней рекламы на основе следующих показателей: цвет, основная ценность, которая повторяется в

большинстве рекламных макетов и предлагается политической силой как основное сообщение; фотография лидера партии или ее представителя. Поскольку рекламные изображения на разных носителях существенно отличаются по композиции, то оценку эффективности того или иного символа или приема можно определить лишь на основе анализа одного типа носителей, а именно, внешней рекламы.

Как видим, победной оказалась идея американских технологов, взявших за основу идею защиты родины в сложное время. Важнейшей ценностью для жителей Украины оказалось сохранение страны, потому граждане голосовали в первую очередь за те политические силы, которые сумели присоединить к своему образу отмеченную ценность и создать стойкие ассоциации в представлениях большинства избирателей, что наиболее приоритетным заданием партии «Народный фронт» и Блока Петра Порошенко есть преодоление сложного положения страны – окончание военных действий на Донбассе и улучшения состояния экономики. Другим четырем партиям также удалось присоединить к своим образам «борьбу за родину», но присоединение этой ценности можно лишь частично рассматривать как фактор, повлиявший на результаты голосования, поскольку значительное влияние осуществили постоянные сторонники партий, а также то, что партии являются выразителями интересов некоторых сегментов украинского общества – молодежи, неонацистов, граждан, которые настроены «прозападно» или «пророссийски». Касательно параметра «цветов» можно отметить, что у всех рассматриваемых нами партий общим является использование белого цвета. Белый использовался для фона рекламного макета и для текста на цветном фоне. Как уже отмечалось, во время предвыборной парламентской кампании 2014 года подавляющее большинство политической рекламы было красно-черно-белой, ведь сразу три политических силы позиционировали себя с этими цветами, потому периферийное зрение людей, которые не обращали внимания на рекламные носители, охватывало лишь сами цвета и подсознательно ассоциировали сообщение с политической агитацией.

Таким образом, можно утверждать, что большинство людей связывали всю политическую рекламу, которая состояла из красных, черных и белых элементов, с Блоком Петра Порошенко. Конечно, такое утверждение, по нашему мнению, является правдивым лишь частично и обязательно для тех избирателей, которые не воспринимали рекламные сообщения в смысле понимания увиденного. Исходя из этой точки зрения, данный фактор стал одним из определяющих и сыграл в интересах Блока Петра Порошенко. Объединение «Самопоміч» избрало для себя основным нейтральный зеленый цвет, а Оппозиционный блок, дабы получить поддержку сторонников Партии регионов, активно и щедро использовал синий цвет с белым текстом. Это позволило обеим партиям выделиться среди других.

Как правило, в политической рекламе используются цвета, в которых высока степень яркости и интенсивности для привлечения внимания избирателя или создания большей контрастности некоторым элементам на фоне. Отдельно следует сказать о рекламе партии «Народный фронт». Эксперименты предыдущих выборов с символикой партии и цветной гаммой дали значительные результаты. «Народный фронт» – это единственная партия, символика которой была тесно связана с основным сообщением в предвыборной агитации. Щит, выполненный в цветах украинского флага, и обещание руками профессионалов победить сложные времена идеально содержательно дополняли друг друга, добавляя к идее победы определенную «украинскость», «родственность» для избирателей символа и рекламы в целом. Полученные разными специалистами результаты исследования использования цвета в визуальной политической рекламе подтверждаются выводами исследования К. Вайсгласа, которые были сделаны на основании анализа многих научных экспериментов влияния цвета на психику человека. Автор исследования отмечает, что рассмотренные им психологические исследования не демонстрируют разницу эмоционального влияния цветных и черно-белых изображений. Поэтому К. Вайсглас приходит к выводу, что в политической рекламе осуществляют

вынужденное влияние на реципиента как полностью окрашенные изображения, так и частично окрашенные с акцентом на определенный цвет [9, с. 24]. Как видим, результаты нашего исследования подтверждают вывод исследователя.

Литература

1. Акаймова А.В. Політична реклама як процес комунікації / А.В. Акаймова // Віче: Теоретичний і громадсько-політичний журнал. – 2011. – № 6. – С. 2–5.
2. Бабіна В.О. Реклама як комунікативна технологія у політичному просторі [Електронний ресурс] / В.О. Бабіна // Політологічні записки. – 2012. – № 6. – Режим доступу: <http://nbuv.gov.ua>
3. Бутченко М. Аттракцион невиданной щедрости. Политическая реклама 2014 станет самой дорогой и неоднозначной [Электронный ресурс] / М. Бутченко. – Режим доступа : <http://nv.ua/publications>
4. Пидшморга Ю.В. Социокультурное воздействие рекламы на ценности современного российского общества: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. культурологии: спец. 24.00.01 «Теория и история культурологии» / Ю.В. Пидшморга. – Краснодар, 2009. – 19 с.
5. Пукшин І. Політична реклама на межі ненависті [Електронний ресурс] / І. Пукшин. – Режим доступу: <http://antikor.com.ua/articles/>
6. Радчук О. Політична зовнішня реклама-2014: війна за бренди [Електронний ресурс] / О. Радчук. – Режим доступу: <http://www.slovoidilo.ua/articles>
7. Хмель О.С. Маніпулювання державною та етнографічною символікою у парламентських виборах 2012 року / О.С. Хмель, Ю.А. Самойленко // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер. : Соціальні комунікації. – 2013. – № 1074. – Вип. 5. – С. 26–29.

8. Meesseman M. Creating Your Political Campaign Image with the Use of Color [Internet resource] / M. Meesseman, J. Matson – Access mode : <http://ezinearticles.com/>
9. Weissglass K. Image Manipulation in Political Advertisements: How Color and Music Influence Viewer Attitudes and Emotions / K. Weissglass. – Haverford College, 2005. – 72 p.

УДК 323.269:32

АСИММЕТРИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

**Михайловская О.Г.
(г. Луганск)**

В 1975 г. Эндрю Макк опубликовал статью «Почему великие державы проигрывают малые войны: политика асимметричного конфликта», в которой ввел термин «асимметричный конфликт», опровергая существовавший опыт господства великих держав в третьем мире, и показал ошибочность упрощенного понимания силы и способности достичь победы, преобладая силовыми возможностями. Эти страны не потерпели военного поражения, но им не удалось достичь победы в большинстве таких конфликтов, они потерпели поражение в политическом смысле. Таким образом, главный смысл войны был потерян.

Дискуссии, развернувшиеся в 1970-х гг. были обращены к проблеме силы и влияния в международных отношениях, невоенных факторов победы и поражения, изменения характера военных действий, отхода от методов обычной войны к войнам с использованием различных непрямых форм борьбы – партизанские стратегии, участие гражданского населения, террористические тактики [1].

В 1990–2000-е гг. появляются исследования, в которых феномен асимметричного конфликта выделен в отдельную

категорию: Т.В. Паула, А. Кироза Флореса, Г. Мерома, А. Аррегин-Тафта, Е.А. Степановой.

В этих работах, асимметрия характеризует парадоксальные конфликтные ситуации, в которых сильный противник не способен защитить себя и добиться победы над слабым.

Асимметричные войны – это войны, ведущиеся негосударственными структурами против государств. Они отличаются от обычных войн тем, что противник государства фактически анонимен, так как практически невозможно найти юридическое доказательство его вины. Кроме того, действия негосударственной структуры непредсказуемы, это креативная акция, в которой ни один акт не повторяет другой.

Асимметричные войны предполагают качественное различие средств и методов борьбы и декларируемые результаты у противостоящих сторон, но результат, к сожалению – уничтожение и одной и другой сторонами, преимущественно мирного населения. Методы ведения асимметричных войн со стороны нападающих чрезвычайно трудно предусмотреть, можно определить их возможный спектр, но какой метод, когда и где именно будет применен – вычислить нельзя. Поэтому и эффективность противодействия нападению в асимметричных войнах очень низка [2].

Основное, что характерно для асимметричной войны, – это то, что в ней нет сражений, определяющих исход войны. Вместо сражений в асимметричной войне происходят массовые убийства, прежде всего, гражданского населения, главная цель – лишить противника способности к сопротивлению.

Асимметричные войны – это сравнительно дешевые войны. Атака на Нью-Йорк стоила примерно 250 тысяч долларов, официальный ущерб, который признают сами американцы, составляет сумму порядка 250 миллиардов долларов. Военный потенциал «террористических» организаций на несколько порядков меньше потенциала США, НАТО или России [3].

Суть асимметрии в международных конфликтах заключается в отсутствии тождественности между субъектами, а

также ресурсами, статусами, тактиками и стратегиями международного поведения, которые они имеют. В асимметричные конфликты вовлечены государства с разными совокупными силовыми потенциалами, измеряемые в материальных ресурсах, таких как размеры страны, ее демографический потенциал, военные и экономические возможности и т.д.

Ученые в качестве основных черт асимметричных конфликтов выделяют:

- непредсказуемость исхода при явной несоразмерности силовых возможностей и статусов противоборствующих сторон;
- использование слабым участником стратегии поиска «слабостей сильного»;
- обращение слабой стороны к запрещенным средствам ведения военных действий;
- тактика «непрямых» военных действий, применяемая слабой стороной;
- неспособность сильной стороны отстоять свои позиции и надежно подавить слабого [4].

Следовательно, можно сказать, что асимметрия характеризует парадоксальные конфликтные ситуации, в которых сильный противник не способен защитить себя и добиться победы над слабым, не способен одержать военную победу над сильным. Но, как правило, слабый навязывает сильному свою волю и таким образом достигает политической победы, ради которой, собственно, и применяется сила с точки зрения классического определения войны.

Асимметричные конфликты включают в себя как асимметрию возможностей, так и интереса.

В истории международных отношений с 1800 по 1849 гг. произошло 34 асимметричных конфликта – 88,2% были выиграны сильными акторами. С 1850 по 1899 гг. – 69 асимметричных конфликта 79,5% были выиграны сильными акторами. С 1900 по 1949 гг. – 31 асимметричный конфликт 65,1% были выиграны сильными акторами. С 1950 по 1998 гг. – 36 асимметричных конфликта 45% были выиграны сильными

игроками. Таким образом, мы видим тенденцию уменьшения числа выигранных конфликтов сильными акторами [4].

В последние десятилетия мы видим, как государства с демократическим режимом стали активно «демократизировать» и способствовать смене режимов в авторитарных государствах. Такие действия приводят к асимметрии отношений, к конкретной войне, и происходит асимметрия способности стран добиться мобилизации общества в интересах ее ведения. Правительствам демократических стран все труднее оправдывать цели войн, особенно «малых», и обеспечивать необходимую поддержку со стороны общества для их начала и продолжения.

Распространение достаточно современного стрелкового оружия в развивающемся мире увеличило цену победы для сильных акторов.

Также в обществе происходят идеологические асимметрии, которые выражаются в том, что члены национально-освободительных движений более преданы своим идеалам и готовы отдать за них жизнь.

Объяснение причин роста числа проигранных асимметричных конфликтов связано с интенсивным развитием новых технологий, что привело к их удешевлению и эффективности.

Важным является тот фактор, что для сильных игроков в асимметричных конфликтах речь, как правило, не идет о выживании, т.е. интерес меньше, чем у слабого актора.

Еще одной причиной поражений есть ошибочные политико-военные стратегии по отношению к слабым акторам, чаще всего это время принятия решения, затягивание конфликта на руку слабым.

«Концепция асимметричной войны – коктейль терроризма, организованной преступности, обычного регионального конфликта, проблем с природными ресурсами, массовой миграцией, контрабандой людей, заболеваниями...». Такую характеристику асимметричной войны дал полковник Тим Спайсер, бывший офицер британских сил специальных операций SAS, ветеран Фолклендского конфликта и

действующий директор частной военной организации Sandline International [5].

Ассиметричные конфликты, такие как террористические акты, аналитики рассматривают с точки зрения категории «война», опираясь на статистические данные. Между январем 1990 и мартом 2012 года в результате террористических нападений во всем мире погибли 8254 человека и 12576 были ранены, причем число потерь за 1990-е в первом десятилетии двадцать первого века увеличилось на 560 процентов [6].

Немецкий ученый Х. Мюнклер утверждает, что терроризм – как способ борьбы слабых – «заменял партизанскую войну, которая в XX веке длительное время выполняла эту функцию» [7].

Терроризм от партизанских войн отличается своим наступательным характером, меньшей зависимостью от местного населения и способностью активно использовать в своих целях инфраструктуру развитых стран.

Исламский фундаментализм на настоящий момент является основным актором в сфере асимметричной войны, но это не должно привести нас к заключению, что это религия ислама в целом обеспечивает религиозную и идеологическую основу для такой формы борьбы. Достаточно вспомнить религиозные войны в Европе между католиками и протестантами, чтобы оценить христианский вклад в религиозный терроризм.

Таким образом, опираясь на точку зрения Мэри Калдор, характеризующую такие конфликты, которые она назвала «Новыми войнами» [8], акторами в асимметричных конфликтах становятся паравоенные группы, организованные вокруг харизматического лидера, полевые командиры, контролирующие определенные районы, террористические ячейки, добровольцы-фанатики, такие как моджахеды, формирования регулярных войск или другие структуры безопасности, а также наемники и частные военные компании.

XX век не только принес с собой новое качество и формат международных отношений, но и способствовал появлению

войн нового типа, существенно отличающихся от классических войн.

Стремление учесть специфику асимметричных конфликтов заключается, прежде всего, в том, что государства стараются модифицировать стратегию военных действий, учитывая особенности борьбы против относительно слабых противников.

Таким образом, можно сделать вывод, что асимметричные угрозы заставляют сильных игроков международных отношений пересматривать военные доктрины, систему подготовки военных кадров, уделять больше внимания раннему выявлению и предупреждению возможных опасностей. Для более слабых в ресурсном и силовом отношении участников международных отношений асимметричные стратегии все чаще становятся выбором борьбы. В настоящее время большинство аналитиков называют партизанские и террористические формы борьбы асимметричными.

Следует подчеркнуть, что в современных вооруженных конфликтах феномен асимметричности проявлен почти повсеместно, причем проявления асимметричности все чаще связывают с нелинейным развитием событий и нарушением общепринятой логики. Это заставляет обратить особое внимание на данный феномен и попытаться определить степень влияния фактора асимметричности.

Асимметричные конфликты как метод ведения вооруженной борьбы, ведущие державы мира зачастую применяют для достижения своих геополитических целей – экспорта нестабильности в «недружественные страны», дестабилизации отдельных регионов с целью ослабления в них влияния конкурирующих держав, увеличения гонки вооружений, внутренней мобилизации своего общества.

Литература

1. Дериглазова Л.В. Опыт исторического анализа феномена асимметричного конфликта в международных отношениях : вторая половина XX – начало XXI в. :

- диссертация ... д-ра и.н. – Томск, 2009. – 440 с.; Дугин А.Г. Геополитика асимметричных угроз: войны постмодерна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/>.
2. Комлева Н. Двойные стандарты для терроризма... [Электронный ресурс] / Наталья Комлева, Алексей Борисов. – Режим доступа: www.abkhaziainfo.f2o.org/analytics/EpukuEyuVpfmSLQ
  3. Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов / В.С. Овчинский, Е.С. Ларина. – М. : Книжный мир, 2015. – 416 с.
  4. Дериглазова Л.В. Парадокс асимметрии в международном конфликте / Л.В. Дериглазова // Международные процессы. – 2005. – Т. 3, № 3 (9). – С. 85–94.
  5. Коновалов И.П. Эволюция частных военных компаний / И.П. Коновалов, О.В. Валецкий. – Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – 136 с.
  6. Террористические акты 1990–2000 годов. Категория: Хронология террористических актов в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://privacyandterrorism.org/hronology/>
  7. Мюнклер Х. Терроризм сегодня [Текст] / Х. Мюнклер // Иностранная литература. – 2004. – № 9. – С. 218–226.
  8. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху / Мэри Калдор. – М. : Изд-во института Гайдара, 2015. – 416 с.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Татаринов И.Е.
(г. Луганск)

Исследования политической идентичности стали сегодня весьма перспективным научным направлением. Длительное время эти вопросы оставались вне поля зрения учёных, однако после 1991 года они получили новый импульс. Для нашего государства, чья политическая история XX века насыщена событиями, связанными с транзитом власти, она особенно актуальна. Отметим искусственность и противоречивость формирования украинской государственности, которая имеет весьма бедный историко-политический бэкграунд. Это нашло своё отражение в отсутствии целостной государственной политической идентичности на фоне значительно ухудшившихся в последнее время межгосударственных отношений и появления озвучиваемых на разных уровнях территориальных претензий. В свете февральских событий 2014 года в Киеве, которые многие учёные трактуют не столько довольно туманным термином «Гражданская война», сколько «конфликтом идентичностей», исследуемая проблема приобрела особенную актуальность. Для понимания происходящих сегодня политических процессов, в контексте заявленной темы целесообразно рассмотреть особенности формирования советской государственной идентичности.

С распадом Российской империи и основ общерусской идентичности стали возникать национально-государственные идентичности у украинцев, белорусов, в Закавказье, Средней Азии и других регионах некогда единой страны. Фокусируя внимание на нашем политико-культурном пространстве, в «борьбе украинца с малороссом» [1] стал побеждать украинец. Заметим, что для идентификации южнорусского населения, отбросив старое понятие «малоросс», большевики стали активно

употреблять этноним «украинец». Причём не только деятели Украинской Народной Республики или Украинской Державы времён гетмана П. Скоропадского поставили его в центр своей национально-государственной концепции. «Украинскую идею» решительно взяли на вооружение большевики, пытавшиеся внедрить свой вариант украинской советской идентичности в массовое сознание. Более того, в период украинизации речь шла не просто о внедрении в массовое сознание украинской идентичности, но о придании ей довольно высокого статуса, что могло привести к новому распределению ролей между русскими и украинцами в социальной сфере [2, с. 174]. В официальной пропаганде намеренно подчёркивались отличия в положении украинских земель в Российской империи и Украинской республике в составе СССР, всячески акцентируя на свободном статусе последней. Апогеем внедрения украинской советской идентичности в массовое сознание стало введение с 1935 г. в новой форме учёта номенклатурных кадров в аппарате ЦК ВКП(б) графы «национальность». Аналогичная графа присутствовала в паспорте гражданина СССР, которая указывалась в соответствии с национальностью одного из родителей. В итоге, воспользовавшись происходившим распадом общерусской идентичности, советское руководство внедрило в массовое сознание украинскую идентичность. Одновременно противопоставляя её российской, подчёркивая при этом, что украинцы являются самостоятельной нацией. Наименованию «малоросс» стала придаваться отрицательная коннотация, а этноним «украинец», напротив, должен был ассоциироваться с успехами социалистического строительства [2, с. 176].

В 1920-е годы советским руководством был начат процесс территориализации республик, образовавшихся на обломках Российской империи. Основной акцент делался на политико-экономическую целесообразность и сопровождался ожесточёнными спорами о контурах межреспубликанских границ и многочисленными апелляциями к центру. Перед руководством страны остро встали вопросы о новом национально-государственном и административно-

территориальном устройстве. В качестве ориентира в национальном строительстве были взяты тезисы В. Ленина из его работ «О праве наций на самоопределение» и «Критические заметки по национальному вопросу». За основу взяли тезисы о необходимости государственного сплочения в отдельные республики «территорий с населением, говорящим на одном языке». При этом провозглашалось его тождество с национальностью. Формирование и сегментация республик производилось именно по языковому признаку, который В.И. Ленин считал определяющим. Самосознание как важнейшая составляющая исторической кодификации при этом вообще не учитывалась [3, с. 254]. В итоге, этнически однородное население некоторых областей оказалось разделено между двумя республиками, а разрыв экономики части регионов привёл к переориентации народного хозяйства и местами к упадку ряда центров и формированию смешанных локальных идентичностей. В то же время, сложившаяся обстановка не позволяла выработать иные решения в этом вопросе.

Наложение разного типа границ и регионального смешения с вариативными типами идентичностей привели к тому, что, например, в российско-украинском приграничном пространстве сформировался уникальный феномен идентичности, наполненный весьма своеобразным смыслом и повседневными практиками. В этом контексте следует привести мнение Эрика Хобсбаума, который в своей работе «Нации и национализм после 1780 года» указал, что «коммунистический режим принялся сознательно и целенаправленно создавать этнолингвистические территориальные «национально-административные единицы», создавать там, где прежде они не существовали или где о них никто всерьёз не помышлял, например, у мусульман Средней Азии или белорусов. Идея советских республик казахской, киргизской, узбекской, таджикской или туркменской «наций» была скорее чисто теоретической конструкцией советских интеллектуалов, нежели исконным устремлением любого из перечисленных народов» [4, с. 263–264].

Реальная самоидентификация нынешнего населения на постсоветском пространстве часто не укладывается в распространённые методологические схемы. Важно выяснить фактическое использование языка в разных сферах жизни и интерпретацию использования языка самими носителями идентичности. Ещё в 1920-е годы, при проведении российско-украинского межреспубликанского разграничения, российская сторона указывала на неоднозначность «лингвистической ситуации» в спорных пограничных уездах. Характерной особенностью спорной пограничной территории отмечали этнографическую неоднородность, ссылаясь также на то, что «язык населения в значительной части пограничной с УССР полосы Курской губернии является средним, переходным от украинского к великорусскому», «по территории пограничной полосы ... идёт полоса чисто великорусских «егунских» говоров», вследствие чего «пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской. Поэтому при установлении новой административной границы «решающее значение должно быть оставлено за экономическими признаками» [5, с. 212].

Более того, отнесённое по переписи 1897 года к малороссам население российского Центрального Черноземья критически воспринимало активно проводимую в 1920-е гг. украинизацию, вызывавшую беспокойство, а порой и негативную реакцию. Так, председатель Острогожского исполкома утверждал, что «большинство жителей уезда определённо не считают себя малороссами, украинизация в уезде совершенно невозможна и должна перевернуть всю жизнь верх дном». Показательно, что ещё в 1917 г. острогожская уездная земская управа провела анкетирование с целью выяснить, желает ли сельское население обучаться в школах на украинском языке. Ответы свидетельствовали о явном нежелании проводить какую бы то ни было украинизацию: из 44 сельских общин только 9 высказалось «за», а остальные – «против» [5, с. 220].

Вопрос национальной самоидентификации населения российско-украинского пограничья в указанные годы

свидетельствовал не в пользу Украинской ССР. Опыт украинизации школ «в пунктах с преимущественным украинским населением» также показал негативный результат. Многие украинцы «при проведении в прошлом 1923–1924 учебном году в школах... от преподавания на украинском языке категорически отказались». Отмечалось также, что такое «мнение крестьянства свидетельствует об отсутствии у него желания проводить украинизацию, которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий, и языка». В аналогичном контексте высказывались также жители присоединённых к УССР в 1920 г. донских земель (Таганрога и Восточного Донбасса). Они отмечали, что: «украинский язык мы уже давно забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература нам непонятна...» [5, с. 221, 224]. Здесь следует согласиться с авторитетным мнением Е. Борисенок, которая отметила, что на территории указанного приграничья действительно проживал довольно значительный процент украинцев. Однако эти же украинцы, по собственному признанию, не знали украинского языка и не желали его изучать, как и обучать на нём своих детей [5, с. 222].

Советская государственная идентичность конструировалась в первую очередь как надэтническая по своему содержанию и интеграционная по инструментальному предназначению. Так и не сформировавшись окончательно, уже в конце 1980-х гг. она погрузилась в глубокий кризис и оказалась не способна адекватно ответить на всё более углублявшиеся в советских республиках процессы этнокультурной обособленности и общегосударственной дезинтеграции. Только в отдельных пограничных контактных зонах удавалось поддерживать иллюзию существования советской идентичности. Донбасс был как раз таким пространством.

Заметим, что полиэтничность Донбасса, его особое место в советской экономике привели к формированию локальной культурно-исторической общности. И как показывают результаты полевых исследований, даже после распада СССР

советская надэтническая политическая идентичность была на Донбассе долгое время определяющей. И сегодня, судя по результатам соцопросов, исследователи встречают стойкие просоветские идентификации определённой части населения региона. Осознание исторической связи, территориальной и культурной общности с Россией, а также православная ориентация населения на канонический Московский патриархат обусловили прочное закрепление у большинства населения Востока Украины приоритетности Российской Федерации во внешнеполитических и культурно-цивилизационных ориентациях, продемонстрировав эволюцию советской идентичности в государственную российскую и их преемственность. Россия рассматривается жителями востока Украины как культурно близкая, братская и дружественная страна, несмотря на периодически возникающую напряжённость в межгосударственных отношениях. Социально-культурные и широкие экономические связи с Россией объясняют стабильность сохранения приоритетности России во внешнеполитических ориентациях жителей Востока Украины, являясь не столько политическим выбором, сколько выбором цивилизационным. Социокультурная и этническая близость и ценностно-мировоззренческое сходство наряду с общей исторической памятью и внешнеполитическим вектором позволяют говорить о целостности и общности идентичности Донбасса.

Исчезновение СССР воспринялось многими как тотальная деконструкция, утрата устойчивых, сформированных в результате многолетнего социального опыта представлений субъекта о своей принадлежности к определённой социальной действительности, и последующее закрепление на месте утраченного состояния невосполненности. В итоге распад СССР стал крахом представлений субъекта о собственной гражданской и государственной принадлежности [6, с. 67]. Кризис связующей идеологии, конформизм, а местами, и предательство элит, ослабление социализации, утрата веры в историческую миссию государства, разочарование в идеалах, падение доверия к существующей власти, несоответствие

политики государства изменившимся условиям жизни граждан стали определяющими в распаде СССР и крахе советской идентичности. Попытки же заместить утраченную идентичность постсоветскими западными трендами преимущественно либерального толка, не следует рассматривать как серьёзный стратегический курс. Отсутствие опоры на солидный культурно-исторический бэкграунд на фоне преклонения части политической элиты перед западной цивилизацией привели к современной мировоззренческой неразберихе и коллапсу идентичности в 1990-е годы. Во вновь образованных постсоветских государствах разрушение старой идентичности сопровождалось ускоренным конструированием новой истории, обоснованием этнической, социокультурной и иной самобытности при отрицании и целенаправленной дискредитации прошлого. Большинство новых конструктов идентичности имели конфликтный потенциал, что подтверждается событиями последних десятилетий на пространстве бывшего СССР.

Сегодня чёткими маркерами отечественной политической идентичности является осознание неразрывности тысячелетнего государственно-исторического опыта существования России и уверенность в сохранении и преемственности ключевых культурно-цивилизационных констант, проецированных на современность. Здесь важна их положительная коннотация, придающая им героический и сакральный смысл, выступая в качестве мощного источника формирования идентичности.

Литература

1. Котенко А.Л. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны / А.Л. Котенко, О.В. Мартынюк, А.И. Миллер // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 108. – С. 9–7.
2. Борисенок Е.Ю. Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности / Е.Ю. Борисенок // Славянский альманах. – 2014. – Выпуск 1–2. – С. 171–186.

3. Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и её проявление в новейшую эпоху) / В.А. Матвеев. – Ростов н/Д: ООО «Омега-Принт», 2015. – 320 с.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – 119 с.
5. Борисенок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы / Е.Ю. Борисенок // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2005. – С. 205–237.
6. Зиза Е.Н. Постсоветское общество: рост аномии в эпоху постмодерна / Е.Н. Зиза // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2007. – Вып. 8. Гуманитарные науки. – С. 62–72.

УДК 327(477.6)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ОСТРОВ ПРИДНЕСТРОВЬЕ

Галинский Я.О.
(г. Тирасполь)

Приднестровье как независимое государство самоопределилось 2 сентября 1990 года, в ходе борьбы приднестровского народа за свои права, против воинствующего национализма, господствующего в Молдове, прежде всего, за право говорить на русском языке, изучать не историю румын, а историю России и Приднестровья, право самостоятельно, без давления извне, выбирать вектор своего политического и геополитического развития. Это был первый случай на территории СССР, когда сам народ, отстранив от власти партийные комитеты, взял власть в свои руки и начал строить, через народные сходы и референдумы, свое государство. Напомним, что Приднестровье самоопределилось в составе Советского Союза как республика, в рамках его границ, не

выходя из него, как это сделала Республика Молдова. Это было вынужденное решение, поскольку разваливающемуся Советскому Союзу, в условиях усиливающих центробежных процессов, было не до Приднестровья, а Молдова ускоренными темпами двигалась к объединению с Румынией. И защитить народ Приднестровья от молдавского национализма и румынского унионизма могло только создание защитного барьера в лице приднестровского государства.

Геополитически Приднестровье изначально, с момента присоединения этой территории к России в 1792 году выдающимся полководцем Александром Суворовым, выступало как ее составная часть. А река Днестр фактически стала границей между западной и восточной (русско-славянской) цивилизациями. Кстати говоря, большинство «непризнанных государств» как раз возникают вдоль так называемых геополитических «разломов», в нашем случае роль такого разлома играет река Днестр. Часто эти «буферные зоны», типичные для порубежья между крупными геополитическими субъектами, рассматриваются как своеобразные стратегические плацдармы.

С тех пор, то есть, с конца XVIII века, на территории Приднестровья дислоцирована российская армия. Вначале это была армия Российской империи, затем 14-я армия Советского Союза, в последующем оперативная группа российских войск в Приднестровье. Именно эта армия, по своей сути приднестровская армия, ибо российские солдаты и офицеры жили там и служили на постоянной основе, на своей земля, оказала содействие приднестровцам в отстаивании своей государственности в 1992 году, при отражении агрессии республики Молдова, а ныне помогает охранять мир и безопасность приднестровскому социуму. Важно учитывать, что благодаря этому Россия обеспечивает свое присутствие в этом важном геополитическом регионе на юго-западном направлении. А это ближайший к Балканам форпост влияния России.

Сегодня Приднестровье обладает стабильными политическими характеристиками, представляет собой

состоявшееся государство, пусть пока и непризнанное, имеет свою демократическую Конституцию, располагает развитой политической системой, разноплановыми институтами политической власти и гражданского общества, своей армией, денежной единицей, многопрофильным государственным университетом. В настоящее время идет процесс укрепления и развития приднестровской государственности, осуществляется реформирование всех сфер жизни общества с учетом факторов враждебного окружения, существующих блокадных мер в отношении Приднестровья, попыток минимизировать значимость государственности Приднестровья.

Несмотря на 28-летний период существования Приднестровья, международное сообщество под влиянием США и западного мира, руководствуясь двойными стандартами, пока не готово к его признанию. Хотя Приднестровье по всем критериям соответствует статусу независимого государства, обладает необходимыми атрибутами нормального государства, а его политические власти полностью контролируют свою территорию. Необходимо заявить, что власти Приднестровья уделяют большое внимание государственному строительству, созданию своей идентичности, необходимой для легитимации его территории и границ. Как отмечается в докладе, представленном на научной конференции в Вашингтоне в 2006 году группой известных ученых, специалистов в области международного права и государственного управления, Приднестровская Молдавская Республика обладает реальным суверенитетом и соответствует всем формальным требованиям к государственности [1, с. 7].

Ныне Молдова, Украина и в целом Западное сообщество предпринимают значительные усилия для того, чтобы лишить приднестровцев своей государственности, реинтегрировать Приднестровье в Молдову, убрать оттуда российских миротворцев и воинский контингент. Иначе говоря, лишить Приднестровья негласного статуса «Российского геополитического плацдарма». По мнению ведущих приднестровских экспертов, важнейшей задачей США и НАТО на данном направлении является ликвидация любого

российского присутствия в Приднестровье, особенно – военного. Причем, именно пророссийскость приднестровских властей и абсолютного большинства населения Приднестровья не устраивают западных геополитиков. Так называемая демилитаризация Приднестровья, через вывод российских войск, по мнению западников, позволит реализовать любые варианты в отношении Приднестровья, соответствующие политическим интересам Запада. Именно поэтому они так упорно добиваются признания российской миротворческой операции в Приднестровье оккупационными войсками. Недавно спикер молдавского парламента Андриан Канду в интервью латвийскому агентству заявил, что Молдова готова выставить России счет на миллиарды долларов за 25-летнюю оккупацию Молдовы [2].

Следует признать, что эта тактика западного мира, через удушение Приднестровье в «кольце анаконды», тактика угроз и запугивания постепенно приносит свои результаты. Находясь в окружении враждебных государств Молдовы и Украины, подвергаясь экономическим, таможенным, информационным, культурным и транспортным санкциям, Приднестровье все больше ощущает их негативные последствия, испытывает на себе реальные запреты и препоны, нарушающие права и свободы его граждан.

В последнее время, в связи с украинскими событиями, ситуация вокруг Приднестровья существенно обострилась. Украинские власти, с учетом нахождения в Приднестровье российских военных, обвиняют его в возможных провокациях и агрессии против Украины и обозначили в качестве потенциально враждебной территории. Граница с Приднестровьем усиленно охраняется. В качестве усиления ее охраны созданы совместные молдово-украинские группы пограничников. Кроме того, на границу выдвинут боеспособный украинский батальон, прошедший боевую выучку на Донбасском фронте. К этому следует добавить участвовавшие встречи политического и военного руководства Молдовы и Украины, их заявления о совместных планах по реинтеграции Приднестровья в Молдову, предполагающих, в том числе, и

силовые действия. Нельзя исключить и того, что между руководством Молдовы и Украины заключено некое секретное соглашение о совместных действиях на «приднестровском фронте» в случае возникновения «Дня Х».

России, благодаря всесторонней помощи которой Приднестровью удастся выдерживать блокаду и всяческие тяготы, все сложнее оказывать ему поддержку и влиять на жизнеспособность приднестровского государства. Необходимо помнить, что между Приднестровьем и Россией нет общей границы, что существенно усложняет российско-приднестровское сотрудничество. Жесткими агрессивными действиями и запретами правительства Молдовы и Украины блокируют и тормозят развитие многостороннего сотрудничества Приднестровья с Россией. Фактически в общественное мнение этих двух стран внедряется мысль о том, что Приднестровье – это та же Россия, от которого можно ожидать всяческих провокаций и опасностей. В качестве примера ссылаются на склад вооружений в селе Колбасна, который остался под охраной российских военных со времен Советского Союза и который, якобы, служит базой для возможных провокационных действий приднестровских «сепаратистов». В настоящее время на международном уровне даже ставится вопрос о возможности международного контроля за состоянием этих вооружений и совместной их охране [3].

В последние месяцы российская стратегия на приднестровском направлении претерпевает определенные изменения. Это выразилось в ликвидации поста спецпредставителя президента России по Приднестровью, в назначении Дмитрия Козака, автора знаменитого «Меморандума Козака», на должность представителя России по экономическому сотрудничеству с Молдовой, в попытках сделать ставку в урегулировании молдово-приднестровского конфликта на президента Молдовы Игоря Додона. В Москве возобладала точка зрения, согласно которой следует поддержать на февральских парламентских выборах в Молдове партию социалистов в лице Игоря Додона, с тем чтобы содействовать

его победе и взятию под свой контроль всей политической обстановки в Молдове. Это, по мнению кремлевских политтехнологов, создаст условия для мирных и комфортных для обеих сторон конфликта условий его урегулирования на принципах федерализма.

Несмотря на все происки приднестровских оппонентов, Приднестровье твердо стоит на своих ментальных позициях, позициях русского мира. Русский язык выполняет роль главенствующего в системе реального триязычия в Приднестровье. Приднестровские школьники изучают историю России, как историю своей большой Родины, а Приднестровский государственный университет осуществляет образовательный процесс на основе российских образовательных стандартов. Приднестровцы воспринимают свою республику как свою малую Родину, а Россию – как свою большую Родину. Не случайно в экспертных кругах Приднестровье именуют не иначе, как маленькая Россия. Наконец, и это крайне важно, своей национальной идеей приднестровцы считают укрепление своей независимой государственности и последующее воссоединения с Россией.

Литература

1. Государственный суверенитет Приднестровской Молдавской Республики. – Тирасполь : Научн. изд. ЦСПИ «Перспектива», 2006.
2. Владимир Лепехин. Что стоит за обвинениями России в оккупации Приднестровья [Электронный ресурс] / Владимир Лепехин. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.md/politics/>
3. Артеменко Сергей. Равнодушие России и политические «мутации» Кишинева и Киева в Приднестровье [Электронный ресурс] / Сергей Артеменко. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2496225.html>

**ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В УРЕГУЛИРОВАНИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ**

**Кандауров Б.И.
(г. Луганск)**

Анализу разрешения конфликтов уделяли внимание многие мыслители. Важным фактором, влияющим на результативность завершения конфликта, является участие третьей стороны, которая помогает оппонентам найти мирное решение. Медиация как особая процедура ведения переговоров с участием нейтрального посредника пока мало известна, хотя посредничество и помощь в переговорах применяются довольно часто. Исследованием посредничества в международных конфликтах занимаются российские ученые, такие как С.А. Ланцов, М.М. Лебедева, М.В. Майоров, Н.А. Ушаков, П.Н. Шихирев, В.Ф. Заемский, И.А. Василенко, А.В. Торкунов и другие. К западным исследованиям относят работы М. Калдора, Э. Ньюмана, М. Хэнлона, Д. Джуна, Т. Сандлера, О. Холсти, О. Янга и других.

Участие посредников в конфликтах обусловлено, прежде всего, тем, что в нынешних условиях выход из конфликта путем переговоров является жизненно важным не только для его непосредственных субъектов, но и для других членов мирового сообщества. Занимая нейтральную сторону между конфликтующими сторонами, посредник помогает им в преодолении разногласий и конструктивном разрешении конфликта, устанавливая и поддерживая общение непосредственно между сторонами.

Посредничество – достаточно гибкий способ воздействия на конфликт с целью его урегулирования мирными средствами. Несмотря на то, что посредничество не исключает использования средств давления (угрозы, отказ от предоставления экономической помощи в случае продолжения конфликта и т.п.), в целом оно все же ориентировано на диалог

конфликтующих сторон между собой и каждой из них с посредником [5].

Анализируя природу и функции посредничества, российский конфликтолог Е.И. Степанов считает наиболее целесообразными следующие случаи его применения: отношения между конфликтующими сторонами натянуты, но в то же время в интересах сторон – сохранение и продолжение взаимоотношений, которые посредничество может успешно восстановить; стороны вовлечены в длительное противостояние, непосредственное общение между ними серьезно осложнено или даже прекращено; стороны уже предпринимали попытку урегулировать конфликт, но в результате переговоров ситуация еще более усугубилась, и стороны зашли в тупик [7, с. 118].

Конфликтующие стороны склонны к пересмотру своих прежних позиций в отношении оппонента. В этом случае инициатива посредника может помочь сторонам выработать приемлемую процедуру переговоров и достижения соглашения. Стороны заинтересованы в контроле за достигнутыми результатами на каждом новом этапе процедуры разрешения конфликта и за окончательным соглашением, которое в результате переговоров и посредничества предпочтительнее административно-командного решения.

Посредничество применяют, когда имеются серьезные различия в культуре, идеологии или религии, что создает дополнительные коммуникационные барьеры. Кроме того, медиация целесообразна в тех случаях, когда для сторон важными являются такие аспекты преодоления разногласий, как конфиденциальность, которая необходима для создания атмосферы большей искренности, но на которую трудно рассчитывать при обращении в суд, или как временной фактор. Посреднические технологии весьма разнообразны, но есть некоторые исходные положения, которые считаются общепризнанными принципами медиации [6, с. 41.].

Первый принцип посредничества – добровольность. Вступление всех спорящих сторон в процесс посредничества является добровольным, а посредник – свободно выбранным. Никто не может заставить стороны участвовать в медиации,

если они не хотят этого по какой-либо причине. Этот принцип проявляется и в том, что все решения принимаются только по взаимному согласию сторон, и в том, что каждая сторона в любой момент может отказаться от посредничества и прекратить переговоры.

Второй принцип – равноправие сторон. Ни одна из них не имеет процедурных преимуществ. Им предоставляется одинаковое право высказывать свои мнения, определять повестку переговоров, оценивать приемлемость предложений, условий соглашения и т. д.

Третий принцип, который обязательно должен соблюдаться в процессе посредничества, – принцип нейтральности посредника. Важно, чтобы посредник сохранял независимое, беспристрастное отношение с каждой из сторон и обеспечивал им равное право участия в переговорах. Все свои чувства и оценки посредник обязан оставить за пределами процесса посредничества. У профессионалов есть такое правило: на медиацию идти без каких-либо предубеждений. Если посредник чувствует, что ему трудно сохранить нейтральность, что ему не удастся избавиться от возникающих у него эмоциональных оценок, он должен отказаться от ведения процесса.

Четвертый принцип медиации – конфиденциальность. Следование данному принципу предполагает, что все, о чем говорится в процессе медиации, остается внутри этого процесса. Все записи, которые ведет посредник для заметок в процессе работы, уничтожаются. Посредник не может выступать в качестве свидетеля, если дело будет все-таки передано в суд. Посредник не имеет права сообщать одной стороне информацию, которую он получил от другой в процессе индивидуальной беседы, если не получил на это специального разрешения или просьбы от сообщившего информацию [9, с. 75].

Посредничество призвано обеспечить помощь в диагностике ситуации и поиске взаимоприемлемых решений. Эта функция медиации является ключевой. В конечном счете, именно для этого посредник содействует формированию

ориентации на совместные решения и создает каналы коммуникации. Посредник в ходе переговоров помогает конфликтующим сторонам сделать так, чтобы мирное окончание конфликта ни для одной из сторон не выглядело как поражение или проявление слабости.

В процессе посреднической деятельности осуществляется регуляция и контроль над взаимодействием сторон, а также выполнением ими договоренностей. Регуляционная и контрольная функции медиации направлены на разработку правил взаимодействия сторон, включая процедурные вопросы, а также на обеспечение выполнения достигнутых соглашений. Посредник контролирует соблюдение принятых участниками норм взаимоотношений [6, с. 39]. Опыт правильно организованных переговоров, даже если он не приводит к успешному соглашению, учит участников медиации тому, как надо себя вести в сложных жизненных ситуациях, дает им образцы эффективной коммуникации, формирует видение самого себя с неожиданной точки зрения. Эта роль медиации столь высока, что некоторые участники переговоров, даже не закончившихся успехом, и спустя несколько месяцев с благодарностью вспоминают сам процесс посредничества, в том числе поведение посредника. Ошибочно рассматривать роль посредника как некоего волшебника, способного решить все проблемы оппонентов. Эти ожидания не всегда оправдываются, а крушение надежд приводит обычно к весьма пессимистическим настроениям. Посредник – лишь помощник, и он не может принимать решения за участников конфликта.

Многообразие функций посредника лишний раз подчеркивает сложность этого вида деятельности, предъявляющей высокие требования к личности человека, занимающегося миротворческой работой. Он должен обладать уникальным сочетанием многих способностей: интеллектуальных, психологических, моральных, физических и организационных. Самое существенное, что обуславливает уникальность и незаменимость роли посредника, это возможность, во-первых, провести сравнительный анализ вариантов определения предмета конфликта спорящими

сторонами, обнаруживая при этом как отличные позиции, требующие урегулирования, так и совпадающие интересы и устремления, способные стать базой для взаимоприемлемых соглашений. Во-вторых, этот анализ посредник осуществляет с позиции третьей стороны – непредвзято и объективно, рассматривая проблему не изнутри конфликта, а находясь над ним. В-третьих, опытные посредники, профессионально владеющие технологиями примирения, могут быстрее найти формулу урегулирования, устраивающую всех, обеспечив при этом снятие эмоционального напряжения, состояния вражды и недоверия и добиться соглашения.

Таким образом, посредничество как одна из форм разрешения конфликта представляет собой способ вмешательства нейтральной третьей стороны, целью которого является оказание содействия процессу переговоров между основными участниками конфликта. Опыт организации переговоров показывает: медиация является успешной формой для разрешения любых острых споров. Следует помнить, что посредничество не может осуществляться по готовому шаблону, что работа посредника не может быть полностью алгоритмизирована, и в этом смысле она является не только наукой, но и искусством.

Литература

1. Андреев В.И. Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов / В.И. Андреев. – М. : Мысль, 1995.
2. Bercovitch J. Some Conceptual Issues and Empirical Trends in the Study of Successful Mediation in International Relations / J. Berkovitch, J.T. Anagnoson and D.L. Wille // *Journal of Peace Research*. – 1991. – Vol. 28, No. 1. – P. 8.
3. Гоптарева И.Б. О возможных механизмах разрешения конфликта / И.Б. Гоптарева // *Политические исследования*. – 1998. – № 6. – С. 22–28.
4. Иванчик В.В. Посредническая деятельность в предотвращении и разрешении конфликтов: вопросы

- правовой эффективности / В.В. Иванчик // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 6. – С. 133–135.
5. Институт посредничества и урегулирования конфликтов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://studfiles.net/preview/2847320/page:13/>
  6. Калашников Д.В. Переговорный метод управления конфликтом / Д.В. Калашников // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 37–42.
  7. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – 541 с.
  8. Лебедева М.М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы / М.М. Лебедева // Вестник МГУ. – Сер. 18. Социология и политология. – 1998. – № 3.
  9. Уткин Э.А. Конфликтология: теория и практика / Э.А. Уткин. – М. : Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство ЭКМОС», 2000. – 272 с.

УДК 327.8/32

**«МЯГКАЯ СИЛА» КАК АЛЬТЕРНАТИВА
ВООРУЖЕННЫМ СРЕДСТВАМ БОРЬБЫ ЗА
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ**

**Керечанина Д.А.
(г. Луганск)**

Основы однополярного мира, сформировавшегося после распада СССР, в котором основным центром силы являются США, в последние годы начали размываться. Мир вновь начинает становиться многополярным, что усиливает борьбу за сферы влияния. Но ни один из потенциальных новых центров силы не в состоянии будет самостоятельно играть на чужом поле без создания широкой коалиции союзников или, по крайней мере, попутчиков. И еще недавно главным

инструментом для создания сферы влияния считалась жесткая сила (hard power). Ее основными методами и средствами были прямое вооруженное вмешательство, экономическое давление, прямой подкуп национальной политической элиты.

Однако далеко не всегда жесткая сила является результативной, что подтверждается, например, провалом политики ее использования американцами в Ираке, Ливии, Афганистане. С учетом взаимного переплетения экономик применение некоторых видов современного оружия (например, ядерного) просто невозможно. Кроме того, современное постиндустриальное общество не горит желанием быть втянутым в войну, особенно за интересы третьих стран. Поэтому сегодня фактор привлекательности той или иной страны имеет не меньшее значение, чем ее военное превосходство. И все чаще в качестве альтернативного инструмента борьбы за геополитические интересы рассматривается так называемая «мягкая сила» (soft power).

В классическом понимании автора концепции «мягкой силы» Джозефа Ная, это внешнеполитическая стратегия, позволяющая достигать целей на международной арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. По его мнению, «жесткая» сила, или «жесткое» могущество, – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами.

«Мягкая сила» предполагает использование нематериальных активов для реализации своих интересов и стратегий в глобальном мире, достижение желаемого результата внешней политики мирным путем, а также ненасильственную реализацию национальных интересов в глобальном мире. Возможность реализации мягкой силы основана на принципах симпатии, привлекательности, притягательности, добровольного участия.

Среди наиболее значимых и результативных инструментов «мягкой силы» обычно называют публичную дипломатию, систему образования, студенческие и культурные

обмены, миграционную политику, национальную диаспору, информационное влияние. Если государство эффективно использует названные инструменты, оно может создать в других государствах, располагающихся в зоне его геополитических интересов, иллюзию уважения, доверия, взаимопонимания и, соответственно, влиять на политические и гуманитарные процессы в этих государствах.

По сути, «мягкую силу» можно рассматривать как инструмент латентного управления международными процессами. При этом объектами этого управления становятся как международные отношения в целом, так и конкретные страны и регионы. И этот инструмент доступен практически всем акторам международных отношений. Он приобретает особое значение для тех государств, которые не имеют реальных традиционных ресурсов воздействия на мирополитический процесс, таких как значительный экономический и военный потенциал, большой международный вес и т.д.

В условиях многополярной, полицентричной системы глобального мира любая страна, независимо от своего места в глобальной иерархии, при условии грамотного использования инструментов «мягкой силы» может осуществлять латентное воздействие на гуманитарные процессы, протекающие в рамках данного макрорегиона. И тем более значим инструментарий «мягкой силы» для государств, претендующих на роль одного из полюсов этой многополярной системы. Причем он может быть использован как для улучшения взаимопонимания между государствами, так и для дестабилизации тех или иных государств в качестве технологии «цветной революции». Но и в первом, и во втором случае технология «мягкой силы» будет альтернативой использованию вооруженных средств в борьбе за геополитические интересы.

Литература

1. Давыдов Ю.П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях / Ю.П. Давыдов // США и

- Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 3–24.
2. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира [Электронный ресурс] / Е.П. Зарянов – Режим доступа: <http://e-notabene.ru/wi/article>
  3. Най Дж. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике / Джозеф Най. – М., 2004.
  4. Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю / В. Трибрат // Международные процессы. –2005. – № 1. – С. 34–39.

УДК 323.2

ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТИЯ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ ОБЩЕСТВА

**Коваль О.В.,
Ладыга А.И.
(г. Луганск)**

Проблема построения Луганской Народной Республики непосредственно связана с вопросом практической перестройки социального государства в Республике. Ведь, исходя из тезиса, что такое государство является высшей ступенькой в эволюции правового государства, можно допустить, что в Луганской Народной Республике сначала следует построить правовое государство и, только выполнив эту задачу, приступить к построению социального государства. Является ли правомерной такая позиция?

Следует признать, что аргументом в ее пользу является исторический опыт создания государства в развитых странах, которые сегодня можно признать как государства социально-правовые. В этих странах сформировано на протяжении веков правовое государство, которое с течением времени постепенно

приобретало признаки социального государства. Однако говорить о пригодности такого сценария в современных условиях относительно Луганской Народной Республики вряд ли возможно. По нашему мнению, процессы построения Луганской Народной Республики как социального и правового государства должны происходить одновременно (параллельно) и взаимосогласованно, а иначе социальной напряженности и внутригосударственного конфликта не избежать.

Правовое и социальное государства – не антитезы. Сочетание этих противоречивых элементов составляет суть диалектики развития такого государства, которое признает приоритет прав человека и, в соответствии с этим, допускает разнообразные формы и методы его деятельности. Как отмечают специалисты, становление социального государства – длительный, сложный и противоречивый процесс.

Юридический аспект социального государства заключается в определении правовых процедур, форм и пределов его деятельности. В частности, базисом для системы социального обеспечения служит идея правового государства. Упомянутая система позволяет гарантировать гражданам субъективное право на получение предварительно определенной, нормативно установленной помощи при определенных типичных ситуациях, когда люди нуждаются в поддержке. Таким образом, социальные гарантии – это по своей природе и форме еще и гарантии юридические, что отражает связь между правовым и социальным государством [2, с. 70].

Следует согласиться с мнением специалистов о том, что социальное и правовое государство будут совместимыми, пока государственная власть будет ограничиваться, контролироваться и распространять свое влияние лишь при соблюдении основных прав человека. И наоборот, социальное государство будет вступать в противоречие с правовой системой, когда «благополучие человека», «социальная справедливость» будут считаться большими ценностями, чем «основные права» за счет исторически установленных принципов правового государства [1, с. 87].

Правовые ограничения государственной власти в

социальном правовом государстве должны проявляться в четкой фиксации в Конституции и других законах и в реальном осуществлении таких принципиальных положений, как недопущение: удовлетворения социально-экономических прав во вред политической, экономической и духовной свободе; реализации любых «позитивных» прав во вред правам «негативным»; установления дискриминационных ограничений, которые тормозят развитие частного сектора экономики; использования частной собственности во вред общему благу.

Только в результате такого ограничения государственной власти правом может успешно функционировать и развиваться социальное правовое государство, деятельность которого иногда образно сравнивается с динамическим равновесием маятника. Как только социально-правовое государство в своем внутривнутриполитическом движении проходит определенную точку равновесия (оптимальной регуляции), которую безошибочно фиксируют механизмы саморегулирования, начинается активизация ее правовых рычагов, которые сдерживают интервенционистскую тенденцию тем сильнее, чем дальше заходит государственная регуляция. Наконец, правовые принципы «побеждают» социальные, и начинается движение в обратном направлении.

Такое колебание «внутриполитического маятника» обеспечивается не только развитыми правовыми механизмами, но и порожденными этой инфраструктурой институтами и механизмами демократии, которые позволяют достаточно быстро заменять социально-политические силы, которые находятся у власти, оппозицией. На смену «левому» большинству в парламенте приходит «правое», на смену консерваторам – социал-демократы, более либеральная администрация сменяет менее либеральную, а в результате внутривнутриполитическая активность концентрируется возле определенного оптимального центра.

Следовательно, возвращаясь к вопросу, поднятому в начале нашей статьи, отметим следующее: по нашему мнению, существуют достаточные основания утверждать, что конституирование социального государства никоим образом не

входит в противоречие с важнейшими принципами государства правового, а является действительно новым, следующим этапом развития последнего. И между понятиями «правовое государство» и «социальное государство», и между принципами свободы и социально-экономического равенства, и между двумя «поколениями» прав человека, бесспорно, существует, с одной стороны, диалектическое единство, а с другой – могут возникать некоторые противоречия, напряжения. Социальное правовое государство, которое претендует на то, чтобы считаться воплощением современного идеала гуманистического государства, вынуждено постоянно уравнивать свои противоречивые элементы. При этом следует отметить, что данное равновесие является не статическим, а, скорее, динамическим. Последнее обстоятельство непосредственно связано с последующей общественной эволюцией.

В Луганской Народной Республике (как и в других постсоветских странах) перестройка социального государства имеет своей особенностью то, что происходит она одновременно с формированием правового государства. А это, по нашему мнению, требует еще большего внимания к состоянию указанного равновесия. Иначе угроза рецидива неонацизма, экстремизма, «социального бунта» может показаться не такой призрачной. Допустить же этого нельзя при любых обстоятельствах.

Литература

1. Баяджиев Д. Идея правового государства и функционирование власти / Д. Баяджиев // Сер. «Право». – Вип. 2. Ч. 1. – Острог : Нац. ун-т «Острозька академія», 2001. – С. 19–25.
2. Циппелиус Р. Философия права ; пер. с нем. / Р. Циппелиус. – М. : Исток, 2012. – 301 с.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

**Михайловская О.Г.,
Куприянова В.А.
(г. Луганск)**

В условиях развивающегося информационного общества наибольшее значение имеют четыре модели стратегических политико-коммуникационных кампаний, важнейшим компонентом которых выступает массовая коммуникация:

– агитационно-пропагандистская деятельность на основе СМК;

– политическая реклама;

– развития общественных связей;

– политический маркетинг.

– Политико-коммуникационные кампании характеризуются следующими особенностями [1]:

– они инициируются институционализированными политическими акторами. Коммуникаторами являются органы государственной власти, общественно-политические объединения, выражающие интересы определенных общностей или социальных групп [2];

– они имеют преднамеренный характер и направлены на достижение определенных политических целей;

– достижение политических целей может сопрягаться с решением нескольких взаимосвязанных задач: изменение политических позиций адресатов, их поведения и т. д.;

– проведение политико-коммуникационных кампаний носит массовый характер, предполагает использование нескольких коммуникационных каналов, широкое использование СМИ в сочетании с групповой и межличностной коммуникацией;

– политико-коммуникационные кампании должны обладать общественной легитимностью и восприниматься как

необходимые на основе устоявшихся в обществе норм и традиций [1].

Классическими примерами стратегических политико-коммуникационных кампаний являются избирательные кампании общенационального, регионального уровня. К ним также можно отнести деятельность политических партий и общественно-политических организаций по привлечению в новых сторонников [3].

В середине 80-х гг. К. Новаком и К. Варнеридом была разработана так называемая нормативная модель, которая показывает логическую последовательность действий коммуникационной кампании, направленных на достижение конкретного результата [4].

Рис. 1. Нормативная модель политико-коммуникационной кампании К. Новака и К. Варнерида

Согласно предложенной модели ожидаемый результат является начальным этапом в разработке плана кампании. Самой распространенной ошибкой при планировании кампании является завышение ожидаемого результата.

Факторами, которые влияют на корректирование плана проведения кампании, являются конкурирующие коммуникации, предметная область и целевые группы.

Организаторам кампании необходимо предусмотреть меры информационного противодействия, чтобы учитывать

фактический уровень конкурирующей коммуникации и минимизировать ее негативные последствия.

Целевая группа – это аудитория, изменение настроения или поведения которой является одной из первоочередных задач коммуникационной кампании. Исходя из двухступенчатой модели коммуникации, предложенной П. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном и Х. Годэ [5], целевые и адресные группы, как правило, не совпадают друг с другом. В качестве целевой группы рассматриваются, в первую очередь, лидеры общественного мнения, которые объясняют и распространяют полученные сообщения в определенных группах, составляющих адресную группу [6].

Содержание сообщений должно учитывать их восприятие разными целевыми группами [7]. Это предполагает изучение адресных и целевых аудиторий, чтобы моделировать сообщения соответствующим образом. Содержание сообщений так же учитывает стадии проведения кампании [8]:

- на начальных этапах сообщения должны, прежде всего, заинтересовать адресатов информационного воздействия;
- на последующих этапах сообщения должны оказать воздействие на мнение или поведение адресатов;
- на завершающих этапах необходимо заверить тех, кто принял желаемую точку зрения, что они сделали правильный и разумный выбор [2].

В 70-х гг. XX века М. Рэй разработал три модели эффектов коммуникационного воздействия: обучающую, устанавливающую несоответствие и модель недостаточной вовлеченности [9].

Так, обучающая модель, по мнению исследователя, на первый план выдвигает когнитивный эффект, затем следует аффективный, а потом бихевиоральный. Информационное воздействие может носить характер психического принуждения и влияния.

В современном мире широко практикуется использование в качестве инструмента политического воздействия технологий пропаганды, психологического манипулирования, шантажа, направленных слухов, технологий управления кризисами и др.

Усиление значения агитации и пропаганды в политической коммуникации. Основным каналом пропагандистской политики являются СМИ, в которых доминирующую роль, как правило, играет государство. Необходимо обратить внимание на то, что если раньше пропаганда шла от лидера к толпе, то в XXI веке «она будет идти от многих к немногим», т.е. от массы к лидерам общественного мнения.

Сегодня информационное превосходство США обусловлено созданной ими глобальной медиа-средой. Американцы активно ведут «войну идей» в системе Internet. Работает специальная информационная программа госдепартамента под названием «Команда по цифровым внешним контактам» (Digital Outreach Team) для противодействия антиамериканской дезинформации в Интернете за рубежом. Программа была инициирована ближайшим помощником и доверенным лицом президента США Джорджа Буша Карен Хьюз, которая в ноябре 2007 года объявила, что целью программы является «противодействие дезинформации и мифам в блогах на арабском языке» [10]. В рамках этой программы в госдепартаменте работает некоторое число людей, которые выходят в Интернет, в чаты, на популярные интернет-сайты и в ряде случаев на блоги и разговаривают об американской политике, исправляют ошибки, которые имеют место, а также отсылают людей к «правильным документам». Данное мероприятие осуществляется т.н. Командой по цифровым внешним контактам на арабском, фарси и урду. Особенно в ходе локальных конфликтов практикуется т.н. манипулятивная семантика: изменение смысла слов и понятий, «конструирование» сообщения из обрывков высказывания или видеоряда. При этом меняется контекст, и из тех же слов создается совершенно иной смысл.

Литература

1. Саломатин А.Ю. Политический маркетинг как основа политических технологий и PR-кампаний в

- постмодернизирующемся обществе [Электронный ресурс] / А.Ю. Саломатин // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-marketing-kak-osnova-politicheskikh-tehnologiy-i-pr-kampaniy-v-postmoderniziruyuschemya-obschestve> (дата обращения: 17.11.2018).
2. Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение : Монография [Электронный ресурс] / М.Н. Грачев. – Тула : Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. – С. 78. – Режим доступа : <http://grachev62.narod.ru/>
  3. Ольшанский Д.В. Политический консалтинг / Д.В. Ольшанский, В.Ф. Пеньков. – Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2005. — С. 347.
  4. Nowak K. Kommunikation och asiktforandring / K. Nowak, K.E. Warneryd. – Stockholm, 1985.
  5. Lazarsfeld P. The People's Choice / P. Lazarsfeld, В. Berelson, Н. Gaudet. – New York, 1944. – P. 152.
  6. Евгеньева Т.В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. Спецкурс по политической психологии [Электронный ресурс] / Т.В. Евгеньева. – СПб. : Питер, 2007. – 112 с. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1005797/>
  7. Cohen A. Future Directions in Television News Research / A. Cohen // American Behavioral Scientist. – 1989. – Vol. 33. – P. 135–268.
  8. Клемина Е.А. Влияние общественного мнения на политические технологии избирательных кампаний [Электронный ресурс] / Е.А. Клемина, А.Е. Песков // Вестник АГТУ. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obschestvennogo-mneniya-na-politicheskie-tehnologii-izbiratelnyh-kampaniy> (дата обращения: 17.11.2018).
  9. Ray M.L. Marketing communication and the hierarchy of effects / M.L. Ray // New Models for Communication Research / Ed. : P. Clarke. Beverly Hills. – CA, 1973. – P. 147–176.

10. Крикунов А. Роль СМИ в военно-политических конфликтах [Электронный ресурс] / Александр Крикунов. Сайт Центра террористических угроз. – URL: catu.su/extensions/171-2011-11

УДК 321.7:323.26

ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

**Левченко А.В.,
Михайловская О.Г.
(г. Луганск)**

Одним из важнейших социальных механизмов политического развития является процесс политического выбора личности. Ключевым моментом этого выбора выступает политическое самоопределение (самоидентификация), которое дает возможность субъективно «встраивать» себя в политическую систему, осознавать свои координаты в ней, определять свои интересы и отношение к другим политическим объектам и субъектам.

Концепт политической идентичности прошел длительную эволюцию и содержит огромное многообразие подходов к определению понимания данного феномена и его значения в жизни общества. Доминирующая роль национальной идентичности, роль культуры и государства в ее формировании исследуется в работах Ю. Качанова, А. Малиновой, Е. Мелешкиной, В. Суханова, А. Старостина, С. Хантингтона.

Тема кризисной, негативной и позитивной политической идентичности проанализирована Л. Гудковым и Д. Трубицыным. В условиях глобализирующегося мира проблемы самоидентификации личности нашли отражение в работах М. Кастельса, В. Лапкина, И. Семененко, В. Пантина, И. Тимофеева. В то же время, исходя из того, что политическая идентичность детерминруется множеством факторов и очень

динамична по своей сущности, этот феномен требует постоянного научного мониторинга.

Проблеме войны и мира в произведениях мыслителей различных эпох уделяется пристальное внимание. По этому поводу в истории существует самый широкий спектр мнений – от осуждения войны и несчастий, которые она приносит, до оправдания войны как двигателя прогресса, удела отважных и сильных, военной победы как высшей формы счастья и т.д. Мы попытаемся рассмотреть одну из сторон на этой проблемы, фактор идентичности во время военных конфликтов.

Тезис «война является естественным состоянием народа» рассматривается в работах Платона, Муссолини, Руссо. В состоянии войны происходят метаморфозы: равнодушие перерождается в сильные чувства – ненависть, жалость. Война также идентифицирует индивидов, сплачивает, значит, они возникают из «благих» намерений.

Ученые-теоретики утверждают, что для наступления эпохи общего мира достаточно эффективной системы гражданского контроля, который закрывает сумасшедшим доступ к власти.

История дает нам совершенно различные примеры того, какими факторами определялась национальная самоидентификация того или иного народа, по каким критериям относил он себя к той или иной истории, обществу, стране. Что сохранило болгар, помнивших, что они болгары и славяне под тысячелетним турецким игом? Территория обитания и история этой территории? Но у евреев не было территории, а была одна история. Именно такие экстремальные ситуации и показывают, что некая реальность как основа самоидентификации народа существует и как-то воспроизводится во вполне реальных феноменах и институтах. В экстремальной ситуации – того же еврейского народа, например, – она воспроизводилась в культуре, религии, образовании (в письменности, языке).

Современные итальянцы после стольких завоеваний и этническо-исторических смешений и сегодня называют себя не иначе, как наследниками Великого Рима. Потому что Великая Римская империя в исторических анналах осталась как некий

бессмертный символ национального – военного, культурного, исторического, духовного – величия.

Сегодня всё чаще некоторые политики возвращаются к тезису усовершенствования человека войной, Бенито Муссолини в «Доктрине фашизма» (раздел «Против пацифизма: война и жизнь как обязанность») писал: «Прежде всего, фашизм не верит в возможность и пользу постоянного мира, поскольку вообще дело касается будущего развития человечества» [1].

Такие рассуждения приводят к «неовандализму». «Одни строят, другие разрушают». Л. Козер акцентирует внимание на двух факторах 1) реалистической ситуации и 2) аффективном вкладе в нее, которые неизбежно приводят к борьбе за ценности. Противостоящие в конфликтах стороны рассматриваются как непримиримые противники, и, что приводит к конфликтам идентичностей, принимающим насильственные формы, игнорируются такие механизмы протекания конфликтов, как достижение компромисса и консенсуса на этапе конфликтной ситуации [2]. Анализируя специфику культурных конфликтов, Д. Хоровиц отмечает, что «поляризация» и «экслюзия» как конфликтогенные факторы связаны с аскриптивными различиями, соединяющими историю и расходящиеся взгляды на идентичность сообщества, с которым эти различия ассоциируются [3].

Войны, как «глубинные конфликты», представляют собой укоренившиеся, «застарелые» конфликты с историческими корнями и многообразными культурными, религиозными и политическими причинами, затрагивающие вопросы трансформации социокультурных идентичностей сторон конфликта. Преодоление такого рода конфликтов требует формирования интеграционной идентичности, осуществления модернизационных изменений во всех областях жизни общества; их конструктивное разрешение невозможно без удовлетворения требований всех сторон конфликта.

Это конфликты трудноразрешимые, они разгораятся из-за борьбы за удовлетворение основных потребностей, это конфликт ценностей и мировоззрений.

Конфликтную ситуацию делают острой и непреодолимой следующие факторы: 1) конфликты идентичностей затрагивают мировоззренчески и экзистенциально значимые ценности; 2) участники эмоционально вовлечены в конфликт; 3) конфликты идентичностей перестают быть средством достижения групповой безопасности противостоящих сторон, но становятся деструктивной самоцелью.

Сегодня происходят посттрадиционные изменения, «классические» конфликты, основанные на военно-политическом противодействии, трансформируются в мировоззренческие конфликты идентичностей — «цивилизационную борьбу за правильный путь в будущее» [4]. По мнению М.Б. Хомякова, идентичность интолерантна и конфликтна, когда она нестабильна или проблематична: формирование «протестных» идентичностей связано с процессом глобальной дестабилизации традиционализма [5].

В конфликте на территории Украины в 2014 году столкнулись три принципиально разных идентичности. Первая идентичность — это националистическая украинская идентичность. Ее носители выступают за украинское националистическое государство.

Вторая идентичность — это российская идентичность. Ее носители выступают за создание «Русского мира».

Третья идентичность — это сетевая. Эти люди не только ведут коммуникацию в социальных сетях, но и опираются на социальные сети в целеполагании своего взаимодействия.

Война между первой и второй идентичностями происходит в пользу третьей идентичности. Территориальная фрагментация мира не является обязательным условием топологической фрагментации мира в понимании третьей идентичности. Война не является целью или средством для третьей идентичности. Поэтому носители третьей идентичности являются единственными, кто не готов брать в руки оружие, предпочитая вести войны концептуальные, информационные и экономические. С точки зрения третьей идентичности, и первая, и вторая идентичности обречены на разрушение посредством

войны между ними: «оболванивать» и убивать людей за эти бесперспективные идентичности бессмысленно.

Каждая из трех идентичностей присутствует как в России, так и в Украине. Поэтому гражданское противостояние первой и второй идентичностей неизбежно.

Таким образом, фактор идентичности во время военных конфликтов стимулирует выработку новых норм и правил, порождает новые идентичности, приводит конфликт к созданию новых групп интересов, оформлению коалиций и ассоциаций прежде не взаимодействовавших сторон. Освоение искусства компромисса положит конец призрачной погоне за победой любой ценой, до полного поражения противника, так как научит давать адекватную оценку текущему положению вещей.

Литература

1. Муссолини Б. Доктрина фашизма [Электронный ресурс] / Бенитто Муссолини. – Режим доступа: <http://go.mail.ru/redirect?src=>
2. Козер Л. Функции социального конфликта; пер. с англ. О. Назаровой / Льюис Козер. Под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 205 с.
3. Конфликтогенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 192 с.
4. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой / Ульрих Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
5. Хомяков М.Б. Толерантность и ее границы / М.Б. Хомяков // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2(6) – С. 25–33.
6. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: проблемы становления [Электронный ресурс] / В.А. Авксентьев. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article

7. Эриксон Эр. Идентичность: юность и кризис / Эрик Эриксон. Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М. : Прогресс, 1996. — 344 с.

УДК 327/55:532/55:567.26:5-011

ИРАНО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ

**Иорганский Е.А.
(г. Луганск)**

В результате свержение шаха Пехлеви после исламской революции 1979 года, новые власти Ирана намеревались показать другим мусульманским странам живой пример процветающей исламской культуры и ценностей, не исключая экспорт своих ценностей силовым путём ради свержения власти и осуществления революций в странах Ближнего Востока [6, с. 275].

Непосредственно в Саудовской Аравии активизировались различные шиитские группировки, такие как «Организация Исламской Революции на Аравийском полуострове» и «Хизбалла Хиджаза», требовавшие прекратить экспорт саудовской нефти в США, присоединиться к Исламской Революции в Иране и прекратить преследования шиитов в стране. Как стало ясно позже, штабы этих группировок находились в Тегеране, а их члены проходили тренировку в иранском лагере имени Имама Али.

Всего за период 1979–1980 годов в Саудовской Аравии прошло более 50 протестов, основанных на социально-экономической базе, с явной проиранской направленностью, которую не скрывали саудовские шииты. В отношении Саудовской Аравии Хомейни говорил, что их религия – «Американский ислам», который, по мнению аятоллы, не учитывал ни мнения, ни положения населения, не находящегося у власти [9, с. 243].

В этой ситуации Саудовская Аравия оказалась в прямой конфронтации с Ираном. В отличие от революционного шиизма саудовский ваххабизм был более консервативным, пытался уберечь религиозную жизнь суннитов от влияния современности. Из Эр-Рияда и других монархических столиц Аравийского полуострова истинные замыслы Хомейни были видны насквозь. Под видом культурного и религиозного экспорта Исламской Революции Иран собирался занять ведущее положение на Ближнем Востоке путём применения силовых методов и террора, как непосредственно в Иране.

В это же время Саудовская Аравия приобрела заокеанского союзника – США, которые после свержения шаха и захвата американского посольства в Тегеране потеряли стабильный и дружественный Иран. Однако обзавелись другим, не менее важным союзником – Королевством Саудовская Аравия, которое до сих пор является главным арабским союзником США в регионе и вторым после Израиля союзником на Ближнем Востоке [9, с. 244].

С целью предотвратить экспорт Исламской Революции и возрастающее влияние Ирана Саудовская Аравия стала активно сотрудничать с Ираком, делая ставку на Саддама Хусейна, единственного, кто мог остановить иранский революционный порыв. Последний, кстати, пока ещё оставался для американцев партнёром, Ирак ещё не был включён в «Ось Зла».

Саддам Хусейн умело воспользовался страхом аравийских монархий перед экспортируемой из Ирана исламской революцией, и стал настаивать на их вооружённом вмешательстве в уже запланированную войну с Ираном. Ирак воспользовался нарастающими сепаратистскими движениями в богатой нефтью и природными ресурсами иранской провинции Хузестан, которую населяли преимущественно арабы. Под лозунгом защиты арабского населения Хусейн потребовал от Ирана предоставления им и остальным национальным меньшинствам права автономии. Кроме того, президент Ирака выдвинул требования к Ирану вернуть острова Абу-Муса и Малый и Большой Томб Объединённым Арабским Эмиратам. В качестве рычага давления Хусейн прибегнул к угрозе отменить

соглашение с Ираном о границе 1975 года, подписанное в Алжире.

Война началась 8 сентября 1980 года, а уже 17 сентября Алжирское соглашение было отменено. Война продлилась ещё восемь лет. В начале этого противостояния был создан Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в который вошли помимо Саудовской Аравии, Катар, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн и Оман. ССАГПЗ был создан с целью политического давления на Иран и режим Хомейни, а также для поддержки Саддама Хусейна, передачи разведанных и для показательной цели, продемонстрировать, в том числе государствам Запада, что арабы выступают единым фронтом и находятся в одном окопе с Ираком против иранского фундаментализма [9, с. 245].

В ходе противоборства между Ираком и Ираном стороны активно прибегали к активной поддержке оппозиционных групп внутри государств. Так, к примеру, Иран поддерживал иракских курдов, а Ирак иранских. Также стороны оказывали помощь меньшинствам: Иран – иракским шиитам, а Ирак – арабам и суннитам.

Однако политика поглотила Ближний Восток. Эр-Рияд осознавал, что в случае победы над Ираном Ирак станет доминирующей силой в регионе и теоретически стал бы не меньшей угрозой для Саудовской Аравии, нежели Иран Хомейни. В этой связи Эр-Рияд взял курс на затягивание войны, что и удалось в итоге. Для уравнивания сил страны ССАГПЗ оказывали активную финансовую помощь Ираку, которая стремительно росла с каждым годом. Так, в 1981 году сумма финансовой помощи Ираку составила 24 млрд. долл. США, а в 1982 году – 30–40 млрд., из которых 20 миллиардов были саудовскими. Помимо финансирования, Ираку были предоставлены авиабазы государств Персидского Залива.

Тактика Саудовской Аравии менялась в зависимости от боевых действий. В 1984–1985 году Эр-Рияд призывал к дипломатическому урегулированию конфликта, усиливая при этом давление на Иран, проводя учения в Ормузском проливе, закупая вооружения у Франции, США и СССР. Для большего

усиления давления на Иран саудиты не исключали возможности вовлечь в конфликт своих заокеанских союзников, разумеется, в основном США, которые перебросили дополнительные силы в район Персидского Залива для охраны конвоев ССАГПЗ.

В ноябре 1987 года в Аммане государства ССАГПЗ призывали превратить ирано-иракскую войну в «подлинную» войну арабов с иранцами.

Иран же действовал менее аккуратно. Путём угрозы войны и шантажа Иран требовал от Кувейта прекращения коммерческих поставок в Ирак и отказа Хусейну в предоставлении базы на острове Бубиян. Также Иран угрожал закрыть Персидский Залив, рассчитывая на нейтральную позицию арабской коалиции в войне между Ираком и Ираном. Эти методы воздействия, как и дипломатические, не имели успеха. Поэтому, в 1984 году Иран начинает так называемую «танкерную» войну, нападая на корабли Саудовской Аравии и Кувейта.

Визит в 1985 году в Тегеран министра иностранных дел Саудовской Аравии принца Сауда бин Фейсала ас-Сауда не привёл к ожидаемому успеху. Ввиду ослабленной региональной безопасности и перспективы вмешательства в конфликт новых государств СБ ООН 20 июля 1987 года принимает резолюцию №598, по которой государства возвращались к статус-кво. Резолюция была выполнена в 1988 году. Однако, как заявил Хомейни, «признание Резолюции СБ ООН не означает окончание войны, а имеет своей целью лишь положить конец враждебной пропагандистской кампании, развязанной против Ирана». Аятолла призвал иностранные войска покинуть территорию Ирана и поклялся продолжить войну против США и правителей Саудовской Аравии.

Саудовская Аравия добилась ряда важных целей. Во-первых, это создание ССАГПЗ, который выступил единым фронтом против Ирана и повлиял на исход войны. Во-вторых, Саудовская Аравия приобрела тесные отношения с США, особенно в сфере вооружений. И, в-третьих, Саудовская Аравия стала центром интеграции государств и обеспечения коллективной безопасности.

Исламская Республика Иран также достигла определённых целей. Во-первых, Иран вопреки всему сумел отстоять свою независимость и государственную идеологию. Во-вторых, война закалила иранскую армию. В-третьих, Иран сумел сохранить тесные торговые отношения в регионе и снизил озабоченность аравийских монархий касательно экспорта Исламской революции.

В период ирано-иракской войны Иран и Саудовская Аравия перешли к прямой конфронтации за доминирование в регионе. После Кувейтского кризиса 1990–1991 годов не останется сомнений, что именно эти государства любыми методами будут бороться за доминирование. Противостояние вокруг Ирака ещё не было закончено, Саддам Хусейн будет пытаться оставить Ирак в ряду влиятельных государств.

В начале 1990-х годов Иран и Саудовская Аравия шли по пути сотрудничества. Свообразный вклад в ухудшение отношений внесла война в Персидском Заливе. Поскольку Ирак всё ещё претендовал на господство в регионе, у Ирана и Саудовской Аравии появился общий враг. Оказавшись в тяжёлом экономическом положении после ирано-иракской войны, Ирак захватил богатый нефтью Кувейт.

Этот акт агрессии был воспринят государствами ССАГПЗ с большой обеспокоенностью. Саудовская Аравия восприняла это как предательство своего главного союзника антииранской направленности на Ближнем Востоке. Опасения Эр-Рияда обосновывались перспективой вторжения иракской армии в Саудовскую Аравию. Кроме того, Саудовскую Аравию окружали государства, симпатизирующие режиму Хусейна – это Йемен и Иордания [9, с. 249].

Эр-Рияд отреагировал незамедлительно. 2 августа 1990 года было проведено заседание совета Лиги арабских государств, на котором все государства решительно осудили Ирак, а в резолюции № 3036 признали вторжение актом агрессии и потребовали незамедлительного вывода войск Ирака из Кувейта. Саудовская Аравия, понимающая военную мощь Ирака, дала согласие на размещение на своей территории американского военного контингента.

Иран, как недавний противник Ирака, также решительно осудил агрессию против Кувейта. Это объясняется, прежде всего, стремлением установить добрососедские отношения с арабскими странами и избавиться от своей мрачной репутации экспортёра революции. Но вместе с тем руководство Ирана выступало против размещения американских войск в регионе, поскольку считали, что их будет использовать Эр-Рияд для давления на Тегеран.

Тегеран молчаливо согласился на проведение операции «Буря в пустыне» из-за прямой заинтересованности в ослаблении Ирака. Операция началась 17 января 1991 года после игнорирования Ираком десяти резолюций СБ ООН. В операции были задействованы войска США, Саудовской Аравии, Великобритании и Кувейта при поддержке подавляющего большинства стран, включая СССР. Войска коалиции не только освободили Кувейт, но и окончательно выбили Ирак из претендентов на гегемонию в регионе.

Необходимо заметить, что Саудовская Аравия стала явным претендентом на лидерство в регионе. Эр-Рияд показал, что может организовать систему коллективной безопасности в кратчайшие сроки с привлечением заокеанских союзников. Авторитет Саудовской Аравии среди арабских государств Ближнего Востока возвысился. Опыт создания Саудовской Аравией коалиции послужил сигналом для Ирана. Этот опыт мог быть направлен против Тегерана в случае обострения отношений.

Таким образом, война в Персидском заливе проложила путь для нормализации отношений Ирана и Саудовской Аравии, которые продержались, фактически, до иракской войны 2003–2011 годов.

Подводя итог противостояния Ирана и Саудовской Аравии в регионе в конце XX века, можно заметить тенденцию на изменение методов ведения внешней политики, как у Ирана, так и у Саудовской Аравии. Начало противостояния ознаменовалось противоречиями идеологического и религиозного характера, конфликтами вокруг Мекки и Медины,

квотами на паломников из Ирана и отношениями с заокеанскими партнёрами.

После ирано-иракской войны противостояние приобрело сугубо политический смысл, вопрос паломников и участия США в жизни арабских государств стал не движущей силой противостояния, а, скорее, второстепенным фактором.

Безусловно, Саудовская Аравия не стала претендентом на главенствующую роль в регионе сразу же после свержения шахиншаха Пехлеви. Дипломатическими и военными методами Саудовская Аравия выстроила доверительные отношения не только с арабскими государствами суннитского ислама, но и, в первую очередь, с Соединёнными Штатами Америки, став их главным арабским союзником, а также и государствами Европы. Привлекая своих мировых союзников к интеграционным процессам в регионе Персидского залива (ССАГПЗ) и всего Ближнего Востока, Саудовская Аравия доказала свою решимость участвовать в конфронтации с такими мощными противниками, как Иран и Ирак.

Когда того требовали национальные интересы, саудиты открыто поддерживали Саддама Хусейна, по принципу «враг моего врага – мой друг». Когда Хусейн пришёл к точке невозврата, вторгнувшись в Кувейт, потребовалось сотрудничество с более предсказуемым противником – Тегераном.

Исламская революция в Иране во многом обрушила доверие международного сообщества к государству. Экспорт исламской революции провалился практически во всех государствах арабского мира. Притязания Ирана на статус гегемона в регионе привели к прямой конфронтации с Ираком и Саудовской Аравией – наиболее серьёзными и последовательными игроками в регионе.

В частности, в 80-е годы XX века Иран использовал метод внутреннего проникновения в государства Ближнего Востока, опираясь на шиитское население в государствах и путём создания группировок, таких как Хезблла. Немаловажным было и сотрудничество Тегерана с Дамаском в надежде создать так называемый «шиитский полумесяц».

Данному плану помешал Ирак в лице Саддама Хусейна, а затем США в лице президента Джорджа Буша-младшего.

В отношении других государств Ближнего Востока Исламская революция в Иране заставила относиться к Тегерану и режиму Хомейни настороженно, а некоторых, как государств-членов ССАГПЗ, откровенно враждебно. Головокружение от успеха новой иранской власти, пришедшей после свержения шахиншаха Пехлеви, во многом и поспособствовало консолидации государств Персидского Залива и Ближнего Востока.

Кризис в отношениях усугубился настолько, что Саудовская Аравия пошла не неофициальное сотрудничество с вечным противником арабского мира – Израилем. Хотя, разумеется, официальные дипломатические отношения не установлены, государства тесно сотрудничают в области разведки относительно Ирана.

Подводя итог в отношении Саудовской Аравии и Ирана, можно указать на то, что эти государства Ближнего Востока активно использовали Ирак для дестабилизации друг друга. Саудовская Аравия во время ирано-иракской войны, Иран, в свою очередь, во время войны в Персидском Заливе. Перспектива вторжения иракской армии в Саудовскую Аравию оставалась реальной, поскольку проходили пограничные столкновения армии Ирака и королевства.

Саудовская Аравия действовала в основном методами экономического воздействия на Иран, Иран действовал путём шантажа и угроз, открыто поддерживая шиитское население Саудовской Аравии и подготавливая провокаторов в лагере имени Имама Али.

Литература

1. Аль-Амри С.С. Роль Саудовской Аравии в ходе кризиса в Персидском Заливе (1990–1991 гг.) / С.С. Аль-Амри. – Вып. 2. – М., 2001. – 374 с.

2. Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины / Х. Ансари. – М. : Изд-во Палея, 1999. – 472 с.
3. Белоусова К.А. Ирано-иракская война (1980–1988) и политика США в Ираке / К.А. Белоусова. – Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2005. – № 2 (12). – С. 45–55.
4. Валиахметова Г.Н. Исламский фактор в мировой политике / Г.Н. Валиахметова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2013. – 124 с.
5. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка / Н.В. Жданов. – М., 2003. – 568 с.
6. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика?; [пер. с англ. В.Н. Верченко] / Г. Киссинджер. – М. : Изд-во АСТ, 2016. – 416 с.
7. Киссинджер Г. Мировой порядок.; [пер. с англ. В. Желинкова, А. Милокова] / Г. Киссинджер. – М. : Изд-во АСТ, 2016. – 512 с.
8. Кузнецов А.А. О влиянии шиитско-суннитских противоречий на ближневосточную ситуацию / А.А. Кузнецов. – Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 3 (36). – С. 146–155.
9. Кузьмин В.А. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX – начале XXI веков / В.А. Кузьмин. – Научный диалог. – 2017. – № 8. – С. 241–260.
10. Кузьмин А.А. О влиянии шиитско-суннитских противоречий на ближневосточную ситуацию / А.А. Кузьмин. – Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 3. – С. 148.

ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

**Кровельщиков С.С.
(г. Луганск)**

Реалии сегодняшнего дня, к сожалению, характеризуются большим количеством военно-политических конфликтов, возникающих как между различными государствами, так и на территории одного из них. Как правило, они носят ярко выраженную национальную, этническую, религиозную окраску, что существенно осложняет и без того непростые, а подчас неразрешимые проблемы.

Исходя из актуальности проблемы военно-политических конфликтов в мировой практике, целью написания статьи является исследование возможностей их урегулирования.

Изучая историю, несложно понять, что всякому времени были присущи конфликты. Урегулирование противоречий же стало одним из ключевых видов политической деятельности, от которого зависели судьбы государств и народов.

Можно утверждать, что каждой исторической эпохе присуща своя форма типичного конфликта. В традиционном обществе типичной формой конфликта является насилие, суть которого – перераспределение властных полномочий с помощью силы, поэтому основные формы конфликта – бунт, мятеж, восстание, война. Разрешение его происходит также путём насилия, через «уничтожение» противника и достижения «полной и безоговорочной победы» [3, с. 52]. В индустриальном обществе на первых фазах главенствует тот же принцип насилия, однако он уступает место другому – консенсусу или компромиссу, заключающемуся в общей заинтересованности сторон. Формы его – бунт и мятеж, перерастающие в демонстрацию и забастовку, восстание – в голосование на выборах и т.д. В информационном обществе господствует

диссенсус. Однако военные конфликты, сопровождающиеся насилием, всё ещё остаются нашей действительностью.

В современной конфликтологии существует две обобщенные концепции завершения конфликта: урегулирование и разрешение. Современные исследователи по-разному относятся к понятиям «разрешение конфликта» и «урегулирование конфликта», большинство из них даже отождествляют эти понятия, но некоторые, совершенно целесообразно, проводят четкие разграничения между ними.

Р. Дарендорф считает, что применение термина «урегулирование» к конфликту намного точнее, чем термина «разрешение». Понятие «разрешение конфликта» «отображает социологически ошибочную идеологию, согласно которой полное устранение конфликта возможно» [2, с. 142–147]. Он справедливо утверждает, что социальные конфликты, которые систематически вырастают из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя «решить» в смысле окончательного устранения. Различая понятие «разрешение конфликта» (как устранение источников противоречий, которые лежат в его основе) и «урегулирование конфликта», лучше употреблять именно второй термин. Урегулирование конфликта связано с изменением ситуации, которая приводит стороны к необходимости прекратить конфликтные действия, однако стремление достичь первичных целей у них может сохраниться.

Общеизвестен тезис Р. Дарендорфа «кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регуляции, тот берет под свой контроль ритм истории». Он указывает на чрезвычайно важную историческую роль урегулирования. При этом урегулирование можно рассматривать как одну из технологий управления конфликтами. Заметим, что в отличие от других технологий управления конфликтом, цель урегулирования заключается в минимизации убытка и негативных последствий для каждой из противоборствующих сторон.

Для успешного урегулирования конфликта необходимо разделить объективную сторону конфликта (реальную проблемную ситуацию) и субъективную (восприятие реальной ситуации конфликтующими сторонами). Только после этого

можно использовать конкретные процедуры, позволяющие достичь консенсуса или хотя бы обеспечить стабильность ситуации, возможность диалога.

Специалистами-конфликтологами разработан ряд приемов мирного урегулирования конфликта, в том числе выяснены необходимые для этого факторы [1, с. 9–22]. В обобщенном виде исследователями выделяются следующие виды факторов успешного урегулирования конфликтов: институциональный (существование в обществе механизмов для проведения консультаций, переговоров и поиска взаимоприемлемых решений, в том числе и механизмов в рамках законодательной, судебной и исполнительной власти); консенсусный (наличие согласия между конфликтующими сторонами по поводу того, что такое «взаимоприемлемое решение»).

Достижению урегулирования также должны способствовать некоторые (принципы) условия. Во-первых, противоборствующие стороны должны быть убеждены, что убытки, понесенные в ходе конфликта, представляются намного большими, чем предполагаемые достижения. Во-вторых, полная реализация цели представляется каждой стороне недостижимой в ходе конфликта. В-третьих, когда для окончательной реализации цели нет достаточных ресурсов. В-четвертых, при этом каждая сторона убеждена, что не сможет достичь полной победы в конфликте. В-пятых, обе стороны достаточно организованные и легитимные, а также придерживаются общих правил и учитывают аргументы друг друга.

Создание таких условий является серьезной научной проблемой. Ее решение возможно при наличии эффективных методов урегулирования конфликтов, которые должны содержать четкие задачи и средства, с помощью которых предполагается достижение урегулирования, а также план наиболее важных мероприятий, связанных с этим.

Проблема нахождения эффективных методов урегулирования конфликтов издавна привлекала и сейчас привлекает к себе внимание мировой научной мысли из-за ее огромного значения для человечества.

Общеизвестно, что еще в мифах, высказываниях историков, концепциях философов прошлых веков, эпох содержатся довольно основательные разработки по причинам различных конфликтов и путях их преодоления. Ещё во времена первобытно-общинного строя главным способом урегулирования конфликтов считалось применение «священной» власти старейшин, вождей племен. У древних греков, как показывают жизнеописания Фукидида, если одно из государств вступает в спор с другим государством, то пусть конфликт будет передан на рассмотрение государству, которое обе стороны признают посредницей. Данный тезис подтверждает история античности, ведь многие народы за пределами Римской империи, чтобы избежать войны, на роль такого третейского судьи в своих конфликтах выбирали Марка Антония.

Некоторые исследователи современные средства урегулирования военно-политических конфликтов делят на две основные группы: политические и военные. В международной практике их принято называть гражданским и военным элементом [5, с. 4].

Политические средства охватывают, прежде всего, сферу дипломатических отношений и используются в форме переговоров, встреч, участия в международных организациях. Длительное время важнейшими политическими средствами, с помощью которых государства реализовывали свои главные политические интересы, были публичные демонстрации новых видов оружия, концентрация вооруженных сил в приграничных районах, провокации на границах, миротворческие операции под эгидой ООН и так далее.

Под влиянием пагубных последствий Второй мировой войны и с появлением ядерного оружия в среде политиков ведущих стран мира утвердилось мнение о недопустимости использования военной силы как средств урегулирования международных конфликтов, что нашло свое отражение в Уставе ООН. Вместе с тем, сегодня мы наблюдаем уникальную ситуацию, когда военный элемент активно осваивает роль одного из главных рычагов поддержания и укрепления мира.

Военный элемент представляет собой совокупность средств и форм принуждения конфликтующих сторон к сохранению или установлению мира между ними с использованием специальных формирований, оснащенных средствами вооруженной борьбы.

Природа силы гражданского элемента в поддержании мира может иметь дипломатическое, экономическое, идеологическое, научно-техническое, гуманитарное, международно-правовое выражение, тогда как природа силы военного элемента заключается в эффективности насильственного воздействия на конфликтующие стороны. Эффект принуждения конфликтующих сторон к миру с помощью военного элемента достигается нанесением или угрозой нанесения материального ущерба, ограничивая тем самым их материальные возможности для ведения вооруженной борьбы. Благодаря этому, военный элемент способен оказывать наиболее существенное влияние на конфликтующие стороны.

Но огромный недостаток военного элемента в поддержании мира заключается в том, что его использование связано с большими материальными затратами, людскими потерями, а также не совпадает с идеалами гуманизма и поэтому постоянно нуждается в оправдании своей миротворческой миссии, «освящение» ее высшими, наиболее авторитетными международными организациями.

Преимущества и недостатки военного элемента порождают два противоположных взгляда на его роль в поддержании мира. Сторонники так называемого «традиционного» подхода считают, что только военный элемент является лучшим гарантом установления и сохранения мира, наиболее радикальным средством урегулирования вооруженных конфликтов.

Сторонники противоположной точки зрения, напротив, склонны считать недопустимым использование военного элемента в разрешении международных споров и конфликтов. Все без исключения вопросы, связанные с установлением мира, должны, по их мнению, решаться только с помощью гражданского элемента [4, с. 217].

Примером проявления таких противоположных точек зрения могут служить позиции, которые занимали США и Россия по проблеме урегулирования военно-политического конфликта в Боснии. США настаивали на проведении там военной операции, в то время как Россия не предполагала военного вмешательства. Видимо, истина находится на «золотой середине» между этими полярными точками зрения.

Исходя из природы военного и гражданского элементов, можно выделить два вида методов урегулирования политического конфликта, первый из которых основывается на угрозе (силовой), а второй – на поощрении (несиловой). Среди наиболее важных несиловых методов необходимо выделить такие, как переговоры, посредничество, деятельность международных наднациональных организаций.

Среди силовых методов урегулирования военно-политического конфликта, основанных на принуждении, угрозе силой или направленных на создание баланса сил, при этом не относящихся к военному элементу и применяющихся в сфере действия политико-правовых норм, могут быть: дипломатическое давление, политическая изоляция, судебное разбирательство, санкции.

По нашему мнению, современные государства должны стремиться к скорейшему и справедливому разрешению своих международных и внутренних споров. Данные споры должны разрешаться, исходя из принципа суверенного равенства государств и свободного выбора средств их мирного урегулирования. Вместе с тем стоит отметить, что любой спор обязан решаться в соответствии с международным правом и принципом справедливости. С учетом сложившейся практики это могут быть переговоры, добрые услуги, посредничество, следственная и согласительная процедуры, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к органам международных организаций, а также любая процедура, согласованная до спора.

Помимо общих принципов международного права, которые уже прошли проверку временем, должны быть сформулированы и специальные, применительно к конкретным ситуациям, учитывая их сложность и специфику. Так, равенство

должно проявляться не только в создании равных условий мира, безопасности, соблюдения прав человека и т.д., но и равенство в ответственности разных государств за действия по поддержанию мира и стабильности.

При разрешении военно-политических конфликтов следует руководствоваться и тем обстоятельством, что взаимосвязанность государств должна предполагать для них одинаковую безопасность. Обеспечение международной безопасности возможно средствами укрепления мира, его поддержания и восстановления.

Особую значимость имеют принудительные действия ООН, которые могут осуществляться на основе универсальных региональных договоров, двусторонних соглашений.

В то же время нельзя забывать о том, что принудительный метод урегулирования военно-политических конфликтов является вспомогательным наряду с согласительным. Метод принуждения в международном праве является явно несовершенным и находится в начальной стадии своего развития, имеет ряд преимуществ и недостатков, но всё же является действенным. Но данный метод является крайне непопулярным.

В настоящее время наибольшую популярность заслужил политический несиловой метод в связи с увеличением ценности жизни человека, как сдерживающий фактор войны перед лицом опасности начала большой войны, в которую могут быть втянутыми страны всего мира, что грозит катастрофическими разрушениями.

Литература

1. Большаков А.Г. Региональные политические конфликты в государствах европейской периферии: концептуально-методологические параметры конфликтологического анализа / А.Г. Большаков // PolitBook. – 2012. – № 3.
2. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социс. – 1994. – № 5.

3. Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы 1 Международного конгресса конфликтологов) / Под ред. Е.И. Степанова. – М. : Эдиториал УРСС. – 2001. – 592 с.
4. Шумилов А.В. Концепт глобализации: новый общественно-политический феномен / А.В. Шумилов // Соціологія другого модерну: проблема перевизначення понять суспільствознавчого дискурсу. – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2009.
5. Несиловые способы урегулирования военных конфликтов [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article>

УДК 327(477.6):58

КОНФЛИКТ НА ДОНБАССЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Ткаченко М.Ф.
(г. Донецк)

Русские националисты – как отдельные персоны, так и организации – были одними из ключевых действующих лиц вооруженного конфликта на Донбассе на его начальном этапе (в 2014–2015 гг.). Они не только принимали активное участие в боевых действиях на стороне Донецкой и Луганской Народных Республик, но и занимались гуманитарной деятельностью. В связи с этим представляет интерес для политической науки и практики выявление специфики интерпретации русскими националистами конфликта на Донбассе. Это можно осуществить с помощью анализа оценок конфликта, который дают ему наиболее влиятельные националистические публицисты современной России.

Например, писатель и лидер национал-большевистской партии «Другая Россия» Эдуард Лимонов считает, что военный конфликт на территории Донбасса является противостоянием

России и США. По его мнению, Соединенные Штаты искусственно «активировали» украинских националистов для того, чтобы еще ближе приблизиться к границам России и создать у них напряженность. Украина, по мнению Э. Лимонова, никогда не должна была отделяться от России, а ее выход из состава СССР являлся грубейшим просчетом власти, за который сейчас «русские платят своей кровью». В начале боевых действий Э. Лимонов предлагал компромиссный план урегулирования конфликта: присоединить восточные территории Украины с русским населением к России, а западные области передать тем государствам, на которые они претендуют (Румынии, Польше и т.д.) [7].

Александр Проханов, главный редактор газеты «Завтра», отмечает глубокий кризис на Украине. Он считает, что на Украине происходит борьба наций, которая стимулируется извне, ведь «невозможно начать такую крупную и массовую военную акцию без сторонней поддержки, а учитывая обстоятельства прихода к власти нынешних украинских властей, не остается сомнений, кто помогает Украине в битве наций» [2]. Происходящее на Донбассе, по мнению А. Проханова, является актом геноцида [1].

Публицист, автор термина «Русская весна» Егор Холмогоров соглашается с этой точкой зрения. По его словам, конфликт происходит не по политическим, социальным или иным причинам, он является следствием целенаправленной агрессии против определенной нации, русской нации, со стороны фанатиков, поддерживаемых Западом и не желающих останавливаться ни перед чем, чтобы уничтожить русскую идентичность на территории Донбасса и Украины в целом [6].

Русский политолог Михаил Ремизов считает, что конфликт на Донбассе имеет межцивилизационное значение. Украина является точкой борьбы между Западным миром, во главе с США, и Православным миром, во главе с Россией. Фактически конфликт на Донбассе – продолжение «второй холодной войны», которая возникла после прихода к власти президента Владимира Путина в 2000 г. Тем не менее, Соединенные Штаты использовали уже опробованную в других

регионах технологию «цветных революций» для активизации радикальных националистов и насаждения антироссийских настроений. М. Ремизов подчеркивает, что конфликт на Украине, хоть и остается неразрешенным, подвержен перманентным возгораниям и является «козырной картой» в руках американского президента [5].

Егор Просвирнин, известный российский блогер, публицист, главный редактор сетевого издания русских националистов «Спутник и Погром», уверен, что конфликт имеет глубокую историческую подоплеку. Он рассматривает пример украинского гетмана Ивана Мазепы, который продался Западу для личной выгоды, и не видит причин рассматривать современную киевскую власть в другом ключе. По мнению Е. Просвирнина, украинская власть еще не осознала, как строить реальное национальное государство. Она была не готова столкнуться с сильным противостоянием на Донбассе. Конфликт в этом случае является межнациональным – русско-украинским. Иностранная помощь, которую оказывают современные гегемоны воюющим сторонам, не что иное, как способ удовлетворить свои геополитические амбиции. По мнению Е. Просвирнина, Россия «должна бороться за души народа» на Донбассе. Он полагает, что в определенном счете конфликт на Донбассе привел к обострению ситуации в Сирии, которую США, хотели использовать для того, чтобы ослабить позиции России на Украине, но, как известно, не получилось [4].

Интересной позицией по поводу конфликта на Донбассе обладает участник боевых действий на Донбассе и волонтер Александр Жучковский. По его мнению, конфликт идет между киевской властью, незаконно пришедшей к власти при помощи радикалов, и Россией, которая отстаивает свои национальные интересы на ближней территории. Россия, как он считает, воюет за справедливость для себя и своего народа, а народ Донбасса, в контексте националистической агрессии со стороны украинцев, является русским и, значит, подлежит защите. А. Жучковский утверждает, что в настоящий момент конфликт в тлеющем состоянии [3].

В целом, среди русских националистов популярна точка зрения, что конфликт на Донбассе – это конфликт между Россией и Украиной, который является отражением борьбы между Россией и США. Часть националистов считает, что чем дальше идет конфликт, тем больше Россия смягчает свою позицию и готовится к компромиссу с Западом, хотя должна уже давно предпринять необходимые действия по разрешению конфликта. Сравнивая позиции националистов, популярных в 1990-е – 2000-е гг. (Э. Лимонов, А. Проханов), и представителей молодого поколения русского национального движения (А. Жучковский, Е. Просвирнин), можно заметить, что первые более ориентированы на поддержку действующих российских властей, вторые же склонны к её более критической оценке и к более радикальному отношению к Украине. Первые усматривают в конфликте межцивилизационное (Запад – Россия) противостояние, вторые – межнациональное (украинцы – русские).

Литература

1. Александр Проханов о своей поездке на Донбасс [Электронный ресурс]. – URL: <http://on-planet.ru/policy/2934-aleksandr-prohanov-o-svoey-poezdke-na-donbass.html> (Дата обращения 20.11.2018)
2. Проханов А. «Те, кто воюет против Донбасса, скоро будут массово переходить на его сторону» / Александр Проханов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26639.7/3657999/> (Дата обращения 26.11.2018)
3. Долгожданный триумф русского духа. О книге А. Жучковского «85 дней Славянска» [Электронный ресурс]. – URL : <http://rys-strategia.ru/news/2018-11-28-6414> (Дата обращения 28.11.2018)
4. Просвирнин Е. «Ну что, избежали конфликта с НАТО, геополитики подзаборные?» / Егор Просвирнин [Электронный ресурс]. – URL: <https://obzor.press/intervyu/> (Дата обращения 28.11.2018)

5. Ремизов М. «Гражданская война идет не только на Украине, но и в России» / Михаил Ремизов [Электронный ресурс]. – URL: <https://x-true.info/65554-mihail-remizov-grazhdanskaya-voyna-idet-ne-tolko-na-ukraine-no-i-v-rossii.html> (Дата обращения 25.11.2018)
6. Разговоры о самоопределении русского народа [Электронный ресурс]. – URL: <https://holmogor.livejournal.com/6528254.html> (Дата обращения 24.11.2018)
7. Лимонов Э. О ДНР [Электронный ресурс] / Эдуард Лимонов. – URL: <http://politinform.su/intervyu/78676-eduard-limonov-o-dnr.html> (Дата обращения 25.11.2018)

УДК 32/327.83

ФОРМАТ МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

**Яковенко В.А.,
Михайловская О.Г.
(г. Луганск)**

Современный этап развития общества характеризуется структурными и институциональными изменениями, формируя стойкую динамику роста внутренних и межгосударственных конфликтов, в связи кризисом существующего мирового порядка и последствий процесса глобализации.

В мировой практике, для разрешения подобных конфликтов, как правило, привлекается третья сторона. Так как читается, что третья сторона независима при урегулировании спора или противостоянии двух сторон.

Однако, в последнее время, наметилась стойкая тенденция использования конфликтных ситуаций третьей стороной для

решения своих собственных геополитических интересов и задач. Управление конфликтами осуществляется как международным сообществом, посредством международных организаций, обладающих соответствующей компетенцией, так и третьими государствами, с помощью политических, военных и экономических прямых или не прямых форм влияния на действия непосредственных сторон конфликта с целью принуждения их к необходимой мере контроля над конфликтами и возвращению к использованию средств мирного регулирования.

Последние два десятилетия в мировой политике произошли значительные изменения, что привело к необходимости концептуального пересмотра способов и средств укрепления международной безопасности. Что в свою очередь, привело к пересмотру базовых принципов исследований политики в сфере безопасности. Это проблемы состава, связей, динамики и масштабности угроз, как на национальном, так и на международном уровне, что связано с появлением новых угроз и необходимостью построения соответствующей стратегии реагирования, на вызовы международной системы безопасности.

Система международной безопасности требует постоянного укрепления и осуществляется с помощью универсальных, субрегиональных, региональных и локальных мероприятий. Их активизация, вместе с системой гарантий, дает возможность создать и поддерживать универсальность системы международной безопасности.

В политической науке и теории международных отношений, наиболее четко разработанной является концепция коллективной безопасности. Коллективная безопасность – система совместных действий государств, осуществляемых в направлении поддержания международного мира и безопасности, а также по предотвращению или подавлению четко обозначенных актов агрессии. В данную систему включены общепризнанные принципы современного международного права, важнейшими из которых являются: невмешательство во внутренние дела, главенство принципа

неприменения силы или угрозы силой, нерушимость границ и территориальной целостности; применение мер по коллективному предотвращению и устранению угроз миру и актов агрессии; меры по коллективному ограничению и сокращению вооружений, включая полное разоружение.

Распад биполярной системы актуализировал перед современными государствами ряд концептуальных вызовов по вопросам безопасности и обороны в их внешнеполитическом курсе. В современных международных отношениях, наиболее эффективной является система кооперативной безопасности, действующая по принципу всеобщего участия в решении конфликта.

Так же, для ряда государств, действенным видом безопасности выступает нейтралитет, который дает возможность государствам углублять партнерские отношения на международной арене с учетом собственных национальных интересов, а так же, более эффективно, использовать имеющиеся ресурсы для активизации внутривнутриполитических процессов и решения насущных проблем.

В настоящее время роль, нейтральных государств на международной арене, не велика, однако миссия посредничества, которую традиционно выполняют такие страны в период нарастания международных противоречий, может им понадобиться в будущем.

Основным инструментом по урегулированию конфликтных ситуаций в международных отношениях выступают миротворческие миссии. Институт миротворческих миссий, получивший свое развитие в XX веке, прошел путь от простых миссий, направленных исключительно на решение проблем безопасности, к более сложным формам миссий по поддержанию мира, вышедшим далеко за рамки классического формата.

Современные миротворческие миссии направлены на усиление антикризисного управления, укрепления верховенства права, увеличение роли и эффективности гражданской администрации и гражданской защиты.

Например, модель миротворческой миссии НАТО представляет собой жесткую форму обеспечения безопасности, и применяется блоком как своеобразный механизм легитимизации своего военного присутствия на территориях, представляющих политический или экономический интерес для участников альянса. Связано это, прежде всего, с тем, что на сегодня до сих пор отсутствует всеобщая признанная и четко обозначенная доктринальная основа миротворческой деятельности, в результате чего каждый случай миротворчества скорее похож на экспериментальную «лабораторию», чем на применение устоявшегося механизма и инструментария урегулирования военно-политических конфликтных ситуаций [1, с. 112–123.].

Основы мироустройства были заложены Вестфальским миром (1648 г.), который узаконил правила и механизм баланса сил, и Венским конгрессом (1815 г.), который дал возможность постепенно сформулировать традиционные и международные правовые нормы общественной безопасности и антикризисного управления.

Однако когда европейский национализм находился в противостоянии с империализмом, коллективные обязательства показали свою неэффективность для формирования полноценной системы международной безопасности; в частности доказательством этого явился регресс безопасности и последовавшие, практически без перерыва, одна за другой две мировые войны.

Созданная в 1945 г. Организация Объединенных Наций (ООН), включила в свой функционал обеспечение коллективной безопасности государств, путем формирования общей системы безопасности. Однако на практике данный процесс не смог обеспечить достижение изначально поставленных целей. С помощью проведения миротворческих миссий под эгидой ООН и региональных организаций, данная система не смогла в полной мере обеспечить международную безопасность, став одновременно и заложником и оппонентом биполярного противостояния. В результате, был сформирован концепт международной безопасности, основывающийся на принципе –

«мир невозможен, война маловероятна», учитывающий послевоенную состязательность двух военных блоков, обладающих ядерным оружием, создав, таким образом, кантианскую модель вечного мира.

Первыми двумя миротворческими операциями, развернутыми ООН, стали – Группа военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане и Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия, созданные в связи с выходом британской администрации из Индостана и Ближнего Востока, и провозглашением независимости Израиля и последовавшая за этим война с соседними арабскими государствами. Обе миссии продолжают свою работу до сих пор, имея в штате несколько сотен человек.

После окончания Холодной войны и биполярного противостояния, количество внутренних конфликтов в различных регионах планеты резко увеличилось с 13-ти в период до 1988 года, до 55-ти в ходе «третьей волны» миротворчества.

Для проведения сложных многофункциональных операций, которые соответствовали бы реалиям современного миропорядка, был сформирован Департамент операций по поддержанию мира (ДОПМ), целью, которой декларировано обеспечение политического и исполнительного управления миротворческими операциями ООН на территории любой страны мира.

В процессе администрирования ООН вооруженного конфликта в Косово в бывшей Югославии – Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) и в Восточном Тиморе, находящегося в процессе обретения независимости от Индонезии – Миссия ООН по поддержке в восточном Тиморе (МООНПСТ) была сформирована еще одна форма миротворческих миссий. В результате чего был начат процесс реального государственного строительства в рамках проведения миротворческих операций.

Одновременно с этим, в результате глубокого изучения проблематики поддержания мира ООН провела ряд реформ в 1990-х. В результате необходимого эволюционного процесса

миротворческих миссий был разработан «Доклад Брахими» (2000 г.), в котором были рассмотрены вопросы восстановления политических обязательств со стороны государств-членов в виде значительных институциональных изменений и увеличения финансовой поддержки миротворческого механизма.

Несмотря на постоянную поляризацию интересов в регионе конфликта, когда как и страны-участники конфликта, так и государства-регуляторы при урегулировании и разработке политической составляющей разрешения ситуации лоббируют свои явно противоречащее друг другу и решению конфликта интересы. Хотя, как пример возможного преодоления устоявшихся стереотипов и предрассудков можно привести попытку консенсусного решения конфликта в Сирии, когда большинство геополитических акторов смогли пойти навстречу друг другу и выработать совместный план действий относительно урегулирования этого конфликта [2, с. 57–58].

Поэтому в вопросе международного вмешательства в деятельность государственных акторов, традиционным, базовым выступает принцип права на самоопределение [3], а стабильность международных отношений в современных условиях взаимозависимости зависит от правильного понимания и выстраивания системы разрешения и урегулирования политических и военных конфликтов, количество которых в последнее время динамично увеличивается и интенсивно возобновляется. Явная неспособность государств самостоятельно осуществлять контроль над данными динамично меняющимися процессами остро ставит на повестку дня современной геополитики вопрос совершенствования механизмов и инструментов урегулирования данных конфликтов на международном надгосударственном уровне [4, с. 133]. Так, например, одним из факторов, который обязывает участвовать Россию в урегулировании конфликтов в странах постсоветского пространства, помимо геополитического обязательства, как крупного актора международных отношений, является необходимость поддержания своего статуса регионального лидера [5].

Еще одним фактором необходимости существования для международного сообщества надгосударственных структур, способных выполнять миротворческие функции, является то, что подобные организации не располагают собственными вооруженными силами и при организации миротворческих миссий полагаются на военно-гражданский персонал, предоставленный государствами [6, с. 140].

Кроме того, необходимо обозначить такой значительный для системы безопасности аспект как концепция «разделенной ответственности» (shared responsibility). Согласно ей существует мнение, что у «национальных контингентов, являющихся частью миротворческих сил ООН, имеется двойной институциональный статус – как органов своего государства и как части органа ООН» [7, с. 5]. Связано это с тем, что вопрос военного миротворчества до сих пор законодательно не урегулирован на международном уровне и не имеет единой формулировки даже в Уставе ООН. Однако существует понимание миротворчества, как объединенных усилий человечества, направленных на предотвращение военных конфликтов, их прекращение и выход из конфликтной ситуации. Данные операции проводятся под эгидой ООН.

Существует два основных вида подобных операций: операции по поддержанию мира и операции по принуждению к миру. Операции проводятся тремя видами миротворческих сил: миротворческие силы ООН, включающие воинские подразделения из 122 стран; военные наблюдатели (фактически это военные дипломаты); полицейские силы (применяются в конечной фазе конфликта, для налаживания нормальной жизнедеятельности и государственного функционирования на постконфликтной территории).

Надгосударственные структуры ОДКБ, НАТО и ЕС, создавшие антикризисные инструменты, в которых отражены определенные тенденции в системе международных отношений дали ООН возможность их одновременного применения. Таким образом, коалиции *ad hoc*, которые раньше создавались под проведение конкретной операции, уступили сегодня место заранее подготовленным боеготовым силам быстрого

реагирования, специально обученным и предназначенным именно для внедрения в кризисы, а вовсе не для классических массовых атак воинских подразделений. Происходит эволюция функций в регионах конфликтов, и эту эволюцию выполняют вводимые силы региональных организаций. Процесс изменений идет от парадигмы коллективной обороны к миротворческим функциям, полицейскому обеспечению, проведению гуманитарных операций и деятельности по пресечению терроризма.

Возникновение, не существовавших ранее угроз, таких, к примеру, как международный терроризм, «гибридные войны», «цветные революции», «кибер»- и информационная войны, обозначили проблему формирования новой архитектуры системы международной безопасности. В связи с чем требуется модернизация прав и обязанностей ООН, надгосударственных структур, контролирующих вопросы международной безопасности, что может привести к формированию новой институциональной структуры, способной решать вопросы миротворчества и поддержания мира на современном этапе.

Литература

1. Гришаева Л. ООН и проблемы ядерной безопасности / Л. Гришаева // Обозреватель – Observer. – 2008. – № 7. – С. 112–123.
2. Действующее международное право / Ю.М. Колосов [и др.]; под общ. ред. Э.С. Кривчикова. – М. : Юристъ, 2002. – 345с.
3. Департамент операций по поддержанию мира [Электронный ресурс] / Операции ООН по поддержанию мира на русском языке. – 2009. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian>.
4. Додонов В.Ю. Политика соседства в СНГ: приоритеты, направления, механизмы реализации / В.Ю. Додонов // Россия и современный мир. – 2008. – № 2. – С. 131–143.
5. Доклад Генерального секретаря о работе Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] /

Организация Объединенных Наций. – Режим доступа:
<http://www.un.org/russian>.

6. Емельянова Н.И. Европейские вооруженные силы в кризисном реагировании (международно-правовые аспекты) / Н.И. Емельянова // Международное право. – 2008. – № 3. – С. 138–149.
7. Заемский В.Ф. Теория и практика миротворческой деятельности ООН : монография / В.Ф. Заемский. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – 219 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Анпилогова Татьяна Юрьевна** – и.о. заведующего кафедрой истории Отечества Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск)

2. **Бережной Эдуард Алексеевич** – студент 1 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

3. **Бунеев Вадим Дмитриевич** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

4. **Гаврыш Ольга Владимировна** – доцент кафедры истории Отечества Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

5. **Галинский Ярослав Олегович** – старший преподаватель кафедры политологии и государственного управления Приднестровского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика).

6. **Иорганский Евгений Александрович** – студент 4 курса, направления подготовки «Международные отношения» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

7. **Кандауров Богдан Игоревич** – старший преподаватель кафедры политологии и правопедения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, магистр политологии (г. Луганск).

8. **Карпунов Вячеслав Николаевич** – доцент кафедры политологии и правопедения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

9. **Керечанина Дарья Александровна** – магистр 1 курса, направления подготовки «Политология» Луганского

национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

10. **Клипаков Николай Викторович** – заместитель Министра образования и науки Луганской Народной Республики, кандидат технических наук, доцент (г. Луганск).

11. **Коваль Олег Валерьевич** – заместитель Председателя Народного Совета Луганской Народной Республики (г. Луганск).

12. **Королёва Галина Ивановна** – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Луганской государственной академии имени Михаила Матусовского, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

13. **Кровельщиков Сергей Сергеевич** – студент 2 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

14. **Крысенко Дмитрий Сергеевич** – доцент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор исторических наук, доцент (г. Луганск).

15. **Куприянова Виктория Александровна** – магистр 2 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

16. **Кучер Константин Владимирович** – ассистент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

17. **Ладыга Александр Иванович** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

18. **Ладыга Людмила Ивановна** – доцент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

19. **Левченко Алёна Валериевна** – магистр 2 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

20. **Миндюкова Анна Владимировна** – ассистент кафедры политологии и правоведения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

21. **Михайловская Оксана Георгиевна** – и.о. заведующего кафедрой политологии и правоведения, кандидат политических наук, доцент (г. Луганск).

22. **Олейник Владислав Александрович** – студент 3 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

23. **Онопко Олег Владимирович** – доцент кафедры политологии Донецкого национального университета, кандидат политических наук (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

24. **Писаный Денис Михайлович** – доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук (г. Луганск).

25. **Склянюк Вячеслав Вячеславович** – магистр 2 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

26. **Собина Марина Станиславовна** – магистр 1 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

27. **Татаринев Игорь Евгеньевич** – доцент кафедры политологии и международных отношений Луганского национального университета имени Владимира Даля, кандидат исторических наук (г. Луганск).

28. **Татоли Татьяна Викторовна** – доцент кафедры политологии и правоведения Луганского национального

университета имени Тараса Шевченко, кандидат исторических наук, доцент (г. Луганск).

29. **Ткаченко Маргарита Федоровна** – студентка направления подготовки «Политология» Донецкого национального университета (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

30. **Трегуб Виктория Александровна** – студентка 3 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

31. **Чешенова Татьяна Валерьевна** – доцент кафедры таможенного дела и международных отношений Новороссийского института Московского гуманитарно-экономического университета, кандидат политических наук (г. Новороссийск, Российская Федерация).

32. **Шелюто Владимир Михайлович** – профессор кафедры философии и религиоведения Луганского национального университета имени Владимира Даля, доктор философских наук, профессор (г. Луганск).

33. **Яковенко Владислав Александрович** – магистр 1 курса, направления подготовки «Политология» Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
КОНФЛИКТОВ
(К 100-летию окончания Первой мировой войны)**

(г. Луганск, 5 декабря 2018 года)

*Редакционная коллегия оставляет за собой право
технического и стилистического редактирования статей.
Авторы несут полную ответственность за содержание
статьи.*

Редакционная коллегия не всегда разделяет мнение авторов.

Редактор – Михайловская О.Г.

Верстка – Татоли Т.В.

Подписано в печать 04.09.2019. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризографическая.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 50 экз. Заказ № 63.

Издатель

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20.

e-mail: knitaizd@mail.ru